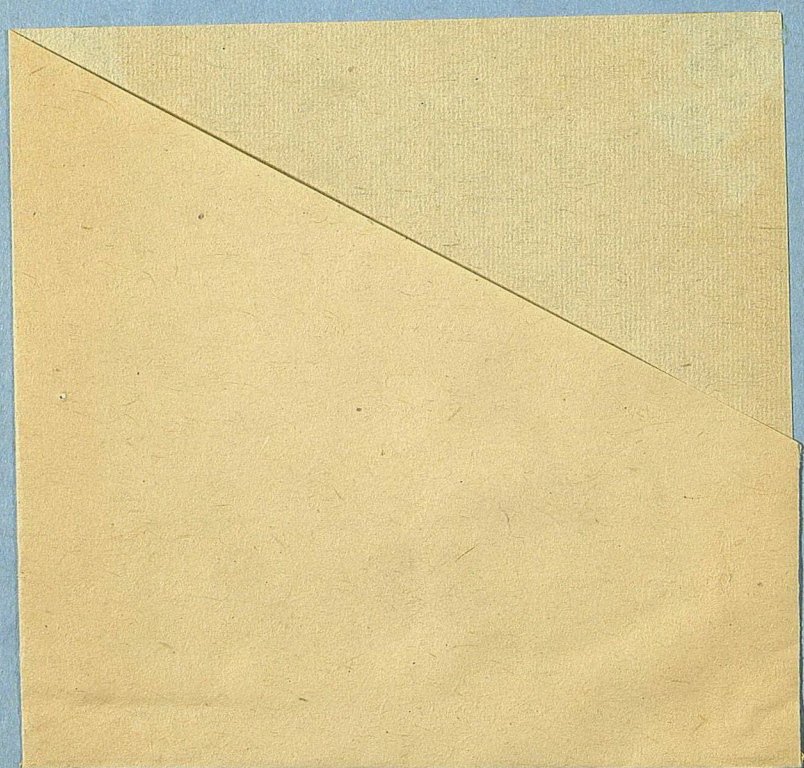

✓ 571
99

1883

У 571
99

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ШАМАНСТВА ВЪ
СИБИРИ.

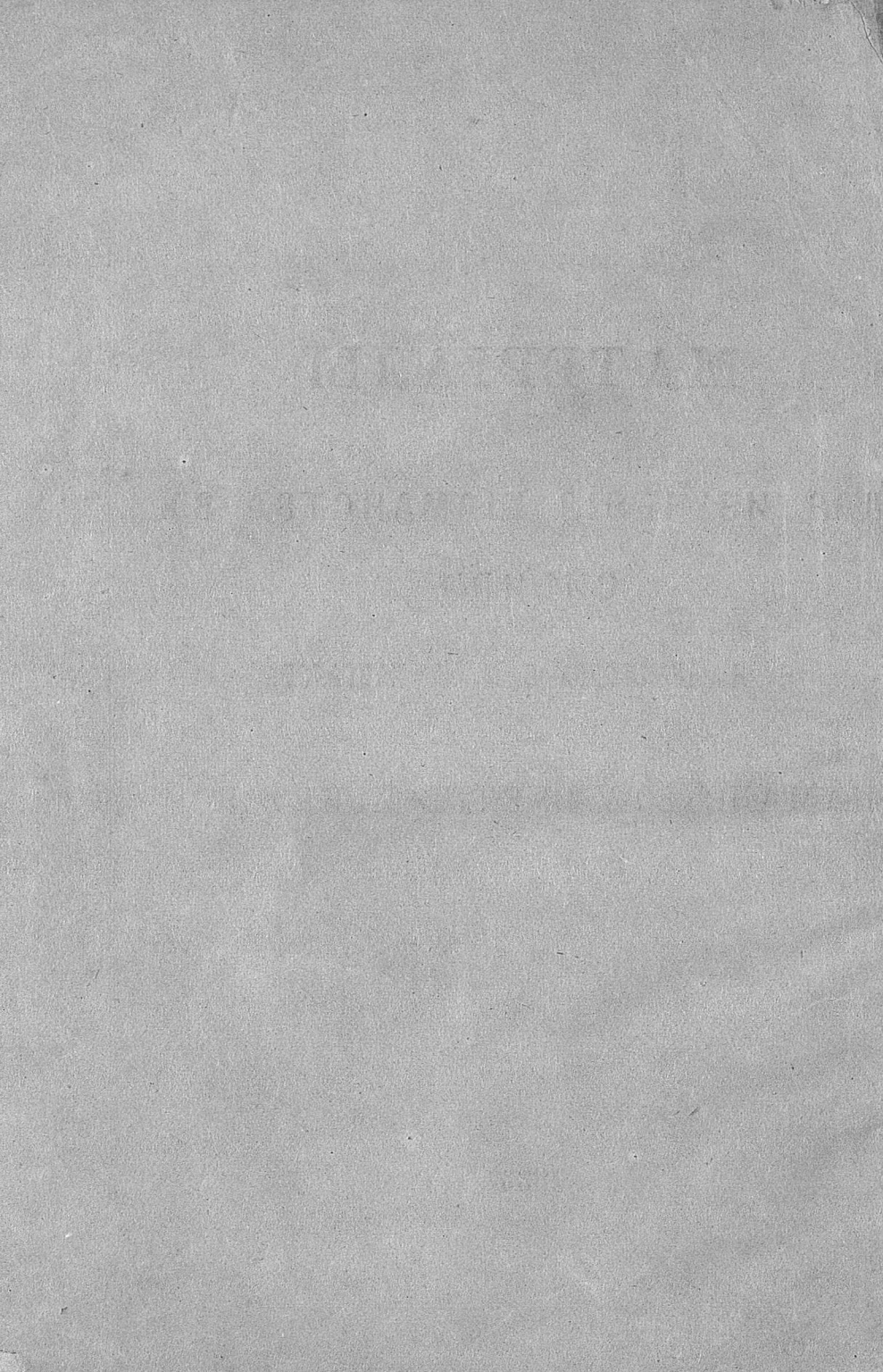
Н. Н. АГАПИТОВА И М. Н. ХАНГАЛОВА.

ШАМАНСТВО У БУРЯТЪ ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНІИ.

Иркутскъ.

1883.

Типографія Н. Н. Сивидына.

У 571
99

45 см

7638-62

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ШАМАНСТВА ВЪ СИБИРИ.

И. И. Аганимова и М. Н. Хангалова.

Шаманство у бурятъ Иркутской губерніи*)

І. БОЖЕСТВА.

Верховными божествами у бурятъ шаманистовъ почитаются такъ называемые *тэнгэрин'ы*, небесные боги, мѣстообитаніе которыхъ находится на видимомъ небѣ. Одухотвореніе вещественнаго предмета, въ данномъ случаѣ неба, обнаруживаетъ значительную

*) Примѣчаніе. Считаю необходимымъ объяснить происхождение предлагаемой работы. Въ 1880 году бывшій воспитанникъ Иркутской Учительской Семинаріи, а тогда уже учитель Кудинскаго инородческаго училища, М. Н. Хангаловъ прислалъ мнѣ большихъ размѣровъ рукопись, въ которой описывались обрядъ посвященія въ шаманы и похоронные обряды послѣ смерти шамана. Ознакомившись съ содержаніемъ рукописи, я нашелъ, что для того, чтобы взяться за редакцію ея, необходимо самому лично ознакомиться на мѣстѣ съ обрядами, а съ другой стороны, что напечатать описанія только однихъ обрядовъ посвященія и похоронъ шамана недостаточно, такъ какъ бурятская мифологія въ литературѣ совершенно не разработана. Имѣя это въ виду, я предложилъ Распорядительному Комитету Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества въ 1881 году командировать меня къ байкальскимъ, балаганскимъ и идинскимъ бурятамъ для ознакомленія съ ша-

2007337939

высоту въ развитіи религіозной идеи, но, какъ всегда, почитаніе самаго предмета составляло первую ступень и слѣды обоготворенія его встрѣчаются еще и на этой высшей ступени, но только въ преданіи, священной пѣснѣ или въ какой-либо другой формѣ. Такъ напр. у бурятъ балаганскихъ небо всегда изображается на онгонахъ (священныхъ изображеніяхъ) въ видѣ дугообразной черты, по концамъ которой располагаются солнце и луна; отъ черты внизъ иногда отходятъ короткіе лучи и подъ ними облако. Но нынѣ обоготворяется не вещественное небо, а личныя божества, только живущія на небѣ и время отъ времени входящія въ сношеніе съ людьми и различно проявляющія свою волю и власть. Мнѣ неизвѣстно, чтобы кромѣ вышеописаннаго изо-

манствомъ, а равно и для археологическихъ наблюденій, такъ какъ были получены свѣдѣнія о нахожденіи въ Кудинскомъ вѣдомствѣ городищъ и начертаній красной краской на утесахъ. Предложеніе мое было принято и поѣздка состоялась въ сопровожденіи г. Ханголова; но такъ какъ работы оказалось много у прибайкальскихъ бурятъ, то въ балаганское и идинское вѣдомства поѣздка отложена была до слѣдующаго лѣта 1882 года, когда я посѣтилъ только балаганскихъ бурятъ. Предметами изслѣдованія, кромѣ шаманства, были остатки прежнихъ обитателей — въ видѣ ихъ могилъ, памятниковъ, изсѣченій на скалахъ, городищъ и долбленыхъ камней, найденныхъ въ Кудинскомъ и Ольхонскомъ вѣдомствѣ; въ 1882 году на р. Унгѣ (Балаган. окр.) осмотрѣна степь съ многочисленными остатками каменнаго и желѣзнаго вѣка. Первые находки описаны въ Извѣстіяхъ Отдѣла, Т. XII, №№ 4—5, вмѣстѣ со статьей о каменныхъ орудіяхъ, доставленныхъ Г. Хангаловымъ съ р. Унги; результаты моего осмотра Унгинской степи будутъ напечатаны вѣлѣдъ за настоящей статьей.

Что-же касается до шаманства, то матерьялы собирались какъ отъ шамановъ, такъ и отъ опытныхъ стариковъ; при всякомъ удобномъ случаѣ осматривались онгоны, принад-

браженія неба существовали изображенія личныхъ небесныхъ боговъ, но жизнь этихъ существъ по представленію бурятъ ничѣмъ не отличается отъ жизни богатаго бурята на землѣ; боги эти имѣютъ женъ (обыкновенно одну?) и нѣсколько дѣтей, причемъ преобладаютъ сыновья; они владѣютъ многочисленными стадами всякаго скота и табунами лошадей. Идея о богатствѣ тэнгэриновъ скотомъ могла возникнуть вслѣдствіи многочисленныхъ жертвъ различными животными и посвященія живыхъ животныхъ, приносимыхъ вѣрующими бурятами.

Но эта-же идея могла возникнуть вслѣдствіи уподобленія звѣздъ, а также облаковъ скоту—коровамъ, овцамъ, что часто встрѣчается въ греческихъ мифахъ.

Число всѣхъ тэнгэриновъ 99; число 9 и кратныя отъ 9 въ бурятской мифологіи играетъ очень важную роль. Рисунокъ и модели онгоновъ заказывались шаманамъ; тщательно записывались имена божествъ и призыванія со словъ шамана, а въ балаганскомъ вѣдомствѣ сами шаманы при насъ на бумагѣ рисовали онгоны; затѣмъ мы присутствовали въ курумчинскомъ улусѣ при обрядѣ посвященія шамана и нѣсколько разъ были на талганѣ. Г. Хангаловъ оказывалъ во все время поѣздки неоцѣнимыя услуги въ качествѣ переводчика и лица, интересующагося предметомъ изслѣдованія; результаты поѣздки были такъ разнообразны и неожиданны, что г. Хангаловъ, природный бурятъ, сознался что „вотъ онъ думалъ, что совсѣмъ хорошо знаетъ религію своего народа, а на дѣлѣ открылось много такого, чего онъ не подозрѣвалъ“.

Матерьялами для нашей работы были кромѣ личныхъ наблюденій и распросовъ во время поѣздки вышеуказанная рукопись г. Хангалова о шаманскомъ тѣломытіи и погребеніи, и также отдѣльныя замѣтки г. Хангалова, которыя онъ присылалъ для разъясненія того или другаго вопроса.

Н. Апанитовъ.

видную роль. Изъ 99 тэнгериновъ 54 западныхъ добрыхъ и старшихъ и 44 восточныхъ, младшихъ и враждебныхъ бурятамъ; одно небо сэгэнъ-сэбдэкъ сначала не принадлежало ни къ западнымъ, ни къ восточнымъ небамъ, а находилось на границѣ и составляло *обо* (граница); восточные тэнгерины, какъ меньшіе числомъ просили уступить имъ это *обо*, но западные не отдали и потомъ присоединили къ себѣ, и стало ихъ 55.

Главное мѣсто между западными тэнгерины принадлежить *Заян-саган-тэнгери* (у кудинскихъ бурятъ) и *Хан-Тюрмасъ* (у балаганскихъ). Глава восточныхъ тэнгериновъ *Хамхир-Богдо* (у кудинскихъ бурятъ) и *Ата-Улан* (у балаганскихъ). Вѣроятно потому, что высшія божества слишкомъ священные и рѣдко проявляютъ свою дѣятельность, въ мифологіи бурятъ болѣе видную роль играютъ дѣти тэнгериновъ, дальнѣйшее нисходящее потомство ихъ и наконецъ обыкновенные люди, за свои достоинства достигшіе общенія съ богами и сдѣлавшіеся посредниками между недоступными, далекими божествами — тэнгріями и людьми*).

*) Такъ у неба Заянъ-Сагана было три сына, одного изъ нихъ звали *Бохо-Муя*; у восточнаго неба *Хамхир-Богдо* (разсказывается со словъ умершаго уже кудинскаго шамана Манжу и другихъ кудинскихъ бурятъ) былъ сынъ *Бохо-Тэли*. Этими двумя сыновьямъ тэнгериновъ приписывали совмѣстное изобрѣтеніе искусства ковать желѣзо. Изъ за того, что *Бохо-Муя* отнялъ кузницу, устроенную *Бохо-Тэли* и содѣйствовалъ переходу къ западнымъ небамъ пограничнаго неба (*обо*)—*Сэгэн-Сэбдэкъ*, между восточными и западными тэнгріями въ лицѣ ихъ потомковъ возгорѣлась вражда, которая служить символомъ борьбы востока съ западомъ или Китая (востокъ) и Россіи.

Вслѣдствіи отсутствія у шаманистовъ литературы, всѣ религіозныя идеи основываются на устномъ преданіи, отчего въ различныхъ родахъ и даже отдѣльныхъ улусахъ наблюдается много своеобразнаго, особенно по отношенію къ именамъ божествъ, мѣстностей, степени родства мифологическихъ личностей.... По этому-же въ высшей степени затруднительно составить полный списокъ именъ даже са-

Сыновья западнаго неба Заян-Саган спустились съ неба на землю въ мѣстности Обѣр-Боксо (въ Монголіи) и оставались тамъ нѣкоторое время, когда Бохо-Муя (Бохо—богатырь, муя — буйный) узналъ что, Бохо-Тэли (Тэли — средній,) также спустился на землю, чтобы преслѣдовать его и обратился въ пестраго пороза (быка), (тарал-эрэн-буха), то Бохо-Муя посоветовалъ своимъ 2 братьямъ возвратиться на небо, а самъ остался, обратился въ сиваго пороза, буквально въ темно-синяго (хара хѣхѣ буха) и побѣжалъ отъ своего преслѣдователя черезъ горы *Горхон-Ула*, черезъ порогъ *Зст-Вольѣи* (на Селенгѣ (?), потомъ обошелъ кругомъ Байкала черезъ горы *Обор-Улантай* и остановился на равнинѣ *Талани*, ожидая противника и про себя говоря, если упаду на спину, то будетъ Бѣлый царь, (Арайн-Саган-Хан или Арайн-Богдо-Хан), а если на брюхо, то Монгольскій Царь (Обдорн-Богдо-Хан). Противники сошлись и начали бодаться, но Бохо-Муя притворился слабымъ и позволилъ себя перекинуть черезъ голову, причѣмъ упалъ на спину (слѣдовательно побѣдить Бѣлый Царь), затѣмъ всталъ и ушелъ. Пестрый порозъ только тогда узналъ, что онъ вторично обманутъ Бохо-Муя (первый разъ онъ лишился кузницы), а также о предсказаніи торжества Бѣлаго Царя. Между тѣмъ Бохо-Муя превратился въ каменнаго быка; нагнавшій его Бохо-Тэли, пестрый быкъ, не замѣтивъ этого превращенія, боднулъ его разъ и прокололъ себѣ рогомъ губу, боднулъ другой разъ прямо въ лобъ и раскололъ себѣ лѣвый рогъ. Обманутый пестрый порозъ рѣшилъ прекратить борьбу и уходя сказалъ: „гунап бухадаш хѣрик хѣхѣб, гунжа унендаш хунила хѣхѣб“ (3-хъ годовой порозъ будетъ имѣть расколотый рогъ, а 3-хъ годовая корова будетъ имѣть больные сосцы) и прибавилъ: „миѣ наравнѣ съ тобою будутъ приносить жертвы“. Бохо-Тэли, удалясь къ вос-

мыхъ важныхъ божествъ — тэнгэриновъ; нѣтъ надобности упоминать, что такого готоваго списка у самихъ шамановъ не существуетъ; его необходимо еще составить, и для примѣра приведу имена, которыя удалось собрать. Особенно интересенъ нижеприводимый списокъ 10 западныхъ тэнгэриновъ.

Родоначальникомъ между ними былъ *Оеръ-Монхын-Тэнгэри* *) т. е. *небо, вѣчное дно* — очевидно, подъ этимъ именемъ разумѣется голубой сводъ

току, сдѣлался небомъ *Гужир* (нѣкоторые небо Гужиръ считаютъ западнымъ см. ниже); потомъ онъ женился на дочери западнаго неба *Тум-Ногои-Духэ*, отъ которой имѣлъ 4 сыновей: 1) Эрлэн-Хана, 2) Гэгэн-Бурхана, 3) Дала-Лама и 4) хозяина острова Ольхона Хан-Хута-Бабай; нѣкоторые второе и третье лицо сливають въ одно, но вѣрнѣе, ихъ раздѣлять, потому что потомство Буха-Тэли называютъ *тонохи дорбон* (Тугутовы четыре); тогод — теленокъ (см. словарь Кастрена, стр. 150).

Бохо-Муя, сынъ западнаго неба Заян-Сагана, счастливый соперникъ Бохо-Тэли, остался на землѣ и удалился на высокія снѣжныя Тункинскія горы „Мундарга“; на дорогѣ, по которой онъ шелъ, отъ его выдѣленія выросъ пихтовый лѣсъ и вересъ (*Ledum palustre*), эти растенія поэтому считаются священными и употребляются при всѣхъ обрядахъ и для очищенія; тамъ же, гдѣ Бохо-Муя лежалъ и катался, осталось изображение быка изъ камня. Тотъ-же самый Бохо-Муя, подъ именемъ Буха-Ноён-Бабай, считается творцомъ и покровителемъ бурятъ. Впослѣдствіи Боха-Муя или Буха-Ноён-Бабай женился на дочери неба Эсэгэ-Маланъ-Тэнгэри, Буданъ-хатунби и произвелъ на свѣтъ 9 сыновей и 1 дочь, которая вышла замужъ за сына Эрлэн-Хана Шэлбэндэр-Саган-Мишени; отъ этого брака родился сынъ Сандал-Ноён-Мишени.

Мужское потомство Буха-Ноён-Бабая образовали Западный Хатъ—или западныхъ царей. Хаты въ бурятской мифологіи занимають второе мѣсто послѣ тэнгэриновъ.

*) Оеръ-дно, мѣнѣхѣнъ — сосудъ (см. словарь Кастрена 173 стр.)

неба, вѣчный, неизмѣнный; тучи только закрываютъ его, но не измѣняютъ; разгонитъ вѣтеръ тучи и синее небо по прежнему ясно и неподвижно.

Оеръ-Монхын-Тэнгэри имѣлъ 9 сыновей:

1) Манхай¹-Малан²-Тэнгэри.

2) Ишхыргигэ таньхабыи Ишке Багин³-тэнгэри, т. е. небо столь богатое (потомствомъ), что не знаетъ всѣхъ своихъ потомковъ.

3) Эсэгэ-Малан-тэнгэри, т. е. небо плѣшивый отецъ.

4) Гужир-саган-тэнгэри, т. е. небо—бѣлый гужиръ.

5) Галта-улан-тэнгэри, т. е. огненно-красное небо.

6) Яшил⁴ саган-тэнгэри.

7) Сарь-саган-тэнгэри Сахилагата⁵ Будал, — т. е. небо, низводящее бѣлую молнію.

8) Хухыдой⁷ Моргон⁸, Хылто-хатун, Хурсай-хобун⁹.

¹) Эсть слово Манхай, —кожа на головѣ (Кастрень—стр. 172).

²) Малан—плѣшивый.

³) Багин—богатство.

⁴) Яшил—такъ называютъ бронзовыя вещи, упавшія съ неба.

⁵) Сахилагата—молніеносный.

⁶) Сарь—какой-то бѣлый металл, вещи изъ котораго вырываютъ изъ земли.

⁷) Хухѳ—синій.

⁸) Моргон—мѣткій.

⁹) Какъ увидимъ ниже Хухѳдой-Моргонъ, Хылто-хатунъ, его жена, Хурсай-саганъ—и небо, поставленное выше подъ № 7. Сарь-саганъ-тэнгэри считается у бурятъ производителями грома.

9) Будургу¹⁰ саган-тэнгэри.

Изъ приведеннаго перечня именъ тэнгэриновъ можно усмотрѣть, что въ нихъ олицетворяются различныя физическія свойства видимаго неба: въ лицѣ Оеръ-Монхын'а—собственно голубой небесный сводъ, въ Ишхыргигэ безпредѣльность; въ лицѣ гужир-саган'а и Галта-улан'а тѣ цвѣта, которыми часто, особенно во время вечерней зари, окрашивается небесный сводъ; Яшил-саган, Саръ-саган и Хухыдой Моргон—служать олицетвореніемъ молніи, которая бываетъ разнаго цвѣта, то желтая, то бѣлая, то синяя; двѣ послѣднія изъ этихъ лицъ, какъ указано въ примѣчаніи и считаются производителями грома; въ лицѣ Будургу-саган'а можно видѣть зимнее небо, когда идетъ мелкій снѣгъ; Эсэгэ-малан-тэнгэри и Монхай-малан-тэнгэри выражаютъ образно форму неба; что матерьяломъ для сравненія взять такой предметъ, какъ плѣшивая голова старика—совершенно естественно, такъ какъ у бурятъ, какъ у народа некультурнаго, неимѣющаго литературы, запасъ выраженій, эпитетовъ, уподобленій заимствуется главнымъ образомъ отъ предметовъ обыденной жизни, непосредственно его окружающихъ въ его домашней обстановкѣ, и съ ними то и сравниваются, для большей ясности, предметы далекіе, возвышенные по своему значенію; на дальнѣйшей ступени развитія замѣчается обратный приемъ: эпитеты для характеристики человѣческихъ свойствъ или предметовъ обыденной жизни, чтобы представить ихъ въ увеличенномъ видѣ или въ

¹⁰⁾ Будургу—означаетъ мелкій снѣгъ.

высшей степени развитія заимствуются отъ силъ и явленій или предметовъ природы.

Рядъ тэнгериновъ удлинится присоединеніемъ къ нему 11 или 12 тэнгериновъ, которые описаны при изложеніи свѣдѣній объ Ухан-хатѣ, т. е. водяныхъ царяхъ; къ тому же ряду присоединяются 9 кровавыхъ небъ (*Эхон Шухин-тэнгери*), принадлежащихъ къ числу восточныхъ, враждебныхъ бурятамъ тэнгріямъ, покровителямъ черныхъ шамановъ, которые имъ совершаютъ отъ имени обществъ жертвоприношенія всегда ночью; имъ же посвящаютъ красного пороza. Къ тѣмъ-же восточнымъ тэнгріямъ относятся покровители черныхъ шамановъ 13 тэнгріевъ Асаранги. Такимъ образомъ изъ числа 99 небъ нѣсколько опредѣляется характеръ 44; изъ ихъ названій и отчасти приносимыхъ имъ жертвъ усматривается, что эти божества есть ни что иное, какъ олицетвореніе различныхъ свойствъ видимаго небеснаго свода и явленій, на немъ происходящихъ. Намъ не пришлось усмотрѣть слѣдовъ обожанія единого неба въ какомъ либо единомъ личномъ существѣ и мы полагаемъ, что покойный С. Шашковъ*) ошибочно предполагалъ въ лицѣ Эсэгэ-маланъ тэнгери такое олицетвореніе всего неба, противопоставляя его матери землѣ; ошибочно и предположеніе Шашкова, что «сперва понятіе о личномъ Богѣ и небѣ сливалось», и что потомъ, стали поклоняться небу уже не какъ самостоятельному божеству, а только какъ священному мѣстопробыванію

*) Шаманство въ Сибири (Записки И. Р. Географ. Общ. 1864 г. кн. 2), стр. 11.

небожителей»; приведенныя имена свидѣтельству-
ютъ, что небо совсѣмъ комплексомъ свойствъ его и
явленій обоготворяется и нынѣ, но только не въ
образѣ единого божества. Заслуживаетъ вниманія,
что къ числу тэнгэриновъ причисляются и такія
существа, какъ олицетворенія нѣкоторыхъ элемен-
товъ и свойствъ воды — ея блескъ, подвижность;
подобное соединеніе явленія небеснаго свода съ свой-
ствомъ воды могло возникнуть именно вслѣдствіи
вѣковаго опыта, указывавшаго на зависимость вод-
ной стихіи отъ небесныхъ явленій — покрытія неба
тучами, прорѣзываемыхъ молніей и изліянія дождя,
сопровождавшихся и поднятіемъ воды въ рѣкахъ,
ихъ разлитіемъ и наводненіями.

Тэнгріи составляютъ не только высшія боже-
ства, далекія и недоступныя, но всѣ остальные су-
щества, которымъ буряты воздаютъ поклоненіе, къ
которымъ обращаютъ свои просьбы и молитвы, какой
бы природы эти существа не были, находятся въ
очень тѣсной зависимости отъ тэнгэриновъ, нѣко-
торыя имена которыхъ приведены выше: одни изъ
этихъ духовныхъ существъ, боговъ или заяновъ
(создателей и покровителей) являются непосредствен-
нымъ потомствомъ тэнгэриновъ, ихъ сыновьями и
внуками, другіе, будучи сперва простыми людьми,
по волѣ тэнгэриновъ были взяты на небо еще при
жизни и тамъ сдѣлались богами или уже ихъ обого-
твореніе случилось послѣ смерти.

Впереди другихъ божествъ слѣдуетъ, конечно,
поставить непосредственное потомство тэнгэриновъ —
такъ называемыхъ хатовъ или царей, а также хо-
зяина огня и производителей грома.

Хозяинъ огня. Почитаніе огня весьма развито у бурятъ; что это почитаніе первоначально обращалось на вещественный огонь, пламя, видно изъ той роли, какую огонь играетъ при очищеніи, а также изъ характера онгоновъ хозяина огня, о которыхъ будетъ сказано въ главѣ объ онгонахъ. Теперь-же почитается личное божество—хозяинъ огня—(*гали-эжинъ*)—*Сахяда-нойонъ* и его жена *Сахала-хатунъ* (у Балаганскихъ бурятъ), въ Кудинскѣ его называютъ *Сахяда-убунъ*, а жену *Санхурун-Хатунъ*; кудинскіе буряты хозяина огня считаютъ сыномъ неба Эсэгэ-Малана, балаганскіе же его дѣлаютъ внукомъ Эсэгэ-Малана и сыномъ неба *Будургу-саган'а*, что особенно интересно, такъ какъ небо Будургу-саганъ—есть снѣжное зимнее небо и въ идеѣ поставить въ генетическую связь приносимый зимой холодъ съ происхожденіемъ огня заключается глубокой смыслъ. Хозяину огня приносятъ жертву, дѣлая родъ талгана или кирика — бараномъ или кобылой; жертвоприношеніе совершается въ юртѣ, у трехъ камней очага; особенности обряда и посвященіе стрѣлы хозяину огня описано въ главѣ о жертвоприношеніяхъ. Въ балаганскомъ вѣдомствѣ при этомъ призываютъ хозяина огня слѣдующими словами:

Баруни 55 тэнгэри, Эсэгэлэмэ-тэнгэри Эсэгэ-малан-тэнгэри, Эхэлэмэ-тэнгэри Эхэ-юрин-тэнгэри. Эсэгэ-малан-тэнгэри уган хобун, Будургу-саган-тэнгэри уган-хобун, хэбтэжи улэхэн, хэхэржи шашахан, борлон хонин тахилга, (тахилгая гэртэ тахиха нома, Здулан хажуда) Сагада-ноён, Сахала-хатун.

Призываніе хозяина огня. Западные 55 небъ, отецъ ихъ Эсэгэ-малан-тэнгэри, мать ихъ Эхэ-юрин-тэнгэри! (Буквально — западные 55 небъ, отцовское небо — Э.Ю. Т.) Старшій сынъ Эсэгэ-малан-тэнгэри — Будургу-саган-тэнгэри*), старшій сынъ Будургу-саган-тэнгэри — Сахяда-ноентъ, Сахала-хатунъ, лежа раздувалъ огонь, когда сидѣлъ на колѣняхъ (согнувъ колѣно побурятски), то огонь медленно горѣлъ, — дѣлаю тайлган годовалымъ бараномъ.

У кудинскихъ бурятъ, призванный хозяинъ огня, уходя, устами шамана называетъ себя среднимъ сыномъ *дневнаго неба* (тэнгэри) и младшимъ сыномъ *ночнаго неба* (оохоргонъ**) (тэнгэринъ тэли хобун, охторгон отхонъ хобун). Какъ изъ приведеннаго призыванія, такъ изъ этихъ послѣднихъ словъ обнаруживается съ убѣдительностью происхожденія огня съ неба, а не отъ солнца; такъ какъ небо составляетъ главное и первоначальное божество, почитаніе же солнца въ настоящее время не наблюдается у бурятъ, — то совершенно естественно поставить происхожденіе такого важнаго элемента въ зависимость отъ верховнаго всемогущаго неба и его владыкъ.

На талганѣ хозяина огня появляется вслѣдъ за удаленіемъ самаго хозяина огня подчиненное бо-

*) Въ этомъ призываніи Будургу-саган-тэнгэри считается не братомъ, а сыномъ Э. М. Т. но такіе варианты замѣчаются и въ болѣе развитыхъ мифологіяхъ, напр., греческой.

**) Въ словарѣ Кастрена тэнгэри и охторгон — одинаково означаютъ небо, о различіи въ значеніи объяснилъ мнѣ балаганскій шаманъ.

жество, домашній богъ, очевидно, той-же природы и характера, какъ и самъ Сахяда-ноен, т. е. хранитель очага той самой юрты, въ которой приносятся жертва. Отсюда можно заключить, что у хозяина огня существуетъ многочисленный сонмъ подчиненныхъ лицъ, хранителей домашнего огня въ отдѣльныхъ юртахъ. Въ подтвержденіе высказанной мысли приведу небольшой рассказъ, устно переданный мнѣ г. Хангаловымъ; рассказъ довольно рельефно выставляетъ личность упомянутыхъ хранителей домашнего очага, этихъ бурятскихъ пена-товъ. «Однажды ѣхалъ верхомъ по дорогѣ нѣкоторый человѣкъ, который зналъ 70 языковъ и потому обладалъ прекраснымъ даромъ понимать языкъ животныхъ; вотъ ѣдетъ онъ мимо дома богача и слышитъ, что собаки лаютъ: «не заѣзжай къ намъ, тебя не накормятъ здѣсь и конь твой останется голоднымъ»; человѣкъ поѣхалъ далѣе; вотъ подѣзжаетъ онъ къ дому бѣдняка и слышитъ, что сабаки лаютъ: «заѣзжай сюда, и ты будешь сытъ и коня накормятъ; у хозяина только двѣ овцы, но онъ заколетъ для тебя одну». И дѣйствительно, хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ гостя, взялъ молодую овечку и хочетъ ее колоть, но другая, старая овца говорить: «пусть заколетъ лучше меня, молодая овечка дастъ приплодъ, а я уже стара»; гость сказалъ хозяину, что лучше заколотъ старую, понявъ рѣчь овцы; хозяинъ взялъ тогда старую овцу и закололъ; во время ѣды бѣдный человѣкъ бросалъ въ огонь большіе куски хозяину огня, который тутъ-же присутствовалъ, какъ видѣлъ это гость, былъ хорошо одѣтъ и откормленъ; ночью входитъ жалкій, худой

и оборванный человѣкъ; это былъ хозяинъ огня богача; хозяинъ огня бѣднаго человѣка спрашиваетъ, отчего онъ такой худой и отчего одинъ глазъ у него поврежденъ, тотъ отвѣчаетъ, что дома его не кормятъ, что богачъ страшно скупъ, и выкололъ ему глазъ, ковыряя въ огнѣ ножами и острыми предметами*), за это онъ хочетъ его наказать, той-же ночью сжечь домъ богача; хозяинъ огня бѣднаго человѣка просилъ только, чтобы онъ выбросилъ изъ огня его деревянную ступку, которая была у богача и принадлежала бѣдному. Когда въ ночь сгорѣлъ домъ богатаго человѣка, а чужая ступка оказалась выброшенной изъ огня, то богачъ обвинилъ бѣднаго человѣка въ поджогѣ; но гость вступился и объяснилъ богачу, что домъ его сожженъ собственнымъ его «хозяиномъ огня» за скупость и неуваженіе къ домашнему очагу и его владыкѣ; богачъ не повѣрилъ, чтобы можно было понимать разговоръ хозяина огня и языкъ животныхъ и чтобы удостовѣрится, спросилъ: куда летятъ вотъ эти два ворона, которые пролетали мимо; гость сказалъ, что они летятъ на похороны единственного сына одного богатаго человѣка; тогда они поѣхали по слѣдамъ вороновъ и наконецъ увидѣли похороны единственного сына богатаго человѣка, были заколоты жертвенныя животныя, и два ворона сидѣли тутъ-же; тогда богачъ повѣрилъ словамъ неизвѣстнаго человѣка и пересталъ преслѣдовать за поджогъ бѣдняка». И такъ, ходъ развитія идеи обоготворенія огня былъ таковъ: прежде обоготворялось каж-

*) Буряты колотъ острыми предметами угли на очагѣ считаютъ грѣхомъ,

дое пламя, матерьяльный огонь, затѣмъ огонь олицетворился въ образѣ домашняго пената, *эжина огня*, живущаго въ каждомъ домѣ, каждомъ очагѣ. На обязанности хозяина было кормить этого эжина, за что онъ берегъ его домъ отъ пожара и всякаго несчастія и приносилъ изобиліе. Дальнѣйшій-же ходъ развитія той-же идеи привелъ къ представленію *единого бога огня*, Сахяда-ноена, который принадлежитъ уже къ сыновьямъ тэнгериновъ, холоднаго снѣжнаго зимняго неба (Бударга-саган-тэнгери) или вообще неба, въ лицѣ Эсэгэ-малан-тэнгери *).

Каждый вѣрующій буряты считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ, при каждомъ принятіи пищи, частицу удѣлить «гали-эжину», — хозяину огня; пьеть-ли онъ тарасунъ или вино, нѣсколько капель падаетъ на золу очага; ѣсть-ли онъ мясо, кусочекъ достанется богу огня; если заколятъ барана или другое животное, то съ кожи головы (у кудинскихъ буряты голова считается почетнымъ кускомъ, и подается гостю) вырѣзаютъ трехъ-угольный кусочекъ и бросаютъ въ огонь; на всякомъ талганѣ часть жертвеннаго мяса, саламаты, тарасуна и проч. относятся на огонь очага, подъ котлами, гдѣ варится жертвенное мясо; часть, назначаемая богамъ, кости и часть мяса, сжигаются огнемъ на сложенныхъ изъ камня или изъ дерева возвышеніяхъ, временныхъ или постоянныхъ, называемыхъ *ширэ* — престолъ; пробѣзжаетъ-ли буряты по священному мѣ-

*) Имя Сахяда—можно произвести отъ глагола сахиха — блеснуть, ударить огнемъ о камень, т. е. высѣчь огонь, въ словарѣ Кастрена sakelgag, сахелна = молнія, sakelna, сахелна = молнія блеснуть.

сту — мѣстопребыванію *бумал-бурхана* или мимо *барса* умершихъ шамановъ, т. е. тѣхъ столбовъ, около которыхъ души этихъ шамановъ въ своихъ странствованіяхъ по землѣ отдыхаютъ и курятъ; или необходимо подойти къ священному изображенію, — каждый бурятъ очиститъ себя и другихъ если есть кто-либо, даже лошадь, дымомъ священныхъ травъ — пихты и вереса или другихъ, если нѣтъ первыхъ.

Подробностей о первомъ появленіи огня, о томъ какъ огонь съ неба былъ переданъ людямъ, мнѣ не могли разсказать, не собралъ этихъ свѣдѣній и г. Хангаловъ.

Вслѣдъ за *гали-эжиномъ* умѣстно поставить божество, которое по происхожденію родственно Сахяда-нойону, это звѣзда или планета — *Солбонъ* *) его эжинъ *Солбон-саган-тэнгэри*, или *Уха-солбон*, слѣдовательно небесное божество, какъ передалъ шаманъ Ольхонскаго вѣдомства Баендай Башенхаевъ былъ сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгэри и поэтому братъ хозяина *огня*, который также считается не внукомъ, а сыномъ Э. М. Т. Солбонъ — есть звѣзда, которую можно видѣть вечеромъ и утромъ; если осенью родится жеребенокъ послѣ появленія звѣзды, то считается, что жеребенокъ будетъ хорошимъ конемъ. *Солбонъ* покровительствуетъ лошадямъ и людямъ. Ему посвящаютъ чубараго коня и дѣлаютъ *хурай*, т. е. не кровавую жертву, а только употребляютъ тарасунъ, таракъ и саламать. Прежде, говорятъ балаганскіе шаманы, приносили жертвы.

*) Подъ именемъ Солбонъ разумѣютъ планету Венеру (Шашковъ).

Солбонъ имѣлъ три жены, послѣдняя была простая бурятка, дочь бурята Верхоленаго вѣдомства Ользоновскаго рода, Ухандая, по имени Хэрхэн-Шаралган; она была уже просватана, но Солбонъ похитилъ ее въ то время, какъ она направлялась къ жениху, окруженная свадебными гостями; Солбонъ схватилъ ее и поднялъ на небо; отъ двухъ первыхъ женъ дѣтей не было, а отъ третьяго брака родился сынъ Согто-моргон.

Производители грома и молніи. Громъ буряты называютъ *пъснью неба* — тэнгэрин дун, и когда громъ гремитъ, то выражаются, небо поетъ — *тэнгэри-дуара*; подобныя выраженія, очевидно, были причиною, что И. Д. Черскій самое имя *грома* смѣшалъ съ небомъ и полагалъ что тэнгэри значить громъ, а не небо*).

Одинъ балаганскій шаманъ, потомокъ знаменитаго шамана Барлака, умершаго уже болѣе 100 лѣтъ назадъ, говорилъ, что громъ происходитъ отъ различныхъ тэнгэриновъ, а именно отъ Восточныхъ, Западныхъ или отъ Ухан-Хата. Когда кого либо поразить громомъ, то отправляются къ 9 шаманамъ спрашивать, какое небо послало громъ, и когда узнаютъ, то призываютъ это небо; при призваніи употребляютъ 9 звѣриныхъ шкуръ; убитаго громомъ ставятъ на доскахъ, укрѣпленныхъ на 4 столбахъ (это аранга); мѣсто, на которомъ произошло это пораженіе громомъ огораживаютъ, чтобы не топталъ скотъ.

*) См. Извѣстія В. Сиб. Отд. т. XII, № 4—5, стр. 64, ст. нѣкоторыя примѣчанія къ описанію Байкала Риттера.

Кудинскіе-же буряты громъ и молнію приписываютъ небу *Сарь-саган-тэнгэри Сахилата будал**) и помощнику *Хоходо-моргон*, жена *Холто-хатун* и сынъ *Хорсо-моргон*. Сарь-саган-тэнгэри и Хоходо-моргонъ относятся къ западнымъ тэнгэриямъ и считаются братьями; на тайлганѣ западному Хату близъ Балаганской думы небо Сарь-саган призывали на равнѣ съ другими западными тэнгэринами. Хоходой-маргонъ былъ взятъ на небо живымъ, потому что былъ хорошій охотникъ и мѣткій стрѣлокъ, за это онъ сдѣлался хранителемъ грома, который и посылаетъ на землю по распоряженію боговъ. Ниже приводится разсказъ, какъ Хоходой-моргон сдѣлался хранителемъ грома. Хоходой-моргонъ, живя на землѣ, имѣлъ жену и трехъ сыновей и дожилъ мирно до глубокой старости. Однажды онъ сказалъ сыновьямъ, что пришелъ конецъ его жизни на землѣ, велѣлъ приготовить одежду и осѣдлатъ коня. Одѣвшись, Хоходой-моргонъ, простился съ семьей, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Наконецъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ дорога расходится на 3 стороны; онъ выбралъ средній путь и встрѣтилъ на дорогѣ домъ; войдя въ домъ, онъ нашелъ его пустымъ и остался въ немъ. Спустя нѣсколько времени подъѣхало 4 молодые человѣка, которые, завидя гостя, радушно его встрѣтили, накормили и оставили его беречь домъ. Передъ отъѣздомъ на другой день они запретили Хоходой-моргону открывать бывшій въ домѣ ящикъ и надѣвать висѣвшія крылатыя одежды.

*) Отъ дочери того-же неба Сарь-саган-тэнгэри — по имени Сам-сагай-саган — родился *орелъ*, первый бурятскій шаманъ.

Оставшись одинъ Х. М. очень захотѣлъ посмотрѣть, что находится въ ящикѣ; открывъ ящикъ, нашелъ въ немъ разноцвѣтные граненые камни, въ видѣ наконечника стрѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ способность видѣть все, что творится на землѣ; онъ именно замѣтилъ, какъ одинъ человѣкъ красть въ чужомъ огородѣ картофель; разсердившись на вора, Х. М. пустилъ въ него однимъ краснымъ камнемъ, а сундукъ заперъ. Когда возвратились 4 хозяина, то упрекнули его, зачѣмъ онъ ихъ не послушалъ и причинилъ столько несчастія на землѣ, такъ какъ изъ за одного дурнаго человѣка онъ сжегъ цѣлый городъ; Х. М. сначала пытался отпереться, говоря, что онъ не открывалъ ящика, но видя что его уличаютъ, онъ сознался; хозяева сказали, что они все знаютъ, что дѣлается на землѣ, такъ какъ каждый день обходятъ землю. На другой день 4 человѣка опять ушли, но повторили наставленіе не трогать крылатыхъ платьевъ и не открывать ящика. Любопытство, однако, пересилило страхъ и Хоходой-моргонъ надѣлъ одно изъ крылатыхъ платьевъ — и началъ лѣтать по дому, такъ что насилу снялъ одежду и повѣсилъ на прежнее мѣсто. Хозяева, вернувшись, сказали: зачѣмъ ты надѣвалъ платье, еслибъ ты вылетѣлъ изъ дома, то погубилъ бы, истребя совсѣмъ, всѣхъ людей на землѣ». Тѣмъ не менѣе эти неизвѣстные 4 человѣка сдѣлали его хранителемъ грома (ящика съ камнями), приказавъ производить громъ только по распоряженію боговъ — поражать злыхъ духовъ и грѣшныхъ людей.

Къ той-же группѣ тэнгериновъ принадлежитъ и хозяинъ или производитель дождя — *Хуран-ной-*

онъ *); мѣстопребываніе его на небѣ; онъ имѣетъ свой дворецъ или особое присутственное мѣсто и 9 бочекъ полныхъ водой; если онъ откроетъ только одну бочку, то дождь идетъ трое сутокъ; его отношенія къ другимъ тэнгэринамъ по имѣющемуся матерьялу нельзя было выяснитъ, но небесный характеръ его несомнѣненъ, какъ по мѣсту его жительства, такъ и потому, что дождь, какъ и снѣгъ падаетъ съ неба, а божество снѣга, Будургу-саган-тэнгери, занимаетъ видное мѣсто на бурятскомъ Олимпѣ, а потому подобное-же мѣсто должно принадлежать и *Хуран-нойону*. Вотъ что говорятъ о Хуран-нойонѣ балаганскіе буряты: однажды на землѣ была сильная засуха, кудинскій шаманъ Маланакъ-Хабалзаевъ, по просьбѣ стариковъ, поднялся на небо и пришолъ въ присутственное мѣсто, завѣдующее дождемъ, но никакъ не могъ полатъ туда, наконецъ нашелъ отверстіе въ игольное ушко, черезъ которое и пролѣзъ **); онъ спросилъ начальника дождя, но ему сказали, что его нѣтъ дома, ушелъ на вечерку. Девять дней ждалъ шаманъ и на 10 явился Хуран-нойонъ. Шаманъ сказалъ тогда, что на землѣ сильная засуха и земля горитъ; Хуран-нойонъ велѣлъ шаману открыть ближайшую изъ 9 бочекъ; когда бочка была открыта, то пошелъ дождь и шелъ 3 сутокъ. Тогда люди на землѣ говорили: «у этого неба провалилось дно». Хуран-

*) Хура — дождь,

**) По собственному тяжелому опыту на землѣ буряты знаютъ, какъ затруднителенъ доступъ въ присутственные мѣста, даже если начальникъ и не на вечеркѣ; понятно, что на небѣ они охраняются еще строже.

нойнъ услышалъ эти слова и сказалъ: «людямъ не угодишь». По возвращеніи шамана на землю, онъ передалъ, что люди говорили въ его отсутствіе.

Первенствующая роль неба въ бурятскихъ вѣрованіяхъ приводитъ къ тому, что происхожденіе нѣкоторыхъ промысловъ или ремеслъ приписывается небеснымъ богамъ, тэнгеринамъ; къ такимъ ремесламъ принадлежитъ искусство ковать желѣзо, давно уже извѣстное у бурятъ, а у монголовъ, повидимому, вопросъ о происхожденіи искусства обрабатывать желѣзную руду связанъ съ исторіей происхожденія племени.

Буряты балаганскіе и кудинскіе различно передаютъ происхожденіе первой кузницы и первыми кузнецами считаютъ не одно и тоже лицо.

Какъ выше показано, кудинскіе буряты главой кузнецовъ считаютъ сына неба Заян-сагана Бохо-муя, принадлежащихъ къ западнымъ тэнгеринамъ, но изобрѣтеніе кованья желѣза приписываютъ не только ему, но и сыну Гужир-тэнгери (здѣсь это небо относится къ восточнымъ, тогда какъ въ перечнѣ сыновей Оеръ-монхынъ-тэнгери, записанномъ отъ кудинскихъ-же бурятъ — небо Гужиръ-саганъ долженъ быть западнымъ), Бохо-тэли, сынъ Гужиръ-тэнгери, первый построилъ кузницу и сталъ ковать руду, но желѣзо выходило у него такое хрупкое, что каждый разъ, какъ накалить его до красна въ печи, оно подъ молотомъ разлеталось въ куски; однажды, говорится въ преданіи, западные тэнгрии услышали шумъ на востокѣ неба и послали узнать о причинѣ грома и шума Бохо-муя; когда этотъ увидѣлъ не-

удачную попытку Бохо-тэли ковать желѣзо, то тотчасъ предложилъ себя въ товарищи, обѣщаясь помочь; Бохо-тэли согласился и тогда Бохо-муя бросилъ въ печь горный песокъ — (*жадайи-хар*), послѣ чего желѣзо сдѣлалось ковкимъ; но Бохо-муя завладѣлъ и кузницей и потому кованье желѣза приписывается западнымъ небомъ, къ которымъ принадлежалъ Бохо-муя; но и восточныя тэнгэрины также покровительствуютъ кузнецамъ, такъ какъ Бохо-тэли былъ кузнецомъ и построилъ себѣ новую кузницу; между кузнецами, какъ и между шаманами, различаютъ *бѣлыхъ* и *черныхъ* кузнецовъ*), одни подчинены западнымъ — бѣлые, а черные восточнымъ небамъ; какъ есть шаманское происхожденіе, такъ точно существуетъ и кузнечное происхожденіе.

Существуютъ нѣкоторыя указанія, что между шаманами и кузнецами было прежде соперничество; такъ именно говорятъ, что это соперничество обнаруживается и теперь при изготовленіи кузнецомъ принадлежностей шамана *холбого* — привѣсокъ вродѣ колокольчика къ коннымъ тростямъ шамана; кузнецъ настаиваетъ, чтобы число холбохо было не меньше 90, но шаманъ боится этого роковаго числа и старается убѣдить кузнеца сдѣлать ихъ въ меньшемъ количествѣ, въ противномъ случаѣ шаманъ долженъ скоро умереть. Изъ этого можно заключить, что кузнецы играли нѣкоторую роль въ прежнихъ вѣрованіяхъ бурятъ; по этому интересно бы

*) Кромѣ нихъ замѣчаютъ еще нохой-дархатовъ — т. е. собачьихъ кузнецовъ, но объ ихъ происхожденіи свѣдѣній не собрано.

собрать о кузнецахъ подробныя свѣдѣнія, объ ихъ особыхъ онгонахъ, призываніяхъ боговъ и проч.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ отъ одного шамана записано слѣдующее:

Первымъ кузнецомъ на небѣ былъ *Дадагара-дархан* (кузнецъ); онъ имѣетъ въ подчиненіи 73 младшихъ кузнеца, всѣ 74 кузнеца принадлежатъ къ западнымъ небамъ и спустились съ западнаго неба на высокія горы Мундарга (Тункинскія).

Призываніе кузнечныхъ боговъ говорится такъ: «На западныхъ 99 Мундарга спустились хозяевами, имѣя мѣхъ (хорхо *) привязаннымъ на спинѣ, спереди держали наковальню, въ правой рукѣ держали молотокъ, а въ лѣвой рукѣ — большія клещи — Божинто-кузнецъ и 9 сыновей Божинтоя; хозяинъ мѣха — Хѳр-саган-ноен, хозяинъ наковальни — Дольто-саган-ноен, хозяинъ молотка — Божир-саган-ноен, хозяинъ клещей Ута-саган-ноен, хозяинъ наковальни Хун-саган-ноен, хозяинъ большихъ клещей — Алак-саган-ноен, хозяинъ горна — Хилман-саган-ноен.

Бурятскій текстъ: Баруни 99 мундарга эжилжи бухан ара бидэ хорхое борьхан, обор бидэ дошіе тэбэрхэн, барун гарта балтая барьхан, зун гарта олерьбое барьхан Божинто, Божинтэн 9 дархан (хобуд): хархон-эжин Хор-саган-ноен, Дошин Эжин Дольто Саган-ноен, Балтан-эжин Бажир-саган-ноен, олербон эжин Ута-саган-ноен, хуран-эжин Хун-саган-ноен; Абарган эжин Алак-саган-ноен, хяхан эжин Хилман-саган-ноен.

*) Хорхо — мѣхъ, наковальня — доши, молотокъ — балта, клещи — олербо.

О Х А Т А Х Ъ.

Бурятскія вѣрованія стоятъ на высокой степени политеизма, причемъ, какъ выше упомянуто, первенствующую роль играетъ небо, но не какъ единоличное божество, а какъ многочисленный сонмъ личныхъ божествъ, относительная зависимость которыхъ не всегда точно опредѣлена, а если и выясняется, то это всегда бываетъ зависимость семейственная, дѣтей отъ отцовъ или слугъ отъ господъ. На небѣ какъ жизнь, такъ и семья воспроизводится по бурятскому образцу, только напримѣръ, женъ рѣдко бываетъ болѣе одной; потомство-же обыкновенно значительно и чаще всего 3 или 3×3 или 9×3 , по отношенію къ дѣтямъ мужескаго пола, дочерей же только одна. Тотъ-же множественный и семейственный характеръ проникаетъ и во всѣ другія олицетворенія силъ и явленій природы. Даже хозяинъ огня, не имѣя потомства, является главою безчисленныхъ хранителей огня, домашнихъ боговъ каждаго дома, каждой юрты. Громъ балаганскихъ бурятъ, производится то западными, то восточными Хатами, то Ухан-хатомъ, если-же придерживаться возврѣній кудинскихъ, то и тогда встрѣтимъ не одного громовержца, Хоходо-моргона, но и управляющихъ имъ тэнгэриновъ, по волѣ которыхъ громъ низводится на землю, и небо Сарь-саганъ и 4 крылатыхъ существъ и наконецъ собственную семью Хоходо-моргонъ—жену Холто-хотунъ и сына Хорсо-моргон. Божество дождя—Хуран-ноеи, какъ видѣли, имѣетъ особое присутственное мѣсто, носящее имя *сүллана*.

Лучше всего, однако, эту особенность въ характерѣ бурятскихъ мифологическихъ воззрѣній можно прослѣдить въ понятіи о хатахъ. Между хатами различаются западные, восточные и Ухан-хатъ.

Западные хаты или чаще въ единственномъ числѣ «западный хатъ» пользуются вмѣстѣ съ Ухан-хатомъ предпочтительнымъ обожаніемъ у бурятъ балаганскихъ, у кудинскихъ-же и ольхонскихъ видную роль играетъ восточный хатъ. Кудинскіе буряты о происхожденіи западнаго хата передаютъ нижеслѣдующій мифъ:

Когда всѣ 9 сыновей Буха-ноен-бабая (онъ же Бохо-муя) спустились на землю, то выбрали себѣ 9 разныхъ мѣстностей, въ которыхъ и сдѣлались царями и возникло такимъ образомъ 90 западныхъ хатъ или царей (баруни 90 хатъ). Чтобы 9 сыновей Буха-ноена могли превратиться въ 90 царей, необходимо дополнить пропускъ въ рассказѣ предположеніемъ, что каждый изъ сыновей Буха-ноена имѣлъ по 9 мужскихъ потомковъ, тогда дѣйствительно 9 сыновей и 81 внукъ (9×9) Буха-ноенъ дадутъ искомое число царей — 90.

- 1) Буга-саган-ноен сдѣлался хозяиномъ истока Ангара (Ангаран-амани¹-эжин).
жена Хуга-саган-хатун.
- 2) Мѡнгѡтѡ-зарин хозяиномъ Мохона.
- 3) Хилма-ноен ,, Кяхты (Хяхтын-эжин).
- 4) Китаран-зарин или ,, Тунки или Торской степи. (Торен-эжин или Мультма ноенъ Тунхэни-эжин).

¹ Аман-ротъ, по отношенію къ рѣкѣ, вѣроятно, истокъ, а можетъ быть и устье.

- 5) Эмнэк-саган-ноен ,, рѣки Иркутѣ или Иркутска. (Иркуги-эжин).
- 6) Тульма-ноен хозяинъ Турана² (въ верховьяхъ Иркутѣ).
- 7) Ута-саган-ноен ,, Александровскаго завода (Уляги-эжин).
- 8) Хурба-зарин или Хужари-эжин.
Хомхо-зарин
- 9) Шарга-ноен хозяинъ Шабартына (Шабартын-эжинъ).

У балаганскихъ бурятъ о личномъ составѣ западнаго хата и о роли божествъ существуетъ иной мифъ.

Ханъ-шаргай-ноен, сынъ неба Болур-саган и внукъ 33 небъ(?) по приказанію западныхъ тэнгри-евъ, и во главѣ ихъ Хан-тюрмасть или Ханъ-хурмасть, спустился на землю и сдѣлался покровителемъ и защитникомъ бурятъ въ особенности отъ преслѣдованія злыхъ духовъ. ,,На облакѣ Хан-шаргай-ноен опустился на вершину горы *Халма-ула* (въ Тункѣ?); онъ сидѣлъ на соловомъ конѣ и былъ вооруженъ лукомъ и колчаномъ со стрѣлами, сбоку имѣлъ щитъ, а въ правой рукѣ держалъ саблю и кнутъ“. Шаманъ нарисовалъ мнѣ Ханъ-шаргай-ноена стоящимъ верхомъ на лошади на вершинѣ 4 главой горы *Халма-ула* *), сзади его изображено облако, а за нимъ *орелъ*, а пониже должны быть помѣщены 2 жолоша, 2 держателей поводьевъ или стремян-

², Переводчикъ записалъ — хозяинъ Иркутска, но вѣроятно же, какъ записано у меня.

*) *Халма-Ула* принадлежитъ къ Мундарга. Изображеніе Хан-Шарга-Ноеи дѣлають когда у кого-либо не ведутся дѣти.

ныхъ, но шаманъ ихъ не изобразилъ; Хан-шаргай-ноенъ имѣлъ за плечемъ калчанъ со стрѣлами, щитъ въ видѣ круга съ идущими отъ центра лучами, при бедрѣ саблю, кнутъ и футляръ для лука, который онъ держитъ обѣими руками натянутымъ, съ наложенной стрѣлой.

Спустившись на землю, Хан-шарга-ноенъ озабочился призвать себѣ помощниковъ, боговъ или могущественныхъ шамановъ.

Сперва призвалъ своимъ кнутомъ съ сѣверо-востока:

1) *Харасай-зарина*, происходившаго отъ неба *Хэлин-хара* *), онъ явился на гору Халма-ула и сдѣлался самымъ близкимъ лицомъ съ правой руки, (барун гарин жолоши боло), давъ подъ саблей присягу быть защитникомъ бурятъ.

2) Изъ числа 99 зариновъ и 88 шошолонгутовъ призвалъ могущественнаго шамана *Ханъ-хургай-ноени*, который, явившись, присягнулъ и сдѣлался приближеннымъ лицомъ съ лѣвой руки.

3) Потомъ явился съ горы Тулма бѣлоголовый старикъ *Тулман-саган-ноен*, сдѣлавшійся *покровителемъ свадьбы или брака* (орорши-обогон). На всякой свадьбѣ Тулман-саган-ноенъ представляется особымъ лицомъ, которое благословляетъ молодыхъ; когда молодую приводятъ въ домъ жениха, онъ сидитъ подлѣ тургэ, воткнутой въ землю березы, на которую укрѣпляютъ однимъ концомъ жердь, а другой конецъ ея упираетъ въ землю и на ней вѣшаютъ шубу свекрови; молодыхъ выводятъ изъ юрты, при-

*) Хэлин-ились, хэлин-хара—совсѣмъ черный.

чемъ они держутся за руки, и надъ ихъ головами носятъ большой платокъ, поддерживаемый за 4 угла гостями; такъ обводятъ молодыхъ вокругъ юрты, и затѣмъ останавливаются передъ благословителемъ, кто-нибудь кричитъ ему: «возьми»; тогда послѣдній благословляетъ жениха и невѣсту на счастливую жизнь и общаетъ многочисленное потомство.

4) Далѣе Ханъ-шарга-ноен вызвалъ съ сѣверо-запада *хозяина пестрой тайги* (Эрэн-таши-эжин) *Зэрлик-ноен*, жена его *Зэльши-хатун*. Зэрлик-ноенъ, явившись, принесъ присягу въ томъ, что онъ будетъ заяномъ надъ бурятами и имъ покровительствовать; онъ сдѣлался покровителемъ *Зэли*. Зэли называется веревка изъ бѣлаго конскаго волоса, въ которую вплетаютъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга черныя и бѣлыя тесемки; зэли употребляютъ для привѣшиванія передъ дверями юрты или у входныхъ воротъ во дворѣ, если въ домѣ есть новорожденный, чтобы избавить его отъ вліянія дурныхъ людей и не допустить къ нему злыхъ духовъ; къ зэли-же привѣшиваютъ, съ той-же цѣлью, телятъ; такой-же зэли развѣшиваютъ на берегахъ во время тайлгана Ухан-хату; въ этомъ случаѣ, къ зэли укрѣпленъ и онгонъ Ухан-хата.

5) За хозяиномъ пестрой тайги явился *Улан-зала-морион-дэгэ*—*хозяинъ горы Хархак* и *порожистой рѣки съ мостомъ изъ краснаго камня* (хархак хада эжилхэн, улан шулу дамжихан, болыхуа эжилхэн), который сдѣлался покровителемъ бурятъ и принесъ по примѣру прочихъ призванныхъ присягу Хан-шарга-ноену.

Этому заяну буряты посвящаютъ рыжаго коня (зэрдэ мори онголгхо юма?).

Затѣмъ были вызваны:

6) *Эмнэк-саган-ноен*, жена его *Этигил-саган-хатун*, хозяинъ спустившійся на *Худжир-хат* (хужир хахи хуха бухан).

7) *Хозяинъ истока* (а не устья?) *Ангары*, *Селенги* и земли *Иркутской*, кое-иднъ покрытой березовыми рощами. (Ангараги амадхан, сэлэнгэги сэрбэдхэн, Ирку гэжи газар мини эрбэл-тэрбэл харагдаба) *Гуртэ-Зарин-Монголтуевъ*, которому балаганскіе буряты приносятъ въ жертву большерогаго бѣлаго барана.

8) Съ сѣверо запада хозяина горы *Хэрмэн-ула-Хэрмэши-ноен*, жена *Бумэши-хатун*; онъ сдѣлался специальнымъ *покровителемъ дѣтей вообще*; имъ посвящаютъ бѣличью шкуру, которую и вѣшаютъ у дымоваго отверстія юрты (находящагося на вершинѣ крыши); шкуру обвертываютъ цвѣтными лентами; кровавыхъ жертвъ имъ не дѣлаютъ, а обрядъ совершаютъ курунгой и тарасуномъ; объ нихъ говорится, что они не ходятъ по росистой травѣ (шудэртэ ного гэшхэ угэй).

9) *Хозяина бараньяго булгу*, *державцаго луча* *восходящаго солнца*, *Гунэр-ноен*, жена его *Гульмэши-хатун* (хонин добун худал, хохир бори намналга, гур гадаха шахан гульмэ шежим татахан; гарха наринтуя барьхан); онъ сдѣлался специальнымъ *покровителемъ дѣтей мужескаго пола*; при жертвоприношеніяхъ ему не употребляютъ тарасунъ и вино; жертвоприношеніе называется «жерт-

вой красного барана» (морто улан курьганъ, и потому, вѣроятно, такой баранъ и приносится, но ему посвящаютъ собственно заячью шкуру, обвѣшенную цвѣтными лентами.

10) Со стороны восходящаго солнца, куда падаетъ лучъ заходящаго солнца, *Хилман-саган-ноен*, поднявшагося (или спустившагося?) на гору *Хилмасан-дабан*, онъ сдѣлался хозяиномъ *желтаго козла* (шара тэхэ) или *Кяхты*; при жертвахъ не употребляютъ ни тарасуна, ни вина, потому что онъ самъ не пьетъ.

11) Покровителей *булагатовъ* и *экиритовъ* *Буха-ноен-бабая*, жену его *Шэшэ-хатун-иби* (чаще *Будан-хатун-иби*), живущихъ на горѣ *Хан-элгэй* (*Бурят хини тухэ*, *булгат хуни заябари*, *Хан-элгей* худал, *сагдул мѣдѣн шорголхо*, *саган элхэн холболбо* *Буха-ноен-бабай* *Шэтэ-хатун-иби*).

12) *Нагад-Зарин-Саган Нонхуева* (90 даба дабан гархан, 80 дугу дугулан гархан, сахир туру турулхан) (*хиран эрэр гэшэхэн саган нонхун хобун* *Нагад-зарин*, *бурят хуни тургэ со*, *тѣмѣн хуни торогор*); послѣ присяги онъ сдѣлался *покровителемъ лошадей* и доставлялъ *Хан-шарга-ноену* жертвы отъ бурятъ (90 бухан *зохоргондо* *хоѣр шихэн дулэрэ*, 80 *актанъ тѣхѣндо* *хоеръ нюден бурлэ*; *адухани зухэ тэги*, *архин хатуги сагани дэжиги* *Хан-шаргай ноендо-тулгажи* *ѳгѳлѳб*).

Общее мѣсто-пребываніе всѣхъ боговъ западнаго хата находится на тункинскихъ горахъ (*баруни хардаг*).

Въ улусѣ Шанайскомъ на самомъ устьѣ р. Унги записано нижеприводимое призываніе западнаго хата.

1) Баруни 99 мундарга дамжан бухан холор доро доролон бухан Хан-Шарга ноен (халма хат).

2) Хужир-хахи эжилэн бухан Хун-Саган-ноен.

3) Туран хаги таб чилон бухан Толбото-саган-ноен-баба.

4) Хуран модон шорголгото, хужир газар холбогото Олго-хага онсолхон Буха-ноен-баба, Будан-хатун-иби.

5) Урак-хахи эжилхэн Улан-Зала-Моргон-Дэгэ.

6) Ирху хаги эжилхэн Имнэк-Саган-ноен.

7) Хэрэн-хари эжилхэн Хэрмэши-ноен Булгаши хатун.

8) Атараги амадхан, сагаг шулу дугу хэхэн Монготын хабун Гуртэ-Саган-Зарин.

9) Уля хаги эжилха, сахир түрү турулхан, саган шулу дугу хэхэн, 99 хахи ерьюлхэн, 80 хахи надхулхэн Саган-Нонхун-хобун *Нагад-Заринъ*.

Призываніе западнаго хата.

1) Спустился на западные 99 мундарга, имѣя бронзовыя стремена Хан-шаргай-ноен.

2) Спустился хозяиномъ Хужир-хата Хун-саган-ноен.

3) Спустился царемъ Турана Толбото-саган-ноен-бабай.

4) Чесавшійся о березовое дерево, катавшійся по солончанку; сдѣлавшійся царемъ Олгоя (въ Тункѣ?) Буха-ноен-бабай, Будан-хатун-иби.

5) Хозяинъ царства Уракъ Улан-Зала-Моргон-Дэгэ.

6) Царь Иркуты Имнэг-Саган-ноен.

7) Хозяинъ царства Хэрэн Хэрмэши-ноен, Булгаши-хатун.

8) Хозяинъ истока Ангары, сдѣлавшій бѣлый каменный мостъ Гуртэ-Саган-зарин, сынъ Монготуя.

9) Хозяинъ царства Уля, лошадь твоя съ бѣлымъ копытомъ, самъ имѣющій бѣлый каменный мостъ, отнесшій къ 90 царямъ (хатамъ) и 80 царямъ (вино, тарасун и жертвенныхъ животныхъ?) Нагад-Саган-Зарин сынъ Нонхуя.

Сравнивая имена божественныхъ лицъ, относимыхъ къ западнымъ царямъ или западному хату въ рассказъ кудинскихъ бурятъ, балаганскихъ бурятъ (улусъ закулей) и въ призваніи, записанномъ въ лѣтникѣ Шана, замѣчаемъ что нѣкоторыя имена въ трехъ этихъ источникахъ повторяются, но часто область, имъ подчиненная, измѣняется. Первенствующее мѣсто у балаганцевъ занимаетъ Хан-шаргай-ноен, который у кудинцевъ или вовсе не причисляется къ западному хату или замѣняется Улан-зала-моргон-дэгэ, или хозяиномъ Торской или Тункинской степи Китаран-зариномъ, не встрѣчающемся въ числѣ западныхъ царей у балаганцевъ, тогда какъ Улан-зала-моргон-дэгэ упоминается и шаманомъ Закулейскаго улуса и улуса Шана.

Харасагай-заринъ и Хан-хургай-зарин, два держателя поводовъ Ханъ-шаргай-ноена и Зэрлик-ноен, Зэльши-хатун не упоминаются въ призваніи и составляютъ особенность въ первомъ рассказѣ.

Тулман-саган-ноен-эжин свадьбы очевидно тоже,

что Тульма-ноен, хозяинъ Турана у кудинцевъ; въ призываніи улуса Шана царемъ Турана, соотвѣтственно Тульман-ноену, называется Толбото Саган-ноен-бабай.

Улан-Зала¹-Моргон-дэгэ считается въ Закулеѣ хозяиномъ горы хархак и порожистой рѣки съ краснымъ мостомъ, въ Шана онъ уже хозяинъ царства Урак, а у кудинцевъ и два приближенныхъ служителя западнаго хата (хахи быдек) и два сына машин, плеядъ, а б. м. и млечнаго пути(?) и слѣдовательно у кудинцевъ это лицо распадается на два: Улан-Зала (красный пѣтушій гребень) и Моргон-Дэгэ (мѣткій крючекъ).

Эмнек-саган-ноен—хозяинъ царства Хужир въ Закулеѣ, является хозяиномъ Иркутска—въ улусѣ Шана и у кудинцевъ, хозяиномъ же царства Хужир въ Шана другое лицо Хун-сахан-ноен, тоже лицо ститается въ Закулеѣ кузнечнымъ богомъ, хозяиномъ напильника.

У кудинцевъ есть еще Хужари эжинъ, что б. м. соотвѣтствуетъ хозяину Хужир; это именно Хурба-заринъ.

Хозяинъ истока Ангары, р. Селенги и земли Иркутской—Гуртэ-саган-зарин, сынъ Монгото, въ ул. Шана считается сдѣлавшимъ бѣлый каменный мостъ; у кудинцевъ ему соотвѣтствуетъ Буга-Саган-ноен, Хуха-Саган-хатун, тогда какъ Монгото-заринъ, отецъ Гуртэ-зарина—хозяинъ Мѣхна. Покровитель новорожденныхъ дѣтей, хозяинъ горы Хэрмэн-ула

¹) Зала—пѣтушій гребень, Улан-зала—красный пѣтушій гребень, дэгэ—крючекъ, моргон—мѣткій; все вмѣстѣ, красный пѣтушій гребень, мѣткій крючекъ.

Хэрмэши ноен, Булгаши хатун— (Закулей) въ улусѣ Шана хозяинъ царства Хэрэн.

Гэнгэр-ноен (Гульмэши хатун) хозяинъ бараньяго бугра, держащій лучъ восходящаго солнца, эжин мальчиковъ, сходенъ съ Хынгэр-нойономъ, хозяиномъ бубна у кудинцевъ, у нихъ на шаманскомъ ящикѣ (ширэ) онъ рисуется рядомъ съ изображеніемъ солнца, и подлѣ него лукъ, стрѣлы, змѣй и конь, чѣмъ подтверждается солнечный характеръ этого лица.

Хилман-саган-ноен, со стороны восходящаго солнца, куда падаетъ лучъ заходящаго солнца (слѣд. съ востока), спустившійся на гору Химнасан-дабан, эжин-желтаго котла (Закулей) у кудинцевъ уже хозяинъ Кяхты, но въ томъ-же Закулейскомъ улусѣ Хилман-саган-ноен и богъ кузнецовъ—эжинъ горна.

Кромѣ Гуртэ-саган-зарина, (въ ул. Шана) каменный мостъ считается принадлежностью и хозяйина царства Уля, обладателя бѣлой лошади съ бѣлымъ копытомъ Нагад-саган-зарин, хозяиномъ-же царства Уля (Уляги-эжин) у кудинскихъ—Ута-саган-ноен—который въ Закулеѣ покровитель кузнецовъ—хозяинъ клещей.

—
Ухан-хатъ—цари морей, озеръ и рѣкъ.

Цари, вошедшіе въ составъ Ухан-хата, всё спустились съ сѣверо-западной части неба, слѣдовательно со стороны заходящаго солнца; они спустились съ различныхъ небъ и поселились въ самыхъ глубокихъ частяхъ водъ, но небо по прежнему осталось ихъ мѣстопробываніемъ, чѣмъ указывается, что ихъ связь съ небомъ не нарушена. Въ призы-

ваніи Ухан-хата упоминается о двѣнадцати небесныхъ богахъ, тэнгэринахъ, отъ которыхъ произошли цари Ухан-хата, или двѣнадцать небъ или столько-же свойствъ реального неба; ихъ имена слѣдующія.

1. Уда¹-монхон²-тэнгэри.

2. Хуман³-хөхө⁴-тэнгэри.

3. Шудал-тэнгэри.

4. Будал-тэнгэри.

5—11 Долон-хөхө тэнгэри, т. е. семь синихъ небъ.

6. Хөхө-монхон-тэнгэри.

Спускались съ неба заяны Ухан-хата различными путями, т. е. когда спускались съ неба Уда-мөнхөн (нѣкоторые изъ нихъ, а не всѣ), то сдѣлали себѣ мостъ изъ красныхъ лучей, когда-же (другіе) спускались съ неба Хөхө-монхон, то мостъ былъ изъ синихъ лучей. Очень можетъ быть, что небо хөхө-мөнхөн-тэнгэри входитъ въ число семи синихъ небъ, и не составляетъ особаго 12-го неба, причисленъ же онъ мною къ тэнгэринамъ, отъ которыхъ произошли цари или заяны Ухан-хата, потому что въ призваніи оно упоминается отдѣльно. Со стороны заходящаго солнца спустились на землю на гору Сэмбэр-ула по мостамъ изъ красныхъ и синихъ лучей, а съ горы спустились до самаго дна моря, держась на крыльяхъ орла цвѣта синей воды (ухан-хөхө бѳргохор жебер баряжи буга) и здѣсь обратились въ кита съ 13 плавниками (Арбан-гурбан (13) хэрбэтэ абарга ехе загахан).

¹, Удап—медленный, постепенный.

², Монхон—вѣчный, монохонг—сосудъ.

³, Хуман—наконечникъ стрѣлы.

⁴, Хохо—синій.

Первое мѣсто между божествами Ухан-Хата принадлежит Уха-лобсону и его женѣ Ухан-дабан, покровителямъ морей, рѣкъ и озеръ, раздѣляющимъ съ другими лицами Ухан-хата господство надъ водной стихіей; всѣ они живутъ на днѣ глубокихъ водъ и оттуда властвуютъ не только надъ стихіей, но и покровительствуютъ бурятамъ, защищая ихъ отъ злыхъ духовъ, такъ какъ сами принадлежатъ къ существамъ добрымъ, благорасположеннымъ къ людямъ. Божествъ ухан-хатъ не слѣдуетъ смѣшивать съ злыми водяными существами, ухани-бохолдой и ухани эжинъ, сходными съ «водянымъ» и русалками*).

Цари воды, какъ сказано, спустились на дно моря и тамъ гуляли, и ѣздили; имъ прислуживали, какъ и во время ѣзды по сушѣ, Ута-Харанга-ноен, правившій правымъ поводомъ лошади, а лѣвой поводъ держалъ Урянхай, нырявшій подъ водою; этотъ послѣдній былъ шаманомъ изъ племени Хулмэнге; когда же они поднялись на поверхность моря, то ѣздили въ лодкѣ, которою управляли при помощи 99 шестовъ и 88 веселъ Гохоши-ноен (или Хэрэши-ноен) и Хэльмэши-хатунъ.

Гохоши-ноенъ—есть покровитель рыбной ловли при помощи лученья, во время этой ловли ему въ жертву бросаютъ куски жареной рыбы; имя Гохоши-происходитъ отъ слова гохо-шесть, слѣд. господинъ шеста, жена его Хэльмэши госпожа весла,

*) См. Пашковъ. Шаманство въ Сибири, стр. 57. По Пашкову эти ухани-эжины или ухун-эжины суть души утопленниковъ, выходя изъ воды они могутъ принимать видъ людей или животныхъ.

отъ хэлмэ—весло. Ловля рыбы при посредствѣ сѣтей и невода находится подѣ вѣдѣніемъ Гульмеші-ноена—отъ слова гульме—сѣть; Гурши-хатун—покровитель рыболовнаго снаряда въ видѣ конической корзины изъ тальника—морды (гур—морда).

Цари водѣ послѣ своей прогулки по дну и по поверхности моря вошли въ юрту, для нихъ назначенную или принадлежавшую Уха-лабсону; въ это время ихъ было только 9 лицъ, а потому только девять, какъ слѣдуетъ полагать, и спустилось съ неба, но когда они изъ юрты вышли черезъ отверстіе для дыма, то ихъ стало втрое болѣе, т. е. 27. Имена царей водѣ извѣстны только нѣкоторыхъ, не всѣхъ 27, а именно:

- 1) Гэрэл-ноен, жена Туя-хатун.
- 2) Гумгэ-ноенъ или Гульмэ-ноенъ,—жена Гульбэрэ-хатунъ.
- 3) Дошкин-ноенъ, жена Долье-хатунъ.
- 4) Хун*)-саган-ноен, жена Хуян-саган-хатун (или Хулхан-саган-хатун).
- 5) Шанда-ноен, жена Янда-хатунъ.
- 6) Уха-лобсон, жена Ухан-дабан, сдѣлавшіе изъ конскаго навоза, тургэ, а изъ тальника—залма или шире, т. е. жертвенникъ, изъ сѣраго камня—дворъ, а изъ чернаго—ворота, изъ черной и синей воды—мостикъ.
- 7) Эрэ-Хазагар—хранитель перламутрово серебряныхъ и бронзовыхъ ключей госпожи Ухан-дабан.
- 8) Юноши гибкіе и стройные, какъ тростникъ, и дѣвы съ волосами, какъ лошадиныя гривы, съ

*) Хунт—олово, выливаемое во время жертвоприношенія. Хулхан—тростникъ.

9 шелковыми нитками на шеѣ, сдѣлавшіе изъ травы съ болотныхъ кочекъ бичъ, а изъ ключевой воды обрядъ омовенія (новорожденного), такъ называемый *будля* (покровителями котораго и считаются эти юноши и дѣвы).

Всѣмъ имъ, т. е. всѣмъ царямъ Ухан-хато приписывается обладаніе озеромъ, наполненнымъ лягушами, и лугомъ, кипящимъ змѣями, а также жу-жающими пчелами, краснымъ порозомъ и сѣрымъ верблюдомъ для ѣзды безъ повода.

Шаманъ Урянхай-унхуевъ былъ первый открывшій происхожденіе Ухан-хата и первый сдѣлалъ этимъ царямъ жертвоприношеніе; онъ-же выросилъ на безлѣсной горѣ Тархаѣ лѣсъ и тростникъ на чистомъ озерѣ Загалѣ. Гора Торхой и озеро Загалъ находятся въ балаганскомъ вѣдомствѣ.

Обращаясь къ этимологіи именъ царей воды, мы снова встрѣтимъ въ нихъ олицетворенія физическихъ свойствъ воды, какъ въ именахъ Тэнгэриновъ открыли обоготвореніе физическаго неба и его атрибутовъ. Такъ первая пара, Гэрэл-ноен и Туя-хатунъ, олицетворяютъ блескъ воды и гладкую, блестящую зеркальную ея поверхность, такъ какъ *гэрэл* значитъ зеркало, и свѣтлый а *туя* лучъ; вторая пара — Гумгэ-ноен, Гульбэрэ-хатун олицетворяютъ глубину воды; гумгэ — можно произвести отъ слова гун-глубокій; имя-же Гульбэрэ сходность словами гульмэр или гульбэр — ящерица; слѣдуетъ-ли въ этомъ случаѣ предполагать указаніе на быстроту текущей воды, исчезающей изъ глаза подобно скрывающейся ящерицѣ или на легкую подвижность воды, не рискуя настаивать; въ третьей парѣ — оли-

цетвореніе физическаго явленія очевиднѣе — въ ней именно должно видѣть представленіе пугливой волны: Дошкин-ноен, Долѣе-хатун; дошкин—пугливый, долѣе—волна. Проводить далѣе эту мысль по отношенію къ другимъ именамъ представляется болѣе труднымъ, но я полагаю умѣстнымъ упомянуть о такомъ замѣченномъ мною совпаденіи именъ божествъ съ именами реальныхъ предметовъ или физическихъ явленій, наблюдаемыхъ въ водѣ. При перечисленіи именъ различныхъ божествъ, какъ тэнгэриновъ, такъ и подчиненныхъ имъ второстепенныхъ лицъ бурятскаго пантеона можно сдѣлать нѣкоторыя интересныя замѣчанія, а именно: 1) что имена бога и его жены, (а чаще всего имя бога сопровождается и именемъ его супруги, не отдѣляясь въ призваніяхъ и въ изображеніяхъ) служатъ дополненіемъ другъ друга, какъ напр. въ именахъ Гэрэл-ноен, Туя-хатун, т. е. лучистое зеркало, или свѣтлое блестящее зеркало, или въ именахъ Дошкин-ноен, Долѣе-хатунъ—пугливая волна...; 2) что въ начальныхъ звукахъ или буквахъ имени бога и его жены — существуетъ совпаденіе, т. е. что они начинаются обыкновенно съ одной и той-же буквы или даже со сходныхъ звуковъ, примѣры очевидны изъ сравненія именъ; подобное совпаденіе облегчаетъ запоминанія шаману.

Жертвоприношеніе царямъ водъ дѣлають обыкновенно виномъ и рыбами, но устраиваютъ и тайлаганы, т. е. кровавыя жертвы животными; тарасунъ возливаютъ или брызгаютъ въ ихъ честь при переходѣ въ лѣтники, ожидая отъ нихъ особаго по-

кровительства. Онгонъ Ухан-хата, приготовляемый для тайлагана и сохраняемый потомъ въ юртѣ, описанъ ниже.

Кромѣ царей западныхъ и водяныхъ, т. е. западнаго хата и Ухан-хата бурятская мифологія признаетъ еще восточный хатъ, восточныхъ царей; къ восточнымъ царямъ относятъ божества страшныя и неблагопріятствующія людямъ; почитаніе этихъ злыхъ существъ наблюдается и у балаганскихъ бурятъ, но болѣе извѣстно въ кудинскомъ и ольхонскомъ вѣдомствѣ. Выше всѣхъ стоятъ восточные тэнгерины, какъ выше приведено: 9 кровавыхъ небъ и 13 тэнгріевъ. Асаранги—покровителей черныхъ шамановъ и, вѣроятно, представителей ночнаго неба (окторгон), потому что жертвы имъ приносятся по ночамъ и жертвоприношеніе исполняется чернымъ шаманомъ, о которомъ можно предположить, что онъ самъ служилъ нѣкогда олицетвореніемъ и представленіемъ ночнаго неба. Когда у балаганскихъ бурятъ дѣлаютъ жертвоприношеніе желѣзному богу *Тѣмѣрши-ноену* (тѣмѣр—желѣзо), то выбираютъ темную безлунную ночь; черный шаманъ въ одной рукѣ держитъ камень, а въ другой желѣзный молотокъ; у кудинцевъ тоже дѣлаютъ при жертвахъ небу Гужир и Эрлэн-хану. Ниже восточныхъ тэнгериновъ, кровавыхъ небъ и 13 небъ Асаранги стоятъ: 1) Эрлэн-ханъ, 2) писаря его, 3) Эрью-хара-нойонъ — завѣдующій темницей Эрлэн-хана, 4) хозяинъ о-ва Ольхона, Ханъ-хото-бабай, братъ Эрленхана и 5) хозяинъ чернаго коня. *Эрленханъ*, властитель подземнаго царства, особой темницы

Ерлен-тама, гдѣ томятся души грѣшниковъ, особенно шамановъ и служащихъ лицъ, т. е. старость, старшинъ, тайшей: эта тюрьма, такъ сказать, учрежденіе аристократическое, такъ какъ души простыхъ бурятъ не удостоиваются чести попасть въ темницу Эрлен-хана, а послѣ смерти, по мнѣнію шаманиста, остаются на землѣ и скитаются безъ пристанища.

Эрлен-ханъ и его братъ Хан-хото-бабай, хозяинъ острова Ольхона, происходятъ отъ восточныхъ тэнгэриновъ: одно изъ 4 восточныхъ небъ, Хамхир-богдо-тэнгэри, принадлежащее къ 44 восточнымъ тэнгэриямъ, имѣло 3 сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ Бохо-тэли, соперникъ Бохо-муй; Бохо-тэли, сдѣлавшись тэнгэриемъ, небомъ Гужир, женился на дочери западнаго неба Тэмэ-ногон и имѣлъ отъ нея 3 сыновей: *Эрлен-хана*, *Гэлен-бурхана* (или Далай ламу) и *Хан-хото-бабай*. Хозяинъ острова Ольхона живетъ въ озерѣ Байкалѣ въ обширномъ дворцѣ и имѣетъ много подчиненныхъ духовъ; подъ его властью находится особое учрежденіе *ноехи суман*. Хан-хото-бабай женился на дочери восточнаго неба Саг-саган-тэнгэри—по имени Саг-сагай-саган, отъ этого брака произошелъ орелъ (или только родившійся сынъ былъ названъ орломъ*).

*) У Ольхонскихъ бурятъ иное происхождение хозяина острова Ольхона, чѣмъ у кудинскихъ; такъ первые Ханъ-хутаноена принимаютъ за младшаго сына неба Эсэгэ-малан, онъ пребываетъ на небѣ, а спускаясь на землю живетъ въ ольхонской пещерѣ. У него приближенные лица—съ лѣвой руки бывшій шаманъ Ногура, первый принесшій жертву съ своей матерью шаманкой Загура, съ правой руки Хата-бурхан Хомхозарин, живущій на горѣ Хотола, а на горѣ Ижимей живетъ Нагура. У хозяина Ольхона и его жены Савхит-саган-хатун, дочери неба Сарма-саган, есть сынъ—орелъ, жена его Шонхорхатун; нужно принять во вниманіе, что имя Сарма-саган напоминаетъ рѣку Сарму, впадающую въ Малое море.

Другіе хозяина о. Ольхона считаютъ зятемъ Эрлен-хана, женатымъ на дочери его *Хатан-хута*.

Почитаніе бога о. Ольхона очень распространено въ кудинскомъ вѣдомствѣ; тамъ ему дѣлають тайлганы многими животными и очень его чтутъ; „это такой большой бурханъ“, говорили мнѣ буряты, „что всякая, что ни на есть, живая тварь молится ему“.

Въ штатъ при особѣ Эрлен-хана входятъ между другими 3 главные писаря, три ученые министра:

1) Харабли-бурхан жена Харбажи-хатун.

2) Ухэрши-ноен — Угиши-хатун.

3) Сахит-хан — Сабиши-хатун.

У нихъ кучеромъ служитъ Хужи-бохо-хужир-занзу. Три упомянутыхъ лица описали весь міръ: все небо, со всѣми звѣздами, землю со всѣми растеніями и животными и наконецъ всѣхъ людей на землѣ. Имъ въ жертву приносятъ чернаго барана; рядомъ съ его шкурой, повѣшенной на березѣ, вѣшаютъ еще шкуру зайца; затѣмъ брызгаютъ тара-сунъ, колютъ корову и чернаго коня, часть мяса откладываютъ, чтобы съѣсть послѣ, а остальное съѣдаютъ; кости жертвенныхъ животныхъ не сжигаются, а выбрасываются собакамъ; шкуры также снимаютъ и бросаютъ.

(*Хара-морин-эжин*), *хозяинъ чернаго коня Ажира-бохо* иногда является людямъ, особенно обладающимъ большой физической силой и борется съ ними; такъ рассказываютъ объ одномъ балаганскомъ бурятѣ Шоболѣ, который цѣлую ночь боролся съ Ажира-бохо и ни одинъ изъ нихъ не остался побѣ-

дителемъ; боровшіеся съ Ажиро-Бохо скоро помираютъ и все время послѣ смерти проводятъ въ борьбѣ съ хозяиномъ чернаго коня, поэтому, изъ страха смерти, многіе не выказываютъ свою силу. Теперь Ажиро-бохо почитается за большое божество, но въ его происхожденіи рассказывается, что онъ сперва былъ простой бурятъ, но такой сильный, что на одной свадьбѣ на каждое колѣно поставилъ по бочкѣ вина и угощалъ гостей. Когда Эрлен-ханъ узналъ о такомъ силачѣ, то велѣлъ его привести къ нему. Слуги Эрленъ-хана нашли его идущимъ домой и силой принудили идти съ собой; по дорогѣ провели его подъ искривленнымъ деревомъ, сильно наклонившимся надъ землей и обращеннымъ на СВ, отчего А. Б. сдѣлался невидимымъ (проходить подъ такимъ деревомъ считается грѣхомъ) и былъ представленъ Эрлен-хану. Появленіе силача было полезно Эрлен-хану: вслѣдствіи сильной смертности людей, души которыхъ направлялись къ Эрлен-хану, другіе боги заперли темницу Эрлен-тама; черезъ это люди стали помирать рѣже и стали долговѣчны; такое уменьшеніе власти было очень непріятно и потому Ажиро-бохо получилъ приказаніе открыть двери темницы: Ажиро-бохо открылъ дверь ударомъ ноги и за этотъ подвигъ сдѣлался большимъ божествомъ.

Изъ того, что Ажиро-бохо, получившій власть черезъ Эрлен-хана, взятъ послѣднимъ живымъ на небо, необходимо заключить, что и самъ Эрлен-ханъ не только имѣетъ небесное происхожденіе, но и пребываетъ на небѣ, хотя адъ, Эрлен-тама, по-

мѣщается, въ сказкахъ, подъ землей, а жилище подъ водой. Хотя Ажира-бохо и называется эжиномъ, но, вѣроятно, что слово эжинъ въ этомъ случаѣ употребляется въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ случаѣ боготворенія огня въ лицѣ хозяина, эжина огня Сахяда-ноена; очень можетъ быть, что здѣсь слово эжинъ означаетъ обладателя; это отчасти подтверждается тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые умершіе шаманы считаются обладателями бѣлаго коня, или пѣлаго, чернаго, на которомъ и ѣздятъ послѣ смерти, посѣщая окрестности своего улуса, по которымъ разъѣзжали при жизни на такомъ-же конѣ; таковъ напр. Игэрхэн-Алханцаевъ.

Выше было упомянуто объ Ухан-хатѣ, какъ о собраніи покровителей водной стихіи, водяныхъ боговъ; но кромѣ того существуютъ еще другія существа, такъ или иначе связанные съ водой; не сомнѣнно напр., что Байкаль имѣетъ личное божество, представляющее само олицетворенное озеро или море; такое указаніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что ольхонскіе буряты приносятъ жертвы особой богинѣ, хозяйкѣ моря (далан-эжин) Аба-хатан, а также и нѣкоторыми свѣдѣніями объ особой богинѣ *дочери моря*. Не смотря на свое имя „*дочь моря*“ однако эта богиня земная, отъ нея зависятъ люди или по крайней мѣрѣ женщины. Когда небесный богъ Солбонъ—олицетвореніе утренней звѣзды—Венеры, покровитель лошадей и дѣтей(?) взялъ себѣ въ жены обыкновенную женщину безъ согласія *дочери моря*, то послѣдняя, въ наказаніе, причинила болѣзнь сыну Солбона Согто-моргону, прижитому отъ этого брака.

Балаганскіе буряты говорятъ, что Байкаль имѣеть 9 сыновей и одну дочь; девять сыновей моря—это рѣка Селенга съ ея притоками или 9 большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Байкаль, а дочь—рѣка Ангара. Байкаль (эжинъ Байкала) говоритъ слѣдующее: „9 сыновей моихъ собираютъ мнѣ добро, а единственная дочь моя (Ангара) всегда его увозитъ и не скажетъ довольно“. Подобное выраженіе вообще употребляется какъ поговорка по отношенію къ дочерямъ, хотя нельзя сказать, чтобы это было справедливо, если принять въ расчетъ получаемый при выдачѣ замужъ дочерей большой калымъ.

Не одно только небо съ его явленіями, море и воды съ подземнымъ царствомъ служили предметами обоготворенья, но вся природа, во всѣхъ ея проявленіяхъ, давала обильную пищу фантазіи дикаря, возбуждая то страхъ, то удивленіе и удовольствіе, а вслѣдъ затѣмъ и сознаніе своего безсилія передъ этой природой и ея объектами, какое сознаніе влекло за собой стремленіе къ поклоненію этимъ могучимъ силамъ, явленіямъ и предметамъ. Къ такимъ то предметамъ принадлежать: солнце, луна, звѣзды, животныя, растенія, камни; а наконецъ и самъ человѣкъ, его душа, послѣ того, какъ она покинула тѣло.

Солнце—наран, по бурятски, и луна—*хара* имѣютъ одного обладающаго духа, одного хозяина—эжина солнца и луны, особу женскаго пола *Шандангина Хундангина*. Ей дѣлаютъ въ случаѣ болѣзни жертву бараномъ. Во время призванія передается такой разсказъ: у одно женщины было 2

дочери; потомъ она умерла, а отецъ женился вторично; мачиха не любила дочерей отъ перваго брака и потому разъ сказала: „чтобы взяла васъ луна или солнце“; разъ дѣвушки пошли за водой, но солнце и луна хотѣли схватить ихъ; одна изъ дѣвушекъ уцѣпилась за кустъ и оторвала часть его; схватило дѣвушку сперва солнце, но луна, указывая на утомленіе ночью, просила солнце уступить ей дѣвушку; солнце отдало—и съ тѣхъ поръ на лунѣ видно изображеніе дѣвушки, ухватившейся одной рукой за кустъ*); другая въ это время спряталась въ воду или подъ *хубсургъ* (половикъ изъ конской кожи), считающійся нечистымъ. Затмѣніе солнца и луны, какъ передавалъ одинъ балаганскій шаманъ, приписывается животному *Алха***), имѣющему только одну голову, безъ туловища; оно проглатываетъ луну и солнце, и тогда солнце или луна кричатъ „спасите меня“, отчего люди въ это время стараются шумѣть всячески и кричатъ, чтобы прогнать чудовище. Такое же вѣрованіе существуетъ у индусовъ браманистовъ; они говорятъ, что демонъ Рагу проникъ въ общество боговъ и отвѣдалъ напитка безсмертныхъ, но Вишну по указанію солнца и луны, открывшихъ демона, отрубилъ ему голову и эта безсмертная голова съ тѣхъ поръ преслѣдуетъ свѣтила; по другому показанію, одно, черное чудовище, Рагу—погло-

*) Изображеніе этой дѣвушки, сдѣлавшейся хозяйкой солнца и луны, или одной только луны, рисуютъ иногда на шаманскихъ ящикахъ (ширѣ) и ея-же буряты видятъ въ лунныхъ пятнахъ.

**) Алха можно произвести отъ бурятскаго слова алха—убить.

щаетъ солнце, другое, красное, луну; причемъ оба имѣютъ видъ головы; хотя, какъ понимаютъ и дикари, отрубленная голова не можетъ долго задерживать свѣтило, такъ какъ проглотивъ, должно его и выпустить, тѣмъ неменѣе, поднимаютъ сильный шумъ, вѣроятно, съ цѣлью облегчить страданія свѣтила. Монголы такое-же чудовище называютъ Арахо*). Имена чудовищъ—индусское Рагу, монгольское Арахо и бурятское Алха весьма сходны.

Обожаніе солнца и луны въ прежнее время, по видимому, было значительно развито, судя по сохранившимся изображеніямъ ихъ, въ первыхъ, на онгонахъ, у бурятъ балаганскихъ, на концахъ неба, потомъ на шаманскомъ. *ширэ* (ящикъ съ конными тростями, бубнами и другими шаманскими принадлежностями) въ ольхонскомъ вѣдомствѣ и наконецъ на уцѣлѣвшихъ на шаманской одеждѣ мѣдныхъ фигурахъ въ видѣ кружковъ съ срединными радіусами отъ 4 до 6 въ каждомъ.

Подобные кружки найдены были въ лѣсу возлѣ того мѣста, гдѣ былъ сожженъ шаманъ (въ верхоленскомъ вѣдомствѣ). Не безынтересно, что совершенно сходныя по величинѣ и формѣ фигуры изъ бронзы, (тогда какъ найденыя близъ Хогота (Иркутской губерніи верхоленскаго вѣдомства), по видимому, изъ мѣди), изображены въ числѣ древностей пермскихъ въ атласѣ Аспелина „Antiquités du nord-finnoougrien“, вып. II, №№ 632, 634, 635, 637, изъ Пермской губерніи.

*) Тэйлоръ, Первобытная культура Т. I. стр. 304—305, о затмѣніяхъ С. Шашковъ, „Шаманство въ Сибири“, стр. 18.

С. Шашковъ въ своей статьѣ о шаманствѣ (tosif., стр. 77) упоминаетъ, что у бурятъ есть идолы эжиновъ солнца и луны, въ формѣ деревянныхъ кружковъ, обитыхъ красной шелковой матеріей.

Мнѣ лично не удалось видѣть онгоновъ солнца и луны, о которыхъ говорить С. Шашковъ, равно и на всѣ мои разспросы черезъ посредство г. Хангалова о почитаніи солнца и луны и вообще объ слѣдахъ солнечнаго культа всегда приходилось слышать отрицательные отвѣты, и потому я склоняюсь допустить, что эти вѣрованія потеряли уже свое прежнее значеніе, потому, быть можетъ, что они были заимствованы отъ другаго народа и не удержались, не найдя точки опоры въ собственныхъ идеяхъ бурятъ, или потеряли прежнее значеніе, вслѣдствіи иныхъ климатическихъ условій обитаемой нынѣ страны, по сравненіи съ ихъ древней родиной, лежавшей вѣроятно южнѣе, гдѣ дѣятельность солнца выступаетъ рельефнѣе; буряты-же, какъ извѣстно, не были древними насельниками прибайкалья. „Поклоненіе солнцу далеко не повсемѣстно, среди низшихъ человѣческимъ расъ и встрѣчается какъ на высшихъ ступеняхъ дикихъ религій, такъ и у варварскихъ народовъ“, говоритъ Тэйлоръ*). „Солнце, продолжаетъ онъ далѣе, не такъ часто является божествомъ у дикихъ охотниковъ и рыбаковъ, какъ у земледѣльцевъ, которые изо дня въ день слѣдятъ за тѣмъ, какъ оно то даетъ, то отнимаетъ у нихъ ихъ богатство, или другими словами ихъ жизнь“. Обращаясь къ бурятамъ, замѣтимъ,

*) Тэйлоръ, Первобытная культура, стр. II. стр. 336.

что земледѣліемъ занимаются только кудинскіе, идинскіе и балаганскіе буряты и то относительно очень недавно, лѣтъ съ 30 тому назадъ, всѣже прочіе буряты остались прежними исключительными скотоводами, звѣроловами (въ Тункѣ) и рыбаками (на Ольхонѣ); на 700 душъ, населяющихъ Ольхонъ, только у одного засѣяно хлѣбомъ полдесятины. Понятно, что нынѣ буряты или не видятъ прямой зависимости своего богатства отъ дѣятельности солнца, какъ настоящіе скотоводы, звѣроловы и рыбаки, или еще эти идеи о солнечной силѣ въ смыслѣ силы, создающей ихъ богатство, не дозрѣло до высоты религіозной идеи. Препятствіемъ къ такому переходу къ обожанію солнца служить и повсемѣстный упадокъ шаманскихъ вѣрованій.

Къ группѣ обоготворяемыхъ свѣтилъ относится описанный выше Солбон-Саган-тэнгэри или Уха-Солбон, ежинъ звѣзды Солбон—въ которомъ возможно разумѣть планету Венеру. Относительно другихъ звѣздъ могу привести только названія, списокъ которыхъ пополнится впоследствии. *Большую медвѣдицу* буряты называютъ Долон-обѣгѣд, что значитъ семь стариковъ, довольно сходно съ монгольскимъ именемъ созвѣздія: Долон-Бурхан*), т. е. семь боговъ. *Оріонъ*, собственно 3 звѣзды пояса Оріона, называютъ *Гурбан-Марал*, три марала (мараломъ называютъ благороднаго оленя). *Млечный путь*—представляютъ какъ *небесный шовъ*—тэнгэри оѣдол. Затѣмъ еще записаны у меня названія созвѣздій, по-

*) Потанинъ. Громоуикъ по повѣріямъ Южной Сибири и Сѣверной Монголіи. Жури. Мин. Нар. Просв. 1882 г. № 1. стр. 144.

бурятски, безъ указанія, къ какимъ собственно группамъ звѣздъ они должны быть приурочены; это именно: *мородон*—звѣзда колесо и *шодородон*—звѣзда треножникъ; первое изъ нихъ соотвѣтствуетъ, быть можетъ, *сѣверной коронѣ*, а второе состоитъ изъ 2 звѣздъ между плеядами и Оріономъ*).

Саган-одон—вечерняя звѣзда, появляющаяся за заходомъ солнца.

Шопон-дѣрбѣн-нюден—Волчьи 4 глаза.

Ялан-одон—звѣзда постоянная, около Оріона.

Хума-одон—звѣзда наконечникъ стрѣлы (хума).

Хун-одон—человѣческая звѣзда, видна въ темную ночь на сѣверѣ, къ утру движется на западъ; близъ горизонта.

Залата-одон—комета (зала-кисть на шляпѣ изъ лентъ).

Мешэд-плеяды, у Кастрена это слово пишется *misit-misin*, т. е. мишит, мишин.

Хотя радуга и не принадлежитъ, какъ физическое явленіе, къ свѣтиламъ, но ея зависимость отъ солнца и ея появленіе на небѣ позволяютъ ее помѣстить вслѣдъ за звѣздами. Радугу буряты называютъ *унеген-ези шеге*-моча самки лисицы; нельзя съ положительностью отвергать, чтобы бурятамъ была непонятна генетическая связь радуги съ солнцемъ, а въ мифахъ солнце иногда сравнивается съ волкомъ и лисицей; и идею зависимости радуги отъ солнца—лисицы, буряты выразили, придавъ радугѣ характеръ выдѣленія лисицы, т. е. солнца.

*) Atlas zum Lehrbuch der Kosmischen Physik, von I. Müller, таб. III.

Обогащенное солнцем, или собственно слѣды солнечнаго мифа можно видѣть въ борьбѣ двухъ сыновей неба: сына западнаго неба Заян-саган-тэнгэри—«*Бохо-Муя*» (бохо—богатырь, силачъ; муя—буйный) и сына восточнаго неба Хамхир-Богдо—«*Бохо-Тэли*» (Тэли—средній) т. е. въ борьбѣ двухъ солнечныхъ героевъ. Солнечный характеръ ихъ можно видѣть относительно перваго—Бохо-Муя—богатыря, которому приданъ эпитетъ буйный, эпитетъ часто прилагаемый къ именамъ греческихъ солнечныхъ героевъ—Зевса, Ахиллеса, Гектора, Улисса, и др.

Далѣе превращеніе этихъ богатырей въ быковъ, темно-синяго и пестраго, напоминаетъ сравненіе солнечныхъ героевъ греческихъ съ быками или даже ихъ превращенія въ быковъ. Въ превращенномъ въ синяго пороза, въ быка, не лишеннаго половой способности, Бохо-Муя,—можно видѣть также и дневное небо, голубой сводъ, характеризующійся и присутствіемъ солнца (того-же Бохо-Муя); а въ Бохо-Тэли—ночное небо, покрытое звѣздами, придающими пестрый видъ небу, отчего и употребленъ эпитетъ пестрый къ тому порозу, въ котораго превратился Бохо-Тэли; но подъ нимъ-же и можно предположить луну, существо мужескаго пола, какъ и солнце, такъ какъ въ бурятскихъ мифическихъ преданіяхъ они оба, солнце и луна, похищаютъ женщинъ, а луна даже въ образѣ красиваго мальчика является причиной беременности женщины *). Борьба двухъ героевъ — выражаетъ борьбу свѣтилъ во время конъюнкціи солнца и луны, происходящей ночью; пораненіе губы, а потомъ рас-

*) См. Шашкова. Шаманство въ Сибири, стр. 14 и 15.

калываніе рога пестраго пороза, подтверждаетъ лунный характеръ Бохо-Муя, такъ какъ рога суть принадлежность серповидной луны, хотя рога иногда переносятся въ греческихъ мифахъ и на солнце.

Какъ нѣкоторые солнечные герои, какъ напр. циклопы греческихъ мифовъ, являются строителями построекъ и стѣнъ, производятъ молнію и громъ, и бываютъ кузнецами, такъ ими же являются оба и Бохо-Муя и Бохо-Тэли. Побѣдителемъ въ борьбѣ остается, однако солнце, дневное синее небо (темно-синій порозъ) надъ луною, заходящею, съ поврежденными рогами. Слова пестраго пороза, — луны или ночнаго неба, что и ему будутъ приносить жертвы, какъ и дневному небу и солнцу, говорятъ о вторичномъ появленіи луны или ночи, не смотря на ее исчезновеніе при восходѣ солнца.

Относительно роговъ можно замѣтить, что какъ греки въ рогахъ серповидной луны видѣли рога лука, а также и лиры, т. е. эмблемъ солнечныхъ поющихъ героев: Апполона, Діониса, Иракла, Зевса, такъ въ нихъ буряты видѣли рога быка прародителя---Буха-Ноина, тождественнаго съ Бохо-Муя.

Воеводскій въ интересной своей работѣ *) кокъюнкцію солнца и луны, т. е. прохожденіе луны мимо диска солнца символически изображаетъ въ видѣ кружка—солнца, по бокамъ котораго помѣщены двѣ лунки, одна, лѣвая, со стороны солнца, а отъ читателя правая, изображаетъ луну утромъ, а правая вечеромъ. (☾ ☉ ☾). Кокъюнкція солнца и луны въ такомъ видѣ служить основой для мифовъ о борьбѣ солнеч-

*) Воеводскій. Введеніе въ мифологію Одиссен, стр. 32.

ныхъ героевъ; подобный мифъ имѣютъ и буряты въ борьбѣ Бохо-Муя, тождественнаго съ Буха-Ноиномъ, ихъ прародителемъ, и Бохо-Тэли. Издаваемый Бохо-Муя или Буха-Ноиномъ ревъ напоминаетъ крикъ и пѣніе солнечныхъ героевъ греческихъ мифовъ, а равно и героевъ славянскихъ, напр. Соловья Разбойника. Въ ходѣ борьбы обоихъ солнечныхъ героевъ легко усмотрѣть описаніе движенія солнца и луны, и луна, уходящая утромъ отъ солнца, выражено вѣроятно въ мифѣ въ видѣ пестраго пороза, удалявшагося съ поврежденнымъ рогомъ; въ подобномъ же мифѣ, записанномъ у Пашкова (loc. cit, 42 стр.) Буха-Ноинъ восемь разъ обѣгаетъ небо, прежде чѣмъ спуститься на землю, чѣмъ уподобляется Гектору, тоже солнечному герою, обѣгающему нѣсколько разъ вокругъ стѣнъ Трои передъ борьбой съ такимъ-же солнечнымъ героемъ побѣдителемъ Ахилломъ, восходящимъ солнцемъ.

Разсказу о томъ, что попути Буха-Ноина вырасталъ пихтовый лѣсъ и вересъ можно видѣть аналогію въ мифѣ объ оскотленіи Урана, тоже представителя солнца. «Изъ капель крови, упавшихъ во время оскотленія, произошли, кромѣ Эриній и Гигантовъ, «сверкающихъ бронью» еще и пимфы Меліи, т. е. выросли ясени»*), о чемъ далѣе авторъ названной работы говоритъ; «какъ въ мифѣ о Полифимѣ ослѣпленіе этого представителя солнца сопровождается пыланіемъ дерева, такъ въ данномъ случаѣ оскотленіе Урана сопровождается кровавымъ, т. е. то же, что огненнымъ дождемъ, превращаю-

*) Воеводскій, loc. cit — 174.

щимся въ лѣсѣ». Мифъ оскотленія Урана ближе подходитъ къ мифу о Буха-Ноинѣ, такъ какъ лѣсъ пихтовый вырастаетъ отъ выдѣляемой мочи сиваго порога, т. е. тоже отъ дождя, но только не кроваваго.

Умѣстно здѣсь-же сказать нѣсколько словъ о тѣхъ единичныхъ властителяхъ природы, которымъ въ мифологіи другихъ племенъ отводится видное мѣсто, въ бурятской же только намѣчаются; легко предположить, что будь у бурятъ такой сборникъ народныхъ пѣсенъ, какъ финская Калевала, рядъ подобныхъ властителей былъ-бы не менѣе длиненъ, чѣмъ у финновъ. Теперь-же упомянемъ, что въ параллель финскимъ богамъ тумана, вѣтровъ, зари и покровителей дикихъ и домашнихъ животныхъ, и у бурятъ существуютъ намеки на сличетвореніе тѣхъ-же явленій природы.

Божеству, зажигающему, по вѣрованію эстовъ утромъ солнце, Койту, и загашивающему его вечеромъ, Эммарику, соотвѣтствуютъ *Гэз-лама* и *Далай-лама*, но при сообщеніи этого шаманы говорили, что эти боги признаются только ламаитами, какъ боги утренней и вечерней зори.

Эжинами южнаго и сѣвернаго вѣтра считаются западные тэнгрии, тогда какъ Эжины тумана принадлежатъ къ восточнымъ тэнгэринамъ.

Господиномъ лѣса называютъ Ойн-эжина, т. е. хозяина лѣса*).

Тѣрури**)—эжинъ живетъ въ степяхъ или въ лѣсу и заставляеть людей сбиваться съ дороги.

*) Ойн—лѣсъ, см. Словарь. Кастрена въ „*Veysuch einer Burjatischen Sprachlehre*“.

**) Тѣрьенамъ (n)—кружиться, блуждать.

Но власть надъ дикими звѣрями принадлежитъ не этимъ хозяевамъ лѣса, а особымъ лицамъ-хозяевамъ отдѣльныхъ горныхъ лѣсовъ, *тайги*; такъ балаганскіе и кудинскіе буряты знаютъ *хозяевъ восточной и западной тайги*, понимая подъ этими тайгами—хребты байкальскій и березовый; тункинскіе напротивъ, знаютъ *ханга сѣвернаго* (Хойтинскаго) и *южнаго* (урякшинскаго); понимая подъ хангаемъ такого-же хозяина тайги, т. е. горнаго лѣса, въ одномъ тункинскихъ, и въ другомъ—саянскихъ горъ*).

Въ религіяхъ, представляющихъ въ различныхъ видахъ обожаніе природы и ея явленій—не могло быть не отведено подобающаго мѣста и органическому міру—міру растений и животныхъ, и послѣднимъ болѣе видное мѣсто, такъ какъ буряты только что недавно стали знакомиться съ культурой растений, а стало быть и понимать ихъ значеніе, тогда какъ животныя издавна изучались то какъ предметъ охоты, который нужно перехитрить или осилить, то какъ животныя домашнія; старики и теперь еще рассказываютъ, какъ прежде ихъ предки собирались для облавы на звѣрей, на общественную охоту, «зэгэтэ-аба», вмѣстѣ съ рыболовствомъ доставлявшей имъ средства къ существованію **).

Рядъ животныхъ, пользующихся теперь особымъ почтеніемъ, не очень длиненъ, и нѣтъ почти ни одного

*) Черскій. Нѣкоторыя примѣчанія къ описанію Байкала Риттера, стр. 63. (Извѣстія В. Сиб. О. Т. XII, № № 4—5).

**) Національный праздникъ у бурятъ (Извѣстія В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XI, № № 3—4, стр. 33).

животного, которое считали бы богомъ, исключая орла, сына бога острова Ольхона, символъ одного изъ лицъ западнаго Хата, Хан-Шаргай-Ноёна; орель же былъ по нѣкоторымъ преданіямъ и первымъ шаманомъ. Причины почитенія, питаемаго къ тому или другому виду животныхъ, довольно разнообразны; можно различить слѣдующія формы обожанія: 1) непосредственное обоготвореніе, напр. орла, вслѣдствіе его небеснаго происхожденія; 2) обожаніе животного, какъ родоначальника племени: Буха-Ноина, лебедя, волка, налима; 3) обожаніе животного, представляемаго воплощеніемъ божества или хозяина цѣлаго вида, напр. хорька, куницы, горностая, лисицы и соболя (у черныхъ тарсайскихъ шамановъ Идинскаго вѣдомства) 4) обожаніе животного, отличающагося умомъ, напр. ежа; 5) обожаніе за силу или вслѣдствіи ихъ вреда—медвѣдя, змѣй. Перечисленныя животныя принадлежатъ по всѣмъ классамъ позвоночныхъ животныхъ, изъ безпозвоночныхъ мифологія шаманская знаетъ только пчелу и какого-то водянаго жука (не ракообразнаго-ли бокоплава, *goshmagus*, котораго такъ много въ Ангартѣ и Байкалѣ), и помѣщаетъ ихъ на священныхъ изображеніяхъ, онгонахъ Ухан-Хата и Зурактанъ, вмѣстѣ съ верблюдомъ, быкомъ, орломъ, лягушкой и змѣей.

Слѣды обожанія животныхъ можно усмотрѣть въ тѣхъ увеселеніяхъ, которыя слѣдуютъ по вечерамъ послѣ большихъ жертвоприношеній, тайлгановъ, посвященій въ шаманы; на такихъ вечерахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является шаманъ. Послѣ распредѣленія назначенныхъ для пиршества барановъ различнымъ божествамъ (9 небеснымъ стари-

камъ, 9 старухамъ, 9 сыновьямъ и 9 дочерямъ), животныхъ колятъ и мясо съѣдаютъ; тогда начинается призываніе небесныхъ и земныхъ божествъ, онгоновъ; призываемый онгонъ свое присутствіе обнаруживаетъ въ особѣ шамана и его устами говорить свое происхожденіе; призываніе поется хоромъ или однимъ шаманомъ. Между другими онгонами призываются и онгоны животныхъ, которыя изображаются въ юмористическомъ видѣ и шутками забавляютъ присутствующихъ, прежде же, по всей вѣроятности, это появленіе имѣло иной характеръ и могло напоминать напр. Медвѣжій праздникъ айновъ на Сахалинѣ. Тутъ являются 1) Заря-Азарга, ежъ, 2) Бабаган-онгонъ,—медвѣжій онгонъ, 3) Тэхэ-онгон, козлинъ 4) Буха-онгон—бычій и 5) Бубе-онгон—овечій онгоны. Когда приходитъ Бабаган-Онгон, то всѣ сидятъ смирно, не шевелясь; шаманъ, представляющій онгона, подражаетъ движеніямъ медвѣдя, становится на ноги и хлопаетъ руками, ходитъ на четверинкахъ, обнюхиваетъ сидящихъ; наконецъ кто либо бросаетъ платокъ, медвѣдь сердится, хватается кого попало и кладетъ къ порогу, кусаетъ и реветъ, и ждетъ пока не перестанетъ шевелиться; потомъ возлѣ перваго, кладетъ другаго, третьяго и образуются наконецъ цѣлая куча; все это вызываетъ смѣхъ и шутки.

Тэхэ-и буха-онгоны подражаютъ представляемымъ животнымъ, ходятъ на четверинкахъ, бодаются, какъ быкъ роютъ землю.

Небесный онгонъ Заря-Азарга (ежъ) не имѣетъ ни ногъ, ни рукъ; приходя, онъ рассказываетъ:

Однажды Эсэгэ-Малан-Тэнгэри женилъ своего сына и отвезъ его поэтому случаю къ невѣстѣ, но сынъ убѣжалъ, и каждый разъ, какъ отецъ его отвозилъ, онъ убѣгалъ отъ своей невѣсты. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри хотѣлъ посоветоваться съ Заря-Азарга и послалъ за нимъ; когда Заря-Азарга поднялся на небо и вошелъ въ юрту, то дѣти неба стали смѣяться надъ Заря-Азарга, чѣмъ очень его разсердили и ежъ ушелъ на землю. Тогда Э. М. Т. послалъ трехъ крылатыхъ посланниковъ подслушивать, что будетъ говорить Заря-Азарга. Идетъ Заря-Азарга между быками—и быки разбѣжались, увидѣвъ ежа, за это они были осуждены имъ вѣчно носить тяжести и быть подъ ярмомъ; подходитъ Заря-Азарга къ табуну лошадей—и лошади, испугавшись, разбѣжались; Заря-Азарга пророчески изрекъ: «пусть съ этого времени съ головы вашей не снимется узда, съ шеи хомутъ, со спины сѣдло и съ ногъ путы, вы будете возить человѣка и тяжести». По дорогѣ Заря-Азарга разсуждалъ вслухъ: «зачѣмъ Э. М. Т. не привезетъ невѣсту къ сыну, тогда невѣста не уйдетъ отъ жениха, женихъ-же всегда уйдетъ». Узнавъ слова Заря-Азарга—отецъ неба сталъ приучать быковъ носить ярмо и возить тяжести, а лошадей къ уздѣ и сѣдлу; а невѣсту сына взялъ и привезъ къ сыну. Съ того времени буряты начали употреблять для своихъ нуждъ быковъ и лошадей, и установился обычай невѣсту отвозить въ домъ жениха, а не наоборотъ. Буряты вообще настолько уважаютъ раз-

судительность ежа, что совѣтують ведущему какую-либо тяжбу имѣть при себѣ иглы ежа*).

*) О Заря-Азарга (ежъ) рассказываютъ еще слѣдующія легенды, изъ которыхъ видно уваженіе, питаемое бурятами къ ежу.

Балаганская легенда передается такъ: Хозяинъ земли-дадын-эжин Даба-ноен (но также и дэлхэн-эжин Дибэн-Саган-Ноен) потребовалъ отъ неба Хан-Хурмас (или Хурмас-тэнгэри) лучи луны и солнца, обѣщая въ случаѣ неисполненія требованія причинить людямъ зло. Жалѣя людей, созданныхъ имъ, при участіи всѣхъ прочихъ западныхъ тэнгэриевъ, Хурмуста старался поймать солнечные и лунные лучи, но, потерпѣвъ неудачу, созвалъ на совѣтъ всѣхъ 55 западныхъ тэнгэриевъ; на совѣтѣ присутствовалъ и Заря-Азарга; такъ какъ совѣтъ тэнгэриевъ не придумалъ, какъ исполнить требованіе хозяина земли (дадын-эжин'а), то Заря-Азарга ушелъ домой. По дорогѣ Заря-Азарга говорилъ: „Западное небо Хурмуста собралъ на совѣтъ всѣхъ западныхъ тэнгэриновъ, а они не могутъ придумать средства, какъ поймать лучи солнца и луны; но сдѣлать это не возможно, оттого, что на землѣ сдѣлается темно; они должны придумать что-нибудь такое, что заставило бы хозяина земли отказать отъ своего требованія; если они потребуютъ отъ хозяина земли „*дадын-жиралга*“ и „*далан-миралга*“, то хозяинъ земли не сможетъ этого достать и откажется тогда отъ своего требованія“. Посланные неба Хурмуста подслушивать, что будетъ говорить Заря-Азарга, имѣвшаго привычку думать вслухъ, донесли Хурмуста слова ежа. Тогда западные тэнгэри последовали совѣту ежа и потребовали *дадын-жиралга* и *далан-миралга* у хозяина земли. Хозяинъ земли поручилъ царю водъ Уха-Лобсону послать ему *далан-миралга*, но тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ, а самъ дадын-эжин не могъ поймать *дадын-жиралга* и долженъ былъ отказаться отъ своего требованія.

Кудинцы ту-же легенду передаютъ почти также: Эсэгэ-малан-тэнгэри и хозяинъ земли породнились между собою посредствомъ брака своихъ дѣтей. Разъ хозяинъ земли былъ въ гостяхъ у неба Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; при уходѣ домой онъ попросилъ въ подарокъ солнце и луну. Соблюдая священный обычай гостепріимства, Э. М. Т. не могъ отказать и подарилъ хозяину земли луну и солнце, и тотъ, принеся ихъ домой, заперъ въ ящикъ. На землѣ тогда стало темно, а Э. М. Т. ничего не могъ сдѣлать, чтобы возвратитъ солнце и луну и послалъ за

У бурятъ и въ сказкахъ и въ обрядахъ можно прослѣдить слѣды обожанія змѣй, культа, имѣвшаго весьма широкое распространеніе въ Азіи, въ Европѣ и Америкѣ*). По-бурятски змѣя—могой,—она часто въ видѣ чудовища о нѣсколькихъ головахъ является въ сказкахъ, наконецъ именемъ Мого, Мого-хана называется герой одной сказки; изображеніе змѣи рисуются у балаганцевъ на онгонахъ, и наконецъ даже совершается жертвоприношеніе пестрой овцой змѣиному царю Алтан-толи и его женѣ Алташа-Хатун; при этомъ обрядѣ вмѣстѣ съ костями сжигаютъ на жертвенникѣ и часть мяса, свернутого и перевязаннаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ четырехъ-цвѣтными шелковинами въ видѣ змѣи; въ призываніи шаманъ проситъ принять жертву и сообщаетъ, что тайпа змѣй живетъ на горѣ Тамири-Улан (Курумчинскаго рода, Кудинскаго вѣдомства), староста змѣй

Заря-Азарга, но послѣдній былъ обиженъ насмѣшками 9 сыновей и 9 дочерей неба Э. М. Т., которые смѣялись надъ тѣмъ, что ежъ не ходитъ, потому что не имѣетъ ногъ(?), а катается; Заря-Азарга ушелъ, по дорогѣ выболталъ свою мысль, которою и воспользовался Э. М. Т. Онъ пошелъ самъ въ гости къ хозяину земли и погостивъ нѣсколько дней, сталъ собираться домой. „Что тебѣ подарить?“ говорятъ хозяинъ земли. „Подари мнѣ коня изъ весенняго отраженія и стрѣлу изъ эхо“?, отвѣчалъ Э. М. Тэнгэри. Хозяинъ земли не могъ исполнить просьбу и сказалъ: „пусть родство и дружба наша останутся прежними, а ты возьми солнце и луну“. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри согласился. Хозяинъ земли вынулъ изъ ящика солнце и луну и передалъ гостю, а послѣдній, по пріѣздѣ домой, пустилъ ихъ по прежней дорогѣ, и на землѣ опять день сталъ смѣняться ночью.

У балаганскихъ бурятъ хозяину земли дѣлаютъ осенью талганъ, который называется *Намари-талан*, т. е. осенній талганъ.

*) См. Тэйлоръ. Первобытная культура, II, 293.

въ Верхотенскомъ вѣдомствѣ на горѣ Байтакѣ (или на горѣ Капсаль), а старшина змѣй— въ земляхъ Китойской инородной управы. Жертвы змѣиному царю дѣлаются, какъ говорятъ, съ недавняго только времени по слѣдующему случаю: у одного бурята заболѣла нога, потому что разъ во время покоса онъ убилъ змѣю; болѣзнь сильно развивалась, больной терялъ даже сознаніе и сходилъ съ ума; всякій разъ, какъ въ юрту входилъ старшій сынъ, боль усиливалась и больному казалось, что тогда появлялась маленькая змѣя и кусала ногу; больной прогналъ наконецъ сына, но боль не унялась, часть ноги отпала и больной умеръ; возвратившійся сынъ сдѣлался шаманомъ и началъ приносить жертву змѣиному царю, который ему покровительствовалъ.

Непосредственное обожаніе отдѣльных животных теперь нельзя уже встрѣтить у бурятъ, но на существованіе поклоненія животнымъ указываютъ тѣ онгоны въ видѣ шкурокъ животныхъ—хорька, горностая, куницы, соболя, которыя находятся въ каждой юртѣ шаманствующихъ бурятъ; у кудинскихъ и прибайкальскихъ бурятъ очень распространенъ хорекъ, а онгонъ называется хозяинъ хорька—*Холонгонъ-Эжин*, у балаганцевъ кромѣ него существуютъ еще онгоны куницы и горностая.

О хозяинѣ хорька—Эргил-Буга-Ноён-Тонхой—разсказываютъ, что онъ сдѣлался шаманомъ 7 или 10 лѣтъ. Онъ родился отъ 7-ми лѣтней дѣвочки оттого, что съ неба сошелъ градъ и дѣвочка проглотила градину; дѣвочка забеременѣла; когда родители замѣтили это, то поселили дочь въ отдѣльной нарочно выстроенной юртѣ; испуганные тѣмъ, что

дѣвочка не могла долго разрѣшиться, ее выдали замужъ за 70-ти лѣтняго старика Мэндэн, который однако не могъ быть отцомъ ребенка; тѣмъ не менѣе дѣвочка родила и родившійся сынъ скоро сдѣлался великимъ шаманомъ.

На ряду съ почитаніемъ животныхъ у бурятъ существуетъ и обожаніе растений. Не говоря уже о тѣхъ растеніяхъ, которымъ приписываютъ божественное происхожденіе, какъ багульникъ и пихта, выросшіе тамъ, гдѣ проходилъ Буха-Ноёнъ, буряты относятся съ почтеніемъ къ нѣкоторымъ единичнымъ растеніямъ, деревьямъ; такъ они питаютъ суевѣрный страхъ къ деревьямъ искривленнымъ, съ сильно пригнутыми къ землѣ вершинами; пройти подъ такимъ деревомъ считается грѣхомъ; Ажира-Бохо (хозяинъ чернаго коня), пройдя подъ такимъ деревомъ, сдѣлался невидимымъ и былъ взятъ живымъ на небо. Но существуютъ и другія деревья, которыя по внѣшности ничѣмъ особеннымъ не отличаются; а между тѣмъ возбуждаютъ благоговѣніе простодушнаго дикаря; такъ около деревни Куртунъ, расположенной въ глухой мѣстности верстъ за 30 отъ жилья, возлѣ самой дороги я видѣлъ лиственницу, увѣшенную на стволу цвѣтными листочками — красными, желтыми, бѣлыми, синими; подѣзжая къ дереву, буряты сходятъ съ коня или съ арбы и проходятъ мимо въ глубокомъ молчаніи и съ серьезнымъ видомъ или даже присоединяетъ отъ себя новую ленточку; лиственница стоитъ почти на берегу р. Куртуна и вблизи священнаго Куртунскаго озера, хозяинъ котораго обитаетъ въ самомъ озерѣ и благосклонно принимаетъ возліянія вина, даже отъ русскаго крестьянина; въ

мою бытность въ Куртунѣ погода была дождливая и необходимо было выпить вина, вино оказалось красное и проводникъ, получивъ свою порцію и выливая нѣсколько капель на воду, промолвилъ: «никогда такого вина *онъ* не пилъ».

Можетъ быть, что жертвованія ленточекъ имѣють въ виду не самое дерево, а хозяина р. Куртуна, но сомнѣніе возбуждается тѣмъ, что выраженіе благоговѣнія къ хозяину мѣстности выражается непрерывно у дерева, находящагося у самой почти околицы русской деревни. Кромѣ единичныхъ деревьевъ существуютъ цѣлыя священныя рощи и притомъ двоякаго рода—одни, какъ мѣсто пребываніе явленнаго бога—бумал-бурхана, другія, какъ похоронныя шаманскія рощи—Шаманки-Аяха; послѣднія чаще всего располагаются по склонамъ горъ, а рощи бумал-бурхановъ даже на совершенно открытыхъ степяхъ.

Даже изъ лишеннаго жизни минеральнаго царства шаманистъ ухитряется выбрать себѣ предметъ обожанія, до такой степени развита въ немъ склонность къ одухотворенію природы и ея проявленій; выборъ предмета поклоненія однако не обнаруживаетъ особенной разборчивости—почему-либо удивившая форма или непривычное мѣстонахожденіе какого-либо нибудь камня достаточно, чтобы этотъ камень сдѣлать предметомъ поклоненія, которому приносятъ жертвы и всячески охраняють. Подобные камни называются *бумал-шулун*, камни явленные, упавшіе съ неба; но въ дѣйствительности это далеко не такъ: бумал-шулуны Унгинской степи близъ Закулейскаго улуса состоятъ изъ 3 кусковъ, 2 куска гнейса, боль-

шой длинѣе 2-хъ футовъ, и 1 кусокъ гипса; послѣдній очевидно изъ ближнихъ красныхъ террасъ, гдѣ гипсъ встрѣчается большими глыбами; у балаганцевъ бумал-шулуны крупныхъ размѣровъ и не такъ многочисленны, какъ у кудинскихъ бурятъ; тамъ каждый улусъ имѣетъ свой маленькій бумал-шулунъ, тщательно сохраняемый посреди улуса въ выдолбленномъ ящичкѣ, прикрѣпленномъ къ столбу; балаганскіе камни положены какъ покойники или убитыя громомъ животныя на аранга—т. е. на доски, укрѣпленныя на 4 столбахъ. Кудинскіе камни видѣть мнѣ не удалось, не показали, но описывали, что они имѣютъ различный видъ, то граненые, то состоятъ изъ нѣсколькихъ—2 или 3—соединенныхъ вмѣстѣ камней; каждую весну шаманъ ихъ вынимаетъ, обмываетъ и тутъ-же приносятъ жертву; камни, считаются упавшими съ неба, и имъ приписываютъ такую силу, что будто отвѣдавшій воды, стекающей при обрядѣ омовенія съ камня, можетъ сдѣлаться шаманомъ*).

*) Принявъ во вниманіе весеннее жертвоприношеніе и какой-то обрядъ омовенія, совершаемый весной по отношенію къ бумал-шулунамъ, напрашивается предположеніе, не связано ли съ обожаніемъ этихъ камней какого-либо особаго обожанія производительной силы природы, культа фаллуса, тѣмъ болѣе, что сами бумал-шулуны напоминаютъ *лингамъ* индусовъ. Миссіонеръ Ниловой пустыни свящ. Дуброва подтверждаетъ высказанное предположеніе, ссылаясь на объясненія тункинскихъ бурятъ-ламантовъ значенія камней; форма тункинскихъ бумал-шулуновъ напоминаетъ орудіе каменнаго вѣка—молотокъ или грузило, т. е. удлиненную гальку, часто съ поперечнымъ желобкомъ; одинъ изъ такихъ бумал-шулуновъ доставленъ мнѣ свящ. Я. П. Дуброва—это простая галька, безъ желобка, длиною въ 4½ вершка, шириною по срединѣ 1¾ в.; этотъ бумал-шулунъ считается ступнею боговъ, священная дорога ихъ—рѣка Иркутъ.

Наконецъ многія отдѣльныя горы, берега рѣкъ, ручьи и какъ видѣли рощи считаются священными потому, что на нихъ присутствуютъ явленные, сошедшіе съ неба боги, Бумал-Бурханы, бывшіе прежде простыми людьми; взятые на небо, они опять спустились. На такихъ мѣстахъ имъ приносятъ жертвы; тамъ, гдѣ вблизи находится камень, изъ него дѣлаютъ постоянные жертвенники, и на нихъ жгутъ кости жертвенныхъ животныхъ; такихъ жертвенниковъ на горѣ Манхай, я насчиталъ 14.

Вслѣдъ за божествами въ бурятской мифологіи слѣдуетъ поставить рядъ духовныхъ существъ, представляющихъ олицетворенныя души умершихъ родственниковъ, предковъ или вообще людей; эти вѣрованія составляютъ несомнѣнно остатокъ древняго анимизма, т. е. обоготворенія человѣческихъ душъ.

Къ названному роду существъ принадлежатъ: *дахулы, мушубунъ, ада*.

1) *Дахулами* называются души умершихъ людей: бѣдныхъ мужчинъ, дѣвицъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ. Въ каждомъ улусѣ существуетъ свой *дахулъ*, составляющій нѣкоторымъ образомъ принадлежность естественнаго рода, улуса, а не семьи. Дахулы вредятъ дѣтямъ, причиняя имъ нездоровье и иногда смерть; взрослые-же буряты дахуловъ не боятся и не уважаютъ, но въ случаѣ болѣзни ребенка прибѣгаютъ за содѣйствіемъ къ шаману и дѣлаютъ имъ (дахуламъ или дахулу) кирикъ. Дахулами, т. е. вредящими существами, временно дѣлаются даже божественныя личности, напр. *доцъ моря* сдѣлалась дахуломъ Согто-Моргону, сыну Сол-

бона, утренней звѣзды, за то, что бракъ Солбона съ простой буряткой произошелъ противъ воли богини моря, властвующей тѣмъ не менѣе и надъ женщинами. Согто-Моргонъ заболѣлъ; для удовлетворенія разгнѣванной богини нужно было принести ей жертву; съ этой цѣлью на небо вытребовали бѣлаго кудинскаго шамана Маланака Хабалзаева; послѣдній принесъ нѣсколько жертвъ дочери моря, но больному становилось все хуже, тогда позвали другаго шамана Майдаръ Тужирова, хорошо гадаваго на лопаткѣ животныхъ; онъ именно по лапаткѣ узналъ, что Согто-Моргонъ заболѣлъ отъ того, что дочь моря сдѣлалась его дахуломъ и что жертва не принималась потому, что шаманъ забылъ, что онъ на небѣ и держалъ вѣтвь съ жидо (съ пихтой) вверхъ, а не внизъ, какъ бы слѣдовало, такъ какъ жертва приносилась не съ земли на небо, а на самомъ небѣ; только послѣ исправленія ошибки жертва была принята и больной выздоровѣлъ.

2) *Мушу бун'омъ* — буквально «*дурная птица*» дѣлается умершая дѣвушка или ея душа, если по смерти дочери отецъ отдастъ ей огниво, т. е. положить въ могилу; мушубун имѣетъ обыкновенно человѣческій видъ, видъ женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются на подобіе клюва; какъ нижеописанный ада и мушубун можетъ обращаться въ животныхъ, но губы при этомъ не измѣняются. Мушубун подъ правой мышкой держитъ огниво, если отобрать у ней огниво, то она кричитъ: «смотри въ рукѣ», но смотрѣть не должно: если посмотрѣть, то огниво превратится въ червей, а не посмотрѣть, то можно сдѣлаться богатымъ.

3). По сходству съ Мушубунъ къ той-же группѣ существъ принадлежитъ и ада. Ада бываютъ добрые и злые и напоминаютъ русскаго домового, называемаго въ Сибири «сусѣдкой» (не отъ того-ли, что онъ постоянно присутствуетъ въ каждомъ и, у каждаго домашнего очага)?

Ада бурятъ представляетъ въ видѣ человѣка маленькаго роста съ особеннымъ ртомъ, какимъ-то продольнымъ и расположеннымъ подъ челюстью. Ада превращается въ ребенка, дѣвочку, но иногда въ собаку или даже надутый пузырь. Если ада принимаетъ видъ человѣка, то человѣкъ — оборотень держитъ ротъ свой въ рукавѣ, чтобы скрыть уродство (балаг. вѣд.). Ада имѣетъ особый запахъ, похожій на запахъ лука. Если ада убить, то онъ оказывается маленькимъ звѣркомъ. Филинъ очень вредитъ ада и даже убиваетъ его. Такъ какъ самъ ада вредитъ преимущественно дѣтямъ, заставляя нерѣдко покидать юрту изъ-за этого, то при дѣтяхъ держатъ или живаго филина или его шкурку.

Люди иногда могутъ видѣть ада, но преимущественно шаманы. Ниже приводятся два разсказа объ уничтоженіи шаманами ада.

Изъ улуса Ушатъ 1-го Бабаева рода Кудинскаго вѣдомства большой шаманъ *Замханъ* захалъ разъ къ одному богатому буряту Верхоленскаго вѣдомства, имѣвшаго 3 жены; у него шаманъ увидѣлъ 13 ада. Хозяинъ проситъ шамана избавить его домъ отъ непрощенныхъ гостей, отъ которыхъ помираютъ всѣ его дѣти. Шаманъ велѣлъ поставить на другой день въ домѣ (деревянный кувшинъ

для тарасуна) жареного мяса и саламаты, обѣщавъ придти. Придя въ юрту на другой день шаманъ принялъ самъ видъ ада и увидѣлъ, что всѣ 13 ада сидятъ въ домбѣ; наслаждаясь вкусной пищей, ада говорили: *«какъ хороши наши отецъ и мать»*. Увидѣвъ шамана, т. е. новаго ада, они спрашиваютъ: «откуда ты пришелъ»? Шаманъ отвѣчалъ: *«шатаюсь по домамъ и смотрю въ чашку»*. И присоединился къ компаніи; одинъ ада сидѣлъ на верху и караулилъ, а прочіе были въ домбѣ. Замханъ тоже ѣсть саламату и мясо. Когда-же пришла его очередь караулить на верху, то онъ захлопнулъ крышкой всѣхъ 13 ада и велѣлъ сосудъ вынести въ поле и сжечь.

Разговоръ ада между собою и съ шаманомъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживаетъ дѣйствительную природу ада: такъ очевидно, что подъ ада первоначально, вѣроятно, представляли души умиравшихъ дѣтей, такъ какъ ада хозяина и хозяйку называли отцомъ и матерью; слова шамана «хожу по домамъ и гляжу въ чашку», повидимому, напоминаютъ обычай выставлять для умершихъ дѣтей въ теченіе нѣкотораго времени пищу, что могло дѣлаться не только въ родительской юртѣ, но и во всемъ улусѣ, принимая во вниманіе извѣстный страхъ дикаго человѣка передъ всякимъ покойникомъ.

Другой рассказъ про ада гласитъ слѣдующее: Въ улусѣ Тангутъ (Балаг. вѣд.) у инородца Барьядай былъ ада, съѣдавшій всѣхъ его дѣтей. Барьядай просилъ шаманку Арзутъ уничтожить ада. Шаманка велѣла приготовить мясо, саламату и по-

ставить въ домбѣ на правой сторонѣ юрты, и сама стала шаманить снаружи юрты, а внутри всю юрту, кромѣ двери, обтянула *Шидэхэн* (веревка изъ волоса). Четыре сильные мушчины напились пьяны, шаманка также притворилась пьяной, тогда ада вошелъ въ юрту черезъ открытыя двери, которыя шаманка тотчасъ же загородила волосяной веревкой; вслѣдствіи чего ада уже не могъ выдти изъ юрты. Шаманка велѣла четверемъ мушчинамъ держать ее за руки, когда они увидятъ, что она что-нибудь поймаетъ. Шаманка стала шаманить, и вотъ что-то схватила въ восточной сторонѣ юрты; шаманку стало бросать изъ стороны въ сторону, какъ будто она съ кѣмъ-нибудь боролась, но силачи взяли ее за руки у кисти, держа и за туловище, и провели острымъ ножомъ между двумя руками, — тогда вокругъ запахло лукомъ и показалась точно рыба чешуя, въ тоже время откуда-то появился звѣрекъ въ родѣ овражки или хорька, но безъ шкуры; его убили.

Ада добрые ведутъ себя совсѣмъ иначе, не вредятъ дѣтямъ, но нянчатъ ихъ, караулятъ и пасутъ скотъ и берегутъ вообще хозяйское добро; когда кто-либо посторонній захочетъ взять вещь, принадлежащую ихъ хозяину, то они не даютъ и кричатъ «манай», т. е. наше. Такъ у инородца 2-го Олзоева рода (Балаг. вѣд.) по имени Зотѡхонъ было 7 такихъ ада. Однажды жена Зотѡхона велѣла силачу Барьбан-бѡхо (бѡхо-силачъ) принести изъ дала (пристройка къ юртѣ) выдѣланную конскую кожу, но ада не давали Барьбану кожи и въ борьбѣ съ нимъ разорвали кожу пополамъ, крича «наша».

Въ связи съ вѣрованіями въ существа, представляющія души умершихъ людей, у бурятъ наблюдаются ясныя слѣды вѣрованій въ существованіе особой духовной связи между душой живаго человѣка и изображеніемъ его; вредъ причиненный изображенію отражается и на оригиналѣ, хотя бы сходство изображенія съ объектомъ, оригиналомъ было весьма приблизительное. Подобныя вѣрованія составляютъ очень частый случай въ вѣрованіяхъ не цивилизованнаго, дикаго человѣка во всѣхъ частяхъ свѣта. «Въ сѣверной Америкѣ, когда Алгонквинскій чародѣй хочетъ убить», говоритъ Тэйлоръ *). «какое-либо животное, онъ дѣлаетъ его изображеніе изъ травы или изъ тряпья и вѣшаетъ въ своемъ вигвамѣ. Затѣмъ нѣсколько разъ повторяетъ припѣвъ: «Посмотри, какъ я стрѣляю», и пускаетъ стрѣлу въ эту фигуру. Если онъ попадетъ въ нее, то это значить, что на слѣдующій день будетъ убито животное»...

У американскихъ индѣйцевъ Иллинойса, какъ писалъ въ прошломъ столѣтіи Шарльвуа, дѣлались маленькія фигурки и куклы, представлявшія тѣхъ, коихъ жизнь хотѣли сократить—и прокалывали этимъ фигуркамъ сердце **). «Такъ перуанскіе волшебники до сихъ поръ дѣлаютъ куклы изъ лохмотьевъ, втыкаютъ въ нихъ иглы кактуса и прячутъ ихъ въ потаенныхъ мѣстахъ въ домахъ или въ постели и подушки, чтобы такимъ образомъ испортить человѣка или сдѣлать его больнымъ или сумасшедшимъ» ***).

*) Доисторическій бытъ, человѣчества и начало цивилизаціи. Соч. Е. Тэйлора, стр. 154.

**) *ibidem*, стр. 155.

***) *ibidem*, стр. 156.

Подобную-же цѣль у бурятъ имѣеть изготовленіе такъ называемыхъ «зя», т. е. человѣческихъ фигуръ, нарисованныхъ краскою на лоскуткахъ матерій и внизъ головою. Рисунки дѣлаются шаманомъ по собственному намѣренію или по приглашенію другихъ лицъ; рисунокъ кладутъ куда-нибудь въ укромное мѣсто въ юртѣ, хозяевамъ которой предполагаютъ причинить вредъ. Вліяніе *зя* проявляется въ болѣзни, несчастіи и смерти для столькихъ лицъ семьи, сколько нарисовано фигуръ внизъ головою. Несчастье тѣмъ легче случается, что по вѣрованію шаманиста, отъ той семьи и дома, гдѣ есть *зя*, не принимается богами никакая жертва, такъ какъ *зя* оскверняетъ юрту своимъ присутствіемъ, появляясь во время жертвоприношенія въ видѣ мертвой женщины на крышѣ юрты. Разъ боги отступились отъ человѣка, онъ становится тотчасъ-же добычей всякихъ случайностей; поэтому какъ только узнаютъ, что въ юртѣ гдѣ-либо спрятано *зя*, то немедленно призываютъ шамана, чтобы отыскать *зя* и сжечь. Нахожденіе *зя* въ юртѣ обнаруживается разными явленіями: трескомъ, чѣмъ-то плачемъ; для большей увѣренности прибѣгаютъ къ ворожбѣ, и когда присутствіе этого ужаснаго предмета констатировано, то призывается шаманъ; ему готовятъ двѣ трости и шаманъ призываетъ боговъ, чаще всего заяна *Ганзу*, брызгаетъ ему тарасуномъ, и начинаетъ искать *зя*, бѣгая внутри и вокругъ юрты; наконецъ, когда найдетъ мѣсто, гдѣ скрывается *зя*, то мѣсто это обводитъ кружкомъ, тутъ ищутъ *зя* другіе; если его найдетъ самъ шаманъ, то онъ старается его проглотить, но до этого не допускаютъ, ибо

шаманъ сдѣлать-бы великій грѣхъ; когда не успѣваютъ скоро найти *зя* на указанномъ мѣстѣ, то *зя* переходитъ на другое, нѣкоторые видѣли какъ *зя* мелькало свѣтлою полосою на подобіе падающей звѣзды. Найденное *зя* сжигаютъ и оно возвращается къ сдѣлавшему его шаману, беспокоить его, почему шаманъ снова дѣлаетъ *зя* и кладетъ кому-либо другому. Въ случаѣ, если *зя* долго лежитъ на мѣстѣ, такъ что краска рисунка исчезаетъ, что найти такое *зя*, называемое *альбин-зя* можетъ только шаманъ, сдѣлавшій его; этотъ, будучи призванъ, дѣлаетъ 40 *зя*, называемыхъ *дѣле* и разсовываетъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, черезъ что *зя* чрезвычайно размножаются.

Вѣрованіе что *зя* можетъ обращаться въ мертвую женщину, что оно сверкаетъ, какъ, падающая звѣзда, что отъ сжиганія не уничтожается, даютъ поводъ предположенію, что *зя* есть также душа, не уничтожаемая при сжиганіи тѣла покойника, способная принимать разные облики и часто сравниваемая то съ болотными огнями, то съ звѣздами, какъ это наблюдается въ разныхъ суевѣріяхъ даже культурныхъ націй.

• II. СВЯЩЕННЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ И ИДОЛЫ.

Идолы и священныя изображенія вообще называются онгонами, но тѣ-же имена прилагаются и къ нѣкоторымъ божествамъ низшаго порядка, напр. къ нѣкоторымъ древнимъ знаменитымъ шаманамъ, напр. Мушин-онгон, Адагнуша онгон, Хотгу-онгон, а равно и обоготворявшимся животнымъ: тэхэ-онгонъ, (козелъ)

буха (быкъ) онгонъ, бабаган-онгонъ (медвѣдь); очевидно, что послѣдніе играли роль фетишей, подобно огню, а потомъ получили личное божество, сначала частнаго, а потомъ и болѣе общаго характера.

Шаманистъ, будучи по его убѣжденіямъ, постоянно окруженъ враждебными духами, чувствуетъ постоянную потребность въ защитѣ и помощи добрыхъ небесныхъ божествъ или низшихъ духовъ, и чтобы помощь ихъ обеспечить возможно скорѣе въ каждую данную минуту, онъ прибѣгаетъ къ содѣйствию шамана, дѣлающаго изъ дерева, металла или шкуры животнаго фигуру божества или рисующаго на ткани его изображеніе и затѣмъ силою своей молитвы и приносимой жертвы—низводитъ постоянно или временно въ бездушную куклу или лоскутокъ матеріи духъ божества, вслѣдствіи чего куклы и изображенія замѣняютъ самое божество.

Для ознакомленія съ религіознымъ міросозерцаніемъ некультурнаго человѣка немалую услугу можетъ оказать знакомство съ характеромъ выраженія идеи религіозной въ обрядахъ и въ боготворимыхъ предметахъ; поэтому первые изслѣдователи сибирскихъ инородцевъ—Палласъ, Георги, обратили свое вниманіе на эту сторону религіи, тѣмъ болѣе, что такой способъ изученія вѣрованій былъ исключительно одинъ имъ и доступенъ, если принять во вниманіе незнакомство ихъ съ языкомъ инородцевъ, съ одной стороны, а съ другой недовѣрчивость инородца по отношенію къ постороннему человѣку. По отношенію къ бурятамъ и тунгусамъ такой матеріаль собранъ былъ Георги, который къ своему

описанію приложилъ и нѣсколько рисунковъ, приобретающихъ теперь историческое значеніе, такъ какъ по этимъ рисункамъ, объясняемымъ текстомъ, представляется случай прослѣдить степень измѣненія, происшедшаго въ понятіяхъ и идеяхъ бурятъ. Лица, писавшія о шаманствѣ у бурятъ послѣ Георги, какъ напр. Кастренъ и Шашковъ въ большинствѣ случаевъ пользовались матеріалами своего счастливаго предшественника, когда касались внѣшней стороны религіи; тѣмъ не менѣе и эта внѣшность въ такомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ, какъ изученіе естественной религіи, не располагающей письменными памятниками, имѣетъ свою цѣну, такъ какъ можетъ объяснять отчасти не совсѣмъ понятное въ идеяхъ и съ другой стороны полезна для археолога, какъ увидимъ ниже, а также и для изученія послѣдовательнаго хода въ развитіи религіозныхъ идей. Во время поѣздки лѣтомъ 1881 и 1882 годовъ къ бурятамъ кудинскимъ, ольхонскимъ и балаганскимъ мною было обращено особенное вниманіе на внѣшность религіи, на обряды, священные предметы и изображенія и удалось подмѣтить нѣкоторыя интересныя черты и собрать коллекцію онгоновъ. Посѣщеніе западныхъ, балаганскихъ, бурятъ послѣ поѣздки къ бурятамъ прибайкальскимъ было особенно полезно, такъ какъ обнаружено не мало особенностей въ вѣрованіяхъ и въ почитаемыхъ божествахъ, въ онгонахъ и характерѣ изображеній, причемъ добытыя свѣдѣнія взаимно пополняли другъ друга.

Обращаясь къ описанію онгоновъ, замѣчаемъ между ними нѣсколько типовъ: а) по мѣсту нахож-

денія онгоновъ, б) по матеріалу, изъ котораго они дѣлаются и в) по личностямъ божествъ, замѣняемыхъ онгонами.

1) По мѣсту нахождения отличаютъ такъ называемыхъ горныхъ онгоновъ (хадан-онгон) и онгоновъ въ юртѣ.

Горные онгоны наблюдались только у прибайкальскихъ бурятъ—Кудинскаго, Верхоленскаго и Ольхонскаго вѣдомствъ, у бурятъ балаганскихъ ихъ совсѣмъ не встрѣчается*). Горные онгоны дѣлаются шаманомъ для женатыхъ бурятъ вскорѣ послѣ свадьбы, рѣдко для холостыхъ; на лоскутѣ шелковой или парчевой или другой ткани, по $\frac{1}{4}$ аршина на сторонѣ, рисуются человѣческія фигурки числомъ 5, 3 или 4, на одномъ или на двухъ лоскуткахъ, у кудинскихъ 5 на одномъ и 3 на другомъ, или по 4, какъ у ольхонскихъ, или только 5. Всѣ фигуры одинаковы: голова въ видѣ кружка съ чертами для носа и рта, и двумя стеклянными или металлическими бусинками вмѣсто глазъ, надъ каждой головой по перышку филина и по кусочку мѣха выдры; туловище въ видѣ черты, съ раздвинутыми руками и ногами; на груди изъ жести небольшая фигурка человѣка, внизу лоскутка въ два ряда располагаются украшенія въ видѣ вертикальныхъ и пересѣкающихся на крестъ черточекъ, сверху лоскутка по угламъ по 2 ленточки—бѣлая и желтая**).

*) У идинскихъ бурятъ можетъ быть также существуютъ горные онгоны, такъ какъ верстахъ въ 5 отъ Малышевскаго селенія, что противъ г. Балаганска, со стороны Усть-Осы видны были столбы, напоминающіе такіе же столбы съ онгонами на горѣ Калсалѣ и вообще у кудинцевъ.

**) Кудинскіе горные онгоны помѣщены на рис. 1 таб. 2-й.

Желая понять значение жестяныхъ фигурокъ, намъ не удалось, тѣмъ не менѣе, добиться объясненій отъ простыхъ бурятъ и шамановъ; всѣ говорили, что и рисунокъ и фигурки имѣютъ одно значеніе; остается ограничиться предположеніемъ, не изображаютъ-ли эти фигурки души онгоновъ, такъ какъ буряты приписываютъ душѣ отдѣльное существованіе и даже возможность временно покидать тѣло. По крайней мѣрѣ такой способъ изображенія души можно встрѣтить было въ старину (и у русскихъ*).

Изображенія принадлежатъ у кудинцевъ: 5 сыновьямъ Танхая, 3 сыновьямъ Тажирая; Хотын-Моргон'-у и Хубха-Зарин'-у, которыхъ и изображаютъ по 5 фигуръ на лоскутѣ или на второмъ помѣщая только 3 Тажираевыхъ. У ольхонскихъ бурятъ горными онгонами считаются Алдараевыхъ 10 и Дотороевыхъ 7, хотя рисуется по 4 фигуры на лоскутѣ; сыновья Тажирая и Танхая ольхонцамъ неизвѣстны.

Онгоны помѣщаются не вездѣ одинаково, — сначала ихъ кладутъ или въ долбленный деревянный ящикъ или въ кошомную сумку; въ обоихъ случаяхъ вмѣстѣ съ изображеніями—«зуракомъ», кладутъ богородскую траву и табакъ, какъ жертву; ящики или сумки помѣщаются затѣмъ вблизи зимняго улуса на горѣ (у кудинскихъ и верхоленскихъ) или внизу (у ольхонскихъ); у первыхъ обыкновенно ставятся столбы, по нѣсколько рядомъ, принадлежащіе хозяевамъ цѣлаго улуса; на верху столба вы-

*) См. Буслаева. Историч. очерки русской народной словесности и искусства. Рисунки къ 1-му и 2-му тому.

долбляется углубленіе съ задвижной крышкой; въ это уже углубленіе кладутся ящики или сумки съ онгонами; поверхъ столба устраиваютъ еще крышку объ одномъ или 2 скатахъ. У ольхонскихъ бурятъ горные онгоны не кладутся въ долбленныя углубленія въ столбъ, а висятъ свободно между двумя столбами, поставленными на разстояніи 1½ аршинъ, при этомъ вверху пространство между столбами забирается досками, а надъ ними крыша—къ этимъ-то доскамъ и привѣшиваются сумки или ящички съ онгонами; иногда онгоны размѣщаются еще оригинальнѣе: срубленная съ 3 или 4 расходящимися сучками береза вкапывается въ землю комлемъ, а къ сучкамъ привѣшиваются сумки съ онгонами; для защиты отъ снѣга и дождя приспособляютъ изъ бересты навѣсъ. Онгоны стоятъ такъ, пока живъ хозяинъ, для котораго они сдѣланы; со смертію же послѣдняго, онгоны сжигаются, а столбъ сваливаютъ на землю. Чтобы завести онгонъ, нужно пригласить шамана, который дѣлаетъ онгонъ и освящаетъ его, принося жертвы и призывая онгоновъ въ сдѣланное изображеніе; для жертвоприношенія употребляютъ 2 овцы, курунгу, кобылье молоко и 15 котловъ тарасуна; обрядъ освященія состоитъ въ брызганьи тарасуна и призываніяхъ различныхъ божествъ и главнымъ образомъ тѣхъ, чьи онгоны устраиваются; потомъ онгонъ помѣщается на мѣстѣ, а мясо и тарасунъ потребляются присутствующими въ честь божества.

2) Всѣ прочіе онгоны, которые мы видѣли, находятся въ юртѣ и нѣкоторые только у дверей юрты снаружи. Какъ болѣе оригинальный опишемъ *онгонъ-Бѣрто*, встрѣченный только въ одномъ Хангинскомъ

родѣ Балаганскаго вѣдомства; онъ привезенъ изъ-за моря Хортономъ, потомкомъ Хоредоя, родоначальника Хангинцевъ; идолъ, вывезенный изъ Монголіи былъ цѣль до послѣдняго времени. Этотъ онгонъ-Бурто (см. рис. 4 на табл. 2) есть собственно идолъ, представляющій часть человѣческой мужской головы со стороны лица, нѣсколько болѣе естественной величины; на головѣ, по краю щекъ и на подбородкѣ обильная растительность, представленная черной бараньей шерстью, по бокамъ головы по 3 холбохо, во рту былъ воткнуть свѣжій кусокъ жиру; идолъ виситъ на столбѣ въ западной части юрты у очага; на томъ-же столбѣ висѣло зели, т. е. веревка изъ конскаго волоса съ воткнутыми желѣзными палочками вмѣсто лентъ и на концѣ съ 2 бараньими костями и 3 деревянными въ 6 вершковъ палочками, на концѣ съ плоскимъ кружкомъ или 6 угольной фигурой, съ ямками. Значеніе идола Бурто и его происхожденіе мнѣ объяснить не могли или не хотѣли; говорили, что сами не знаютъ, а молятся по бурятски, сложивъ руки и принося въ жертву куски жира; мнѣ не удалось выяснитъ, имѣется-ли этотъ идолъ въ одномъ экземплярѣ для цѣлаго рода или у cadaго домохозяина, послѣднее вѣроятнѣе.

3) Почитаніе огня у бурятъ шаманистовъ находится на довольно высокой степени развитія. «Реальное и абсолютное обожаніе огня, пишетъ Тэйлоръ, распадается на 2 большихъ отдѣла; первый изъ нихъ относится скорѣе къ фетишизму, второй къ политеизму, и одинъ изъ нихъ представляетъ болѣе ранній, а другой болѣе поздній періодъ развитія

теологическихъ идей. Первый отдѣлъ показываетъ намъ свойственное грубому варвару обожаніе настоящаго пламени, которое представляется ему чѣмъ-то крутящимся, ревущимъ и пожирающимъ предметы, на подобіе живаго животнаго; второй отдѣлъ появляется въ періодъ бѣльшаго обобщенія идей, когда всякое индивидуальное пламя считается только проявленіемъ одного общаго стихійнаго божества—бога огня»^{*)}).

Шаманисты бурятъ достигъ этой высшей ступени и онѣ имѣетъ такого стихійнаго бога—хозяина огня гали-эжин'а (гал-огонь)—*Сахяда-Нойона* и его жену *Сахала-Хатун*. У бурятъ является возможность даже прослѣдить переходы вѣрованій изъ одного отдѣла (по терминологіи Тэйлора) въ другой—отъ фетишизма къ политеизму, черезъ посредство промежуточной стадіи—олицетворенія вещественнаго огня каждаго очага въ личное божество; это обстоятельство важно въ виду того, что и Тэйлоръ считаетъ очень затруднительнымъ прослѣдить этотъ переходъ. Спеціальныи личный богъ огня имѣлъ очень обширную географическую область распространенія и въ пространствѣ и во времени. Онѣ существуетъ у краснокожихъ индѣйцевъ Сѣв. Америки—и пользовался большимъ уваженіемъ у древнихъ мексиканцевъ подѣ именами Ксиутеуктли и Уэуэотля; у полинезійцевъ онѣ называется Магуика, въ Западной Африкѣ у дагомейцевъ существуетъ фетишъ огня—Цо, представляемый горшкомъ съ огнемъ, который вносится въ домъ и получаетъ жертву.

^{*)} Тэйлоръ. Первобытная культура, т. II, стр. 327.

Въ Азіи культъ огня не менѣе широко распространенъ; бога огня чтили камчадалы и чтутъ айны, у туранскихъ племенъ онъ извѣстенъ подъ именемъ «матери Уть», у древнихъ индусовъ подъ именемъ Агни. Тѣмъ интереснѣе, что намъ удалось у бурятъ открыть спеціальныя онгоны «хозяина огня», при томъ въ разныхъ видахъ: онгонъ хозяинъ огня у кудинскихъ и верхоленскихъ бурятъ отличается отъ такого-же онгона балаганскихъ. Въ улусѣ Хурумчинѣ (Верх. в.) онгонъ хозяинъ огня имѣлъ видъ мѣшка до 1 фута длины, изъ коленкора или войлока; спереди и сверху онъ открытъ, а внизу образуется сумка, въ которую кладутъ мясо, жиръ и прочія жертвенныя приношенія; на задней половинѣ изображены 3 фигуры—1 маленькая и 2 побольше; у верхоленскихъ бурятъ 3-го Абазаева рода онгонъ хозяина огня имѣлъ 4 фигуры такой же формы, какъ фигуры горныхъ онгоновъ—надъ каждой фигурой по перышку, вмѣсто глазъ бисеръ, только отсутствовали жестяныя маленькія фигурки, помѣщавшіяся у горныхъ онгоновъ на груди.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ онгонъ хозяинъ огня у бурятъ балаганскихъ. Видѣнный мною онгонъ въ Закулейскомъ улусѣ состоялъ изъ двухъ идоловъ, сдѣланныхъ на подобіе человѣка изъ деревянныхъ дощечекъ—длиною 22 сантим. одна фигурка и 21 сантим. другая—при ширинѣ 4¹/₂ сантим.; дощечки обшиты совершенно краснымъ сукномъ, которое здѣсь изображаетъ, какъ объясняли хозяинъ дома—шубу, хотя и лицо также покрыто сукномъ и на немъ на мѣстѣ глазъ по крупной черной бусѣ; внизу и на мѣстѣ рукъ по кусочку овечьей кожи

съ черной шерстью; на головѣ волосы или шапка замѣнялись такой-же черной шерстью; у особы женскаго пола на груди двѣ голубые бусы и жестяной кружокъ (холобши). Легко допустить, что красный цвѣтъ сукна долженъ соотвѣтствовать цвѣту пламени, а черная шерсть углю, какъ результату дѣятельности огня. Оба идола держутся въ сумкѣ изъ грубаго красноватаго сукна, которую вѣшаютъ у передняго изъ 4 столбовъ юрты, окружающихъ очагъ на лѣвой сторонѣ. Видѣнный мною онгонъ былъ довольно древній (хотя хорошо сохранившійся), такъ какъ принадлежалъ дѣду старика, прожившаго однако 50 лѣтъ, слѣдовательно этотъ онгонъ современникъ Георги. Сначала въ бытность мою въ улусѣ онгоны называли — Сахядай-Нойонъ, и Сахала-хатунъ, но потомъ, когда мнѣ доставили точныя модели онгоновъ, какъ я могъ судить по памяти и по описанію дневника, то хозяинъ огня — названъ Гал-Голыхэн, а жена — Гули-хатунъ; гал — значитъ огонь, а гули — мѣдь; очень вѣроятно, что слово мѣдь указываетъ только на цвѣтъ пламени; первая-же часть имени Гал-голыхэнъ — огонь (гал) еще больше свидѣтельствуешь о древнемъ обожаніи матерьяльнаго огня и можетъ быть, что *Гал-голыхэнъ* есть имя хранителя домашнего очага, непосредственное олицетвореніе вещественнаго огня, тогда какъ Сахядай-Нойонъ представляетъ уже высшее развитіе идеи — стихійнаго бога огня, тѣмъ болѣе, что это имя извѣстно всѣмъ бурятамъ шаманистамъ, мною посѣщеннымъ. Глава одного рода кудинскихъ бурятъ называлъ еще третье имя Гали-Эжина, Гангар-Нойонъ, Гынгыр-Хатун, но провѣрить его показаніе мнѣ

не удалось. Буряты рассказываютъ, что нѣкоторымъ удавалось видѣть хозяина огня, какъ нѣкоторыя старухи часто видятъ у насъ домовыхъ; хозяинъ огня казался имъ большимъ *краснымъ человѣкомъ*.

На прилагаемомъ рис. 3 таб. 2 изображенъ снимокъ только жены хозяина огня, такъ какъ самъ хозяинъ отличается только увеличенной на 1 сантим. длиной и отсутствіемъ грудныхъ украшеній.

4) Не менѣе, чѣмъ онгонъ хозяина огня, заслуживаетъ вниманіе и другой балаганскій онгонъ — *Ухан-Хата*, который также, какъ и первый, держится въ юртѣ, но сейчасъ же налѣво у двери. На длинной веревкѣ въ 4 арш. изъ бѣлаго конскаго волоса, съ вплетенными въ нее синими и бѣлыми ленточками въ 3—4 вершка, пришить четырехугольный лоскутокъ синей шерстяной ткани (18 сантим. и 12 сантим. по сторонѣ) съ изображеніемъ красной краской 9 человѣческихъ фигуръ и 4 животныхъ; фигуры людей расположены въ 2 ряда—6 вверху и 3, въ половину меньшей величины внизу, и рядомъ съ послѣдними справа въ 2 ряда нарисованы пчела и змѣя, а подъ ними—лошадь и верблюдъ; отъ головы каждой человѣческой фигуры отходить по 3 луча; выше всѣхъ фигуръ проведены три горизонтальныя черты, изображающія небо, и по краямъ линій два одинаковыхъ кружка, представляющіе солнце и луну; внутри кружковъ 4 радіуса; на другомъ онгонѣ, такъ называемомъ Зурактан—луна и солнце имѣютъ лучи расходящіеся—у луны 8, а у солнца 9; внутри луны иногда рисуютъ человѣка съ ведромъ и вѣтвью дерева.

Онгонъ Ухан-хата представляетъ много своеобразнаго по сравненію съ онгонами кудинскими и ольхонскими; эта своеобразность выражается:

а) въ расположеніи фигуръ, являющихся въ большомъ числѣ (какъ и на другихъ балаганскихъ онгонахъ), въ два ряда, причемъ, за недостаткомъ мѣста, нижніе рисуются по уменьшенному масштабу;

б) въ присутствіи на головахъ человѣческихъ фигуръ 3 лучей въ видѣ роговъ.

в) въ способѣ изображенія туловища человѣка трехъугольникомъ или удлинненнымъ четырехугольникомъ, а не линіей;

г) въ присутствіи на зуракѣ (рисункѣ), кромѣ изображенія людей, еще и фигуръ животныхъ; на другихъ балаганскихъ онгонахъ, кромѣ двугорбаго верблюда, пчелы, змѣи и лошади появляются: быкъ, лягушка съ раскинутыми задними лапами, рыба и жукъ (тархалжин).

Перечисленныя особенности онгоновъ балаганскихъ даютъ нѣкоторое основаніе сравнить съ ними найденныя мною изображенія на береговыхъ скалахъ Байкала въ 2-хъ пунктахъ: 1, въ бухтѣ Ая и 2, на утесѣ Саганъ-Заба. Дѣйствительно, между изображеніями на скалахъ и различными зураками балаганскихъ онгоновъ можно усмотрѣть нѣкоторыя черты сходства; а именно: 1) какъ на однихъ, такъ и на другихъ—кромѣ людей изображаются и животные; на утесахъ находятся птицы, медвѣдь(?), быки, лошади, олени, лягушки (Саганъ-Заба, группа IV), и на скалѣ бухты Ая: рыба, нерпа и верблюд(?); на онгонѣ кромѣ того есть водяной жукъ,

пчела и змѣя; 2) въ способѣ изображенія человѣческой фигуры также замѣчается нѣкоторое сходство, причемъ многочисленность фигуръ, подобно тому какъ на Саган-Заба встрѣчается и на онгонѣ балаганцевъ Зурактанѣ, гдѣ число фигуръ достигаетъ 27; 3) какъ на утесѣ головы фигуръ украшаются двумя, какъ я думалъ, рогами, такъ и на онгонахъ на головѣ замѣчаются по 3 черты, считаемыя лучами; интересно, что между онгонами и изсѣченными на скалахъ рисунками—у селенія Мальты на р. Бѣлой найдена переходная форма—рисунокъ на скалѣ, на берегу въ $\frac{1}{2}$ версты отъ селенія, но не изсѣченный, а нарисованный красной краской, какъ на онгонахъ; рисунокъ*) изображаетъ два концентрическихъ круга, большій діаметромъ 54 сантим., окружность внутренняго круга отстоитъ отъ внѣшней окружности на 9 сантим.; внутри круга изображена фигура человѣка (длиною 32 сантим.), имѣющаго вмѣсто головы 3 расходящіяся черты, на подобіе лучей; руки подняты вверхъ, а ноги раздвинуты и согнуты, какъ на фигурахъ Саганъ-Заба, туловище же изображено сходно съ рисункомъ бухты Ая**).

Если-бы къ изображеніямъ на скалахъ можно было открыть такой-же объяснительный текстъ, какой существуетъ къ балаганскимъ онгонамъ въ содержаніи призыванія боговъ Ухан-хата, вышепомѣщенное, то тогда несомнѣнно установилось бы между

*) См. Таб. 3, фиг. 8.

**) Берегъ рѣки Бѣлой, гдѣ нарисовано изображеніе, имѣетъ высоты болѣе 10 сажень, изображеніе ближе къ верху; на самомъ верху находятся слѣды городища, нынѣ почти запавшаго; на противоположномъ берегу также существуетъ второе городище, называемое крестьянами почему-то „камнемъ“.

ними тождество, т. е., что изображенія на скалахъ суть также священныя изображенія; на самомъ дѣлѣ какъ приведено въ моей статьѣ*), имъ приносятъ жертвы, кладутъ деньги, брызгаютъ тарасунъ, освящаются при приближеніи, какъ при обращеніи съ самыми священными предметами. Во всякомъ случаѣ, изображенія на скалахъ, принимая во вниманіе сходство ихъ съ онгонами, могли служить образцомъ, прототипомъ, моделью для употребляемыхъ нынѣ онгоновъ; и первоначальной, болѣе древней и болѣе совершенной формой служилъ рисунокъ на Саганъ-Заба; плохое подражаніе ему только на утесѣ бухты Ая, затѣмъ переходными формами къ теперешнимъ рисункамъ на матеріяхъ красной краской служили рисунки красной-же краской на скалахъ, у Мальты, въ Куртунѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ еще не извѣстныхъ пунктахъ. Существуетъ у бурятъ мнѣніе, что изображенія на скалахъ были общественными онгонами въ эпоху большаго развитія общественной жизни, когда устраивались общія охоты или облавы на звѣрей**); утверждаютъ даже, что названныя изображенія представляютъ «Сатинскихъ боговъ», особыхъ добрыхъ существъ—людей небеснаго происхожденія, бывшихъ шаманами и шаманками; Ольхонскіе буряты къ этимъ Сатинскимъ богамъ причисляютъ слѣдующія три лица: 1) Богиню Мишэлэ Ганзу Намтаеву; 2) бога—Хулэръ-топши хугыл-бурхан, 3) бога Идир-ганзу. Призываній

*) Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1881 г. Т. XII №№ 4—5, стр. 3.

**) Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. т. XI, 1880 г. № 3—4, стр. 33 (о Зэгэтэ-аба—народной облавы).

этихъ боговъ не собрано и потому эти мнѣнія привожу только въ видѣ отрывочнаго замѣчанія. Весьма важно объяснить хотя одно изображеніе на скалахъ вполне достовѣрно, чтобъ получить ключъ къ чтенію и другихъ столь многочисленныхъ Сибирскихъ начертаній, поэтому и отрывочная замѣтка имѣетъ значеніе.

5 и 6) Балаганскіе онгоны «*Зурактанъ*» и «*Нуган-эзинуд*.» принадлежатъ къ такимъ онгонамъ, на которыхъ кромѣ людей рисуются и животныя.

Зурактанъ рисуется на кускѣ матеріи: вверху проводится прямая или дугообразная черта, означающая небо, а по краямъ солнце и луна въ видѣ кружковъ, иногда подъ чертой рисуютъ еще облако (улэн), потомъ въ 3 ряда, по 9 на каждомъ — 27 человѣческихъ фигуръ, съ головами, украшенными 3 лучами; ниже людей помѣщаются верблюды, быкъ, змѣя, пчела, рыба и лягушка.

Фигуры людей изображаютъ представителей какихъ-то племенъ (500 Тархалжиновъ и 300 Большушиновъ), способныхъ превращаться въ верблюда, змѣю, пчелу, рыбу и лягушку; когда они требуютъ жертвы, то посылаютъ глазную болѣзнь, для излеченія коей необходимо жертвоприношеніе.

Онгонъ Нуган-Эзинуд представляетъ 3-хъ женщинъ, ниже которыхъ изображается озеро, — а въ немъ лягушка и змѣя; имена женщинъ — Монголонизи, Таталан-изи и Тѣхи-изи; онѣ считаются покровительницами домашнихъ животныхъ и живутъ на лугахъ.

7, 8—9) Хозяинъ хорька (холонгон-эжин) и хозяева куніцы и горностая очень распространены у

бурятъ всѣхъ вѣдомствъ, особенно первый; онгонъ состоитъ изъ шкурки животного съ привязаннымъ на шеѣ украшеніемъ изъ оловянныхъ бусъ, круглой пластинки и цвѣтныхъ (желтыхъ и бѣлыхъ) тесемокъ, на груди помѣщается небольшая фигурка человека изъ жести, какъ у онгоновъ, нарисованныхъ краской на тканяхъ и слѣдовательно онгонъ замѣняетъ личное божество, носящее собственное имя, такъ эжинъ хорька называется Эргил-буга-ноин Тунхэй у кудинцевъ и Ноин-Тунхэ, Мондахаевъ; куница (хунере) и горностаи (угин) имѣютъ хозяекъ дѣвицъ Булыханъ и Мундыханъ Мандаевыхъ. Хозяина хорька ставятъ надъ постелью женатыхъ людей.

Къ той-же категоріи животныхъ онгоновъ принадлежатъ хозяинъ и хозяйка козла (Ямани-Эжин); ихъ рисуютъ краской на желтой и синей ткани и держутъ въ плоскомъ ящикѣ налѣво отъ двери; они видѣны мною у верхоленскихъ и кудинскихъ бурятъ*).

Всѣ эти онгоны по отношенію къ обоготворявшимся нѣкогда непосредственнымъ животнымъ составляютъ такой-же шагъ впередъ, ту же высшую степень идеи и обобщенія какъ Сахядай-Нойонъ, Стихійный богъ огня къ матерьяльному пламени.

10) Онгонъ Сэжэн-Бар-сын Тымыршея находится въ каждой юртѣ прибайкальскихъ бурятъ, у балаганцевъ его я не видѣлъ; его дѣлаютъ (рис. 1 таб. 1) въ видѣ человѣческой фигуры изъ краснаго сукна съ украшеніемъ изъ оловянныхъ бусъ и круг-

*) Хоз. хорька у кудинцевъ вѣшается на лѣво отъ входа въ юртѣ или на улицѣ на лѣво отъ двери.

лой пластинки на шеѣ, съ бѣлыми и розовыми тесемками; фигурка привязывается къ кружку изъ березы въ видѣ маленькаго въ $2\frac{1}{2}$ вершка обруча съ двумя поперечинами, вертикальной изъ дерева и горизонтальной изъ желѣзной проволоки съ привѣсками изъ жести въ видѣ колокольчиковъ (холбого); этотъ кружокъ долженъ изображать бубень, какъ это утверждаетъ и Георги *); онгонъ весьма напоминаетъ монгольскій бубень по описанію Г. Н. Потанина **); тутъ тѣ-же холбого на горизонтальной поперечинѣ, вертикальная-же поперечина у бубна имѣетъ видѣ человѣка, такъ-же какъ на такомъ же онгонѣ, изображенномъ у Георги ***), сходномъ съ нынѣшнимъ оягономъ; по монгольски бубень (см. Потанинъ, loc. cit.) назыв. бар—словомъ, составляющимъ часть имени божества (Сэжэн-бар), котораго, впрочемъ, буряты считаютъ тунгузскимъ шаманомъ; настоящій бубень теперь не употребляется при мистеріяхъ шамана, его съ большими удобствами замѣняютъ валдайскіе колокольчики, только у одного вновь посвященнаго шамана Ольхонскаго вѣдомства я видѣлъ три настоящія бубна, но безъ всякихъ украшеній и рисунковъ; этотъ бурятъ сдѣлался шаманомъ, потому, что кто-то изъ его родни былъ убитъ громомъ, что считается счастьемъ, свидѣтельствующимъ о благоволеніи тэнгриевъ къ семьѣ убитаго.

*) *Merkwürdigkeiten verschiedener unbekannten Völker des Russischen Reichs*, 1777 г., стр. 172, таб. II, фиг. 6.

**) Очерки Сѣверо-западной Монголіи, Потанина. Т. II, стр. 82.

***) *Merkwürdigkeiten*, loc. cit., таб. II, фиг. 6.

Всѣ вышеописанные онгоны помѣщаются на лѣвой сторонѣ юрты рядомъ съ дверью или снаружи двери также на лѣво или чаще въ лѣвомъ углу, но у ольхонскихъ бурятъ я видѣлъ онгоны на правой женской половинѣ, одни изъ нихъ и называются женскими онгонами и считаются покровителями домашнего скота, а также дѣтей; ихъ нѣсколько:

11) *Нагорай-бѡ*—шаманъ изъ тунгусовъ и жена *Нажин-хатуи* или Найжи-иби; онгонъ дѣлаетъ шаманъ, причемъ приносятъ въ жертву ямана, саламату, таракъ и чай; часть пищи намазывается на онгона женщинами.

12) *Алтатанъ* или Алтаханъ, также женскій онгонъ кудинскихъ бурятъ; дѣлается женщинами безъ участія шамана; если его не ставятъ, то помираютъ телята, можетъ быть и дѣти; онгонъ Хурумчинскаго улуса, Алтатанъ, походилъ на горные онгоны, тѣже 5 фигуръ и подъ каждой рядъ вертикальныхъ крестовъ.

13) Богиня *Дудѣ* (изъ Хоринскаго вѣдомства за Байкаломъ)—богиня чадородія, ей приносятъ въ жертву въ юртѣ барана, таракъ, саламату и тарасунъ; онгонъ имѣетъ видъ зурака и держится въ войлочной сумкѣ.

14) На правой-же сторонѣ юрты на островѣ Ольхонѣ въ улусѣ Семисосенномъ я видѣлъ деревянный онгонъ длиною до 6 вершковъ; тогда мнѣ не могли его назвать, говорили, «шаманъ знаетъ, мы не знаемъ»; потомъ шаману я заказалъ сдѣлать такой онгонъ и онъ его назвалъ *Рик* и прислалъ еще другой деревянный онгонъ, котораго я не видѣлъ самъ въ юртахъ; этотъ послѣдній названъ *Дабай*.

ханъ; очень возможно, что оба онгона принадлежать также къ женскимъ; они изображены въ естественную величину на рис. 2 и 3 таб. 1-ой.

Весьма обыкновенный онгонъ у кудинскихъ и верхоленскихъ бурятъ—Ирихэ Андаевъ; онъ имѣетъ видъ четырехугольнаго куска кожи, въ квадратную четверть, разрѣзаннаго внизу на 3 или 7 полосъ, къ нему еще на веревкѣ привѣшивается кусокъ оленьей или козьей кожи съ шерстью; никакихъ изображеній на онгонѣ я не видѣлъ; онгонъ этотъ считалъ весьма извѣстнымъ и Георги; ольхонскіе буряты онгонъ Ирихэ рисуютъ на матеріи, судя по тому образцу, который былъ заказанъ шаману черезъ посредство Ольхонской Думы; его призываютъ для излѣченія болѣзни, преимущественно опухолей и нарывовъ.

Въ балаганскомъ вѣдомствѣ у особенно религіозныхъ хозяевъ имѣются большія сборные онгоны изъ большаго числа лицъ (до 58), они называются *Хытхо-онгонъ*; къ нимъ принадлежитъ: 1) 9 дочерей неба Эсэгэ-Малан-Тэнгэри, у балаганцевъ считающагося теперь старшимъ Тэнгэриномъ изъ 55 западныхъ небъ; 2) Уха-Солбонъ его любовница Хатун-Малган, сынъ Хишаранъ-Заринъ и мужъ ея Хан-Бата. 3) Хозяйка солнца и луны; 4) Ганзушины; 5) Покровительница Кимильтея; 6) Хан-Хото, дочь Башуная и жена Борон-Толодо и ихъ потомство, въ томъ числѣ женихъ одной изъ дочерей Хан-Хото, сдѣлавшійся хозяиномъ хорька Ноен-Тонхо-Ганзу Мантахановъ; 7) Луговья женщины (Нуган-Эзинууд) и 8) Угитэ-Хунэртэ.

Всѣхъ фигуръ, судя по имѣющимся у меня моделямъ, 38; они или рисуются на матеріи краской или вырѣзываются изъ матеріи и къ такимъ вырѣзаннымъ фигурамъ, представляющимъ шубы, пришиваются еще жестяныя фигурки съ глазами изъ бисера; на головахъ и по подолу вырѣзанныхъ фигуръ—какая-либо мѣховая оторочка, а на фигурахъ нарисованныхъ—по 3 луча надъ головой; мущина отъ женщины на рисунокѣ отличается поясомъ, котораго у женщинъ не изображаютъ: когда дѣлаютъ такой онгонъ, то шаманъ призываетъ длинный рядъ божествъ, такъ называемыхъ «небесныхъ онгоновъ», къ которымъ причисляются всѣ поименованныя лица; въ призваніи, изложенномъ по запискѣ г. Хангалова, относительно каждаго лица описывается его происхожденіе и каждый изображается рисункомъ или вырѣзанной фигуркой, кромѣ, однако, лицъ, принадлежащихъ къ главнымъ тэнгэринамъ, хотя и упоминаемымъ въ призваніи; такъ, нѣтъ рисунка Эсэгэ-Малан-Тэнгэри и Уха-Солбона (планеты Венеры); призваніе онгоновъ совершается также каждый разъ при обрядѣ кормленія.

Призваніе небесныхъ онгоновъ.

1) «Западные 55 небъ, старшій изъ нихъ отецъ небо (Эсэгэ-Малан-Тэнгэри), 9 сыновей котораго спустились на землю на 99 западныхъ Мундарга; мать небо—Эхэ-Юрин-Тэнгэри, 9 дочерей которой (или дочерей Хата) спустились сначала на 9 горъ Торёнъ (Балаг. вѣд.)—Ехён-Торён, но имъ показалось, что утесы горъ отъ вѣтра шумѣли и кромѣ того были имъ непріятны скрипъ телѣгъ и крикъ

верблюдовъ; тогда дочери неба избрали себѣ новыя мѣстопробыванія. Три старшія дочери поселились на горѣ Ахан-Улан или Ахан-Хорьхон (въ верховьяхъ р. Оки); здѣсь они спустились къ 13 глубинамъ рѣки Оки и стали купаться; къ нимъ приплыли на березовыхъ лодкахъ съ серебряными веслами и золотыми шестами говорящіе непонятнымъ языкомъ, они начали при помощи своихъ шестовъ и веселъ брызгать водою на дочерей неба. Три дочери неба переглянулись между собой и улыбнулись; потомъ чернымъ шелковымъ платкомъ махнули по воздуху: и вотъ съ сѣверо-запада показалось черное облако съ шапку величиною, поднялся умѣренный вѣтеръ, небо покрылось прозрачными облаками; и задулъ сильный вѣтеръ, загремѣлъ громъ и земля отъ него тряслась, и небо покрылось сплошнымъ облакомъ, молнія засверкала и громъ загремѣлъ, земля затряслась и пошелъ сильный градъ въ чашку и корзину величиною. Тогда въ 13 глубинахъ они утонули, говорившіе непонятнымъ языкомъ въ берестяныхъ лодкахъ съ золотыми шестами и серебряными веслами. Одинъ изъ нихъ сдѣлался поклонникомъ небесныхъ дочерей, впереди видящимъ и сзади караулищимъ, имя его Хан-Нахура, онъ имѣетъ шапку изъ черной мерлушки и черный кафтанъ. Три дочери неба выгоняли тарасунъ на горѣ Ахан-Улан; имена ихъ: 1) *Халимдар-Хатун* (или Хан-хатун); 2) *Ялбаргана* хатун (Хатхур-хатун) и 3) *Халбаргана-хатун* (Хута-хатун).

Три среднія дочери неба: 1) *Оргѣто-хатун*, 2) *Оробсор-хатун* и 3) *Эхэ-хатун* на Обосинской красной горѣ выбрали свое мѣстожительство (Идинскаго вѣдомства).

Три младшія дочери: 1) Бэлэкси-хатун, 2) Хэлдэр-хатун и 3) Бэшэкси-хатун поселились на красной горѣ р. Бѣлой.

II). Небо Уха-Солбон имѣлъ связь съ Хатун-Малган; отъ него у ней сынъ Хитаран-Заринъ; ея мужъ, преслѣдующій её за невѣрность Хан-Бата.

III). Затѣмъ призывается хозяйка солнца и луны: «Кучкой выросшій тальникъ удобенъ для хватанія, кругло-красное лицо красиво въ рукахъ луны (для луны?); густо выросшій тальникъ удобенъ для объятія, широко красное лицо красиво; мѣдно-серебряная поваренка пригодна для держанія, красно мѣдно-серебряное ведро пригодно для ношенія; происхожденіе мое изъ племени Саган-Боргутовъ, надъ луной—Хал-хатунъ надъ солнцемъ—Нал-хатунъ (госпожа?), Нал-Шаракшан-Эль Шаракшан-Ехөн-Дангина, имя мое Хун-Дангина.

IV). Далѣе призываются Ганзушины. «Зимою въ сильный морозъ въ шестиугольной юртѣ были заперты дѣвицы; чтобы онѣ не могли выходить, дверь была замкнута снаружи, а отверстіе юрты (для дыма) закрыто; они страдали отъ голода и жажды, и наконецъ померли. По смерти они поднялись на небо и тамъ къ нимъ явился старикъ *Тэхэ-Тонхолжин*, верхомъ на козлѣ (такъ его и рисуютъ на онгонахъ); дѣвицы изъ праваго рога козла достали синяго огня, а изъ лѣваго пищу и питье и тѣмъ утолили свой голодъ и жажду, а огнемъ согрѣлись. Затѣмъ онѣ опять появились на землѣ у богатаго бурята Имахана въ верховьяхъ Оки, гдѣ и жили 9 лѣтъ; у Имахана сильно забо-

лѣлъ отъ нихъ сынъ; богачъ призывалъ шамановъ Тадака и Малака, которые шаманили одинъ за другимъ, но не могли узнать причину болѣзни, только шаманка *Шинхэн* узнала, что болѣзнь причинили Ганзушины и сдѣлала имъ первое жертвоприношеніе. Ганзушины тогда объяснили, что онѣ происходятъ изъ племени Удан-Шарат, отъ крайняго Шарата; снѣжно-бѣлое облако, плавно-тихое спусканіе съ неба на землю; покровитель Шаратовъ небо Шара-Хасар-тэнгэри; отецъ Ганзушиновъ Бажигалда, мать шаманка Хэглэ, жена дяди шаманка Апахан; имена Ганзушиновъ: 1) Адагата-Агальжин, 2) Буру - Занта - Бугальжин, 3) Тѣдѣгѣтѣ—Тонхѣлжин; 4) Ноктото-Нохо-Шаракшин, 5) Гарьхата-Ганзушин и 6) Аманда-Агальжин.

V). Покровительницей Кимельтея (село на московскомъ трактѣ) зайнъ всего народа *бабушка Мэьмэн*, дочь Барьшана; у ней есть мужъ, поднявшійся на небо Хан-Саган, на лошади безъ узды и на небо Ноён-Саган поднялся безъ узды—Охин-Тохо-Амагахановъ; ихъ сыновья: Хухоргоно и Духоргоно и дочери: Алмахан и Талмахан. Небыло шамановъ и шаманокъ лучше ихъ сыновей и дочерей.

VI). Окинскихъ 18 шамановъ и Зухайскихъ 108 шамановъ, бряцающія горы(?), гремющія худэ(?), серебряные колчаны со стрѣлами, желтые луки, когда износилась бѣличья шуба и грозные враги напали, отъ хитрости выбрали мѣстности Нухэн-Гол и Булгахан-Гол—дочь Башуная Хан-Хото; ея мужъ Борон-Толодо; она играетъ на ладони 13 яйцами птицы Ахуная; пожелаетъ кому добра, бросаетъ бѣлый таракъ, захочетъ кому сдѣлать зло—бросаетъ черную

кровь и кашель; она имѣетъ красивыхъ, какъ тростникъ, дочерей—Хулхан, Дэлхэн и Шилбэ, мужья ихъ красивы и стройны, какъ гривы лошади, имена ихъ: 1) Ноен-Тонхо-Ганзу Мантахановъ, 2) Уха-Таголтор-Хулдаевъ и 3) Хахи-Ганзу-Болхоевъ. Первый изъ нихъ изъ мѣстности Шингил-Шибэ, изъ племени Шишхэ-Монголь, изъ мѣстности крайней земли, изъ племени крайнихъ монголовъ, имя его Ноён-Тонхо-Ганзу Мантахановъ—хозяинъ хорька и покровитель новобрачныхъ; онъ поѣхалъ въ Кудинскъ, тамъ сдѣлался нечистымъ и померъ, похороненъ на горѣ Болог-Отохон, около озера Бохо-нур; поселился онъ на горѣ Худин-Улан.

VII). Затѣмъ призываются луговые женщины—Нуган-Эзинуд—онѣ покровительствуютъ надъ утгами и лугами, и малолѣтними дѣтьми.

VIII). Угитэ-Хунэртэ—пришли изъ-за моря, покровительствуютъ людямъ; имена ихъ: Хан-Толохэн и Хатан-Болохон.

III. ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ И ГАДАНІЯ.

Жертвы шаманствующихъ бурятъ бываютъ слѣдующихъ видовъ: 1) жертва виномъ или тарасуномъ; 2) деньгами, лентами, табакомъ; 3) кирикъ (кырыкъ); 4) тайлаганъ; 5) посвященіе животныхъ; 6) *Хурай*.

1) Жертва тарасуномъ или виномъ составляетъ самое обыкновенное и частое выраженіе почтенія къ богамъ со стороны бурята шаманиста; каждый разъ, когда пьютъ вино, всякій нѣкоторую часть выливаетъ на землю или на полъ, если дѣло происходитъ

на открытомъ воздухѣ или въ комнатѣ, или на огонь очага, если пьютъ въ юртѣ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ жертва приносится хозяину огня (гали-эжинъ) Сахядай-ноену и женѣ его Сахала-хатунъ.

Тарасунъ и вино играетъ также видную роль при всякаго рода жертвахъ животными, при обрядахъ посвященія шамана, на кирикахъ и тайлганахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ производиться какъ отдѣльный обрядъ, самостоятельная жертва, имѣющая просительный характеръ. Такъ, напр., брызгали виномъ передъ утесомъ Саганъ-Заба, передъ отправленіемъ къ этому утесу и къ изображенію въ бухтѣ Ая во время моей лѣтней поѣздки въ 1881 году.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ эта жертва производится во время болѣзни, причемъ и самая болѣзнь приписывается преслѣдованію со стороны боговъ за непринесеніе своевременно жертвы; въ этомъ послѣднемъ случаѣ призывается шаманъ, который и совершаетъ обрядъ, но въ другихъ случаяхъ не возбраняется совершать жертву виномъ каждому буряту. Обрядъ производится такъ: больной садится у очага и надѣваетъ шапку, а передъ нимъ ставятъ сосудъ съ тарасуномъ и деревянную чашку (обыкновенную китайскую, употребляемую для питья вина и чаю бурятами и русскими). Шаманъ становится направо отъ очага въ шапкѣ, съ шаманской плетью съ колокольчикомъ въ лѣвой рукѣ, и зажигаетъ пихтовую кору или вересь (*Ledum palustrel.*), которымъ окуриваетъ больного, тарасунъ и чашку, затѣмъ больной наливаетъ тарасунъ въ чашку и подаетъ шаману; этотъ произноситъ молитву тому богу, который потребовалъ, по мнѣнію шамана, тарасуна;

при этомъ произносится имя бога, его исторія: а также просьба больного, а тарасунъ изъ чашки подбрасывается къ потолку юрты; такъ дѣлается три раза; четвертый разъ тарасунъ выбрызгивается (наливается въ чашку понемногу, чтобы осталось чѣмъ, полакомиться вѣрующимъ) въ тотъ уголъ юрты (Ю. З.), гдѣ виситъ онгонъ хозяина хорька (Холонгон-Эжин); пятая чашка наливается полная и подается шаману, послѣдній, отливъ нѣсколько капель хозяину огня, выпиваетъ самъ или даетъ кому изъ присутствующихъ; шестая чашка выпивается больнымъ или передается одному изъ родныхъ, эта часть называется «*галахи*»; седьмая чашка слѣдуетъ шаману—это *бѣги мэсэ*, какъ бы въ вознагражденіе за трудъ; изъ этого послѣдняго усматривается скромность и истребительность прежнихъ шамановъ; нынѣ же берутъ за трудъ, что даютъ.

2) Ленты и табакъ часто употребляются въ видѣ жертвъ. Лентами украшаютъ онгоны, шаманскія принадлежности: шапку, ширэ, конныя трости, шкурки животныхъ; лентами обвязываютъ священные деревья, напр. такое дерево—лиственница, встрѣчена вблизи деревни Куртунъ; цвѣтъ лентъ различный—бѣлый, синій и розовый. Лентами увѣшиваютъ посвященныхъ животныхъ и стрѣлы. Табакъ кладется въ ящикъ, гдѣ держутся изображенія онгоновъ на тканяхъ, табакъ-же бросается на священныхъ мѣстахъ, назыв. барьса, очень часто на перевалахъ черезъ горы; въ такомъ мѣстѣ по дорогѣ въ Куртунъ изъ Косой степи совершенъ былъ обрядъ освященія ѣхавшихъ при посредствѣ огня; при этомъ лошадей перевели черезъ кутившійся верескъ, сло-

вомъ также, какъ передъ осмотромъ изображеній на утесѣ Саган-Заба, только тамъ освященіе касалось людей, а не лошадей *).

3) *Кырык* есть жертвоприношеніе одного лица или семейства и имѣетъ цѣлью умилоствовать разгнѣваннаго бога, пославшаго болѣзнь или несчастье; онъ состоитъ въ принесеніи въ жертву животныхъ: кобылы или жеребца, коровы, барана, козла, рѣдко рыбы; животное должно обладать извѣстными признаками—пола, возраста, цвѣта, смотря по божеству, которому приносится жертва; выборъ бога зависитъ отъ шамана; иногда приносится въ жертву животное безъ строгаго выбора; обрядъ совершается на открытомъ воздухѣ, но приготовительныя дѣйствія производятся въ юртѣ. Необходимая посуда, тарасунъ, курунга ставятся у передняго столба юрты; присутствующіе садятся, и шаманъ окуриваетъ священнымъ дымомъ пихтовой коры всѣ предметы, назначенные для жертвоприношенія и дѣлаетъ жертву виномъ чествуемому божеству; передъ выходомъ на улицу шаманъ становится впереди, а за нимъ три человѣка, помогающіе шаману въ пѣніи священной пѣсни... и затѣмъ выходятъ на улицу и усаживаются на выбранномъ мѣстѣ, часто передъ юртой хозяина. Посуда, тарасунъ и проч. ставятся на т. н. *тургэ*. Позади тургэ устанавливаютъ на разведенномъ огнѣ котелъ, въ которомъ будутъ варить жертвенное мясо. Тогда опять брызгаютъ тарасунъ (эта часть обряда называется *сасами-барьха*), а шаманъ произноситъ молитву; за этимъ колятъ животное;

*) Извѣстія т. XII. № 4—5.

кожу осторожно снимаютъ, мясо разрѣзаютъ на части и кладутъ въ котель; тѣмъ временемъ шаманъ и старики пьютъ тарасунъ; когда мясо сварится, то его тщательно очищаютъ отъ костей, кости собираютъ и кладутъ на огонь, разведенный спереди тургъ; еще нѣсколько впереди втыкаютъ въ землю заранѣе приготовленную березу, сажени въ 3—4 длиною, съ вѣтвями, къ ней привязываютъ снятую съ животного шкуру съ головой (съ горломъ и легкими) и ногами; шкуру набиваютъ соломой и зашиваютъ; въ ноздри животного засовываютъ березовыя вѣтви, а на лбу укрѣпляютъ *жидо*, палочку съ привязанной пихтовой корой; когда березу устанавливаютъ, то заботятся, чтобы голова животного была обращена въ ту сторону, гдѣ находится предполагаемое мѣстообитаніе божества, въ честь котораго приносится жертва. Теперь опять выступаетъ шаманъ: онъ громко призываетъ заяна, постоянно наклоняясь то впередъ, то назадъ, пока не придетъ въ экстазъ, при этомъ онъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто-бы брасается кому-то на встрѣчу, а потомъ отскакиваетъ назадъ; въ такомъ возбужденномъ состояніи онъ обращается къ присутствующимъ, какъ-бы представляя самого бога; тутъ онъ говоритъ исторію бога и его похождения, предсказываетъ будущее; послѣ этого шаманъ снова кричитъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, представляя испытываемыя имъ мученія при удаленіи изъ его тѣла призывавшагося божества*).

*) Мяѣ только разъ пришлось видѣть, какъ шаманитъ шаманъ. Нагибаясь то впередъ, то назадъ, онъ все больше возбуждался, лицо все покрылось обильнымъ потомъ; часто нагибаясь, шаманъ производилъ звукъ, который произвести очень

Жертвенное мясо (шуладхана и даланга) съ некоторыми обрядами съѣдается, малая часть сжигается. Затѣмъ уходятъ въ юрту, гдѣ брызгаютъ тарасунъ, чѣмъ и оканчивается кирикъ.

4) *Тайлаганъ* есть частное или общественное жертвоприношеніе, въ которомъ принимаетъ участіе цѣлый улусъ или даже цѣлый родъ. Характеръ его всегда просительный, его буряты называютъ молебномъ. Совершать тайлаганы могутъ какъ шаманы, такъ и цѣлое общество домохозяевъ безъ дѣятельнаго участія шамана. Покупка жертвеннаго животнаго дѣлается на общій счетъ изъ сбора отъ каждаго домохозяина. Кромѣ животнаго, одного или нѣсколькихъ, готовятъ тарасунъ, курунгу, саламату, нужную посуду; все приготовленное отправляется, послѣ обряда освященія пихтовой корой, какъ описано выше, на мѣсто тайлагана; всѣ участники при выходѣ изъ юрты переходятъ, въ видахъ очищенія, черезъ горящую на угляхъ богородскую траву. Передъ вѣздомъ всѣ опять собираются вблизи улуса, садятся рядомъ и брызгаютъ тарасунъ тому же лицу, которому приносится тайлаганъ; этотъ предварительный обрядъ называется *турэлхэ*, онъ, впрочемъ, совершается не всегда.

По пріѣздѣ на мѣсто жертвоприношенія, которое всегда выбирается на виду, на склонѣ горы,

легко, если нѣсколько вытянуть губы и, протягивая какой-либо гласный звукъ, болтать языкомъ вору; нѣсколько разъ также шаманъ дрожалъ и такъ сильно откидывался назадъ, что, казалось, собирался упасть; въ этомъ случаѣ всегда одинъ или двое бурятъ поддерживали его. Повидимому, указаннымъ звукомъ—шаманъ старался выразить приближеніе, вхожденіе въ него духа и его удаленіе.

участники разсаживаются группами, по семействамъ, на тургэ; передъ каждымъ кружкомъ ставятся деревянные корытца для мяса, туяски съ саламатой и курунгой и сосуды съ тарасуномъ, передъ корытцемъ по березовой вѣткѣ, а сзади сидящихъ, на разстояніи 1 или 2 сажень, устанавливаются большіе котлы для варенія мяса, подъ котлами разводятъ огонь. Теперь исполняютъ обрядъ *сасали-барьха*: по одному человѣку отъ каждого семейства, наливъ въ отдѣльныя чашки немного тарасуна и курунги, выходятъ нѣсколько впередъ и, ставъ рядомъ, въ одинъ голосъ выкрикиваютъ молитву, а курунгу и тарасунъ выбрызгиваютъ, какъ жертву; такъ дѣлаютъ до трехъ разъ и затѣмъ осторожно бросаютъ впередъ чашку; смотря потому, какъ упадетъ чашка, узнаютъ будетъ ли принята молитва или нѣтъ; хорошее предзнаменованіе бываетъ, если чашка упадетъ дномъ внизъ. Четвертый разъ чашки наливаютъ до краевъ и послѣ краткой молитвы отходятъ за тургэ позади сидящихъ къ огню и льютъ курунгу на огонь; на одномъ большомъ тайлаганѣ, видѣнномъ нами лично, курунгу употребляли только четвертый разъ, а первые три раза жертва дѣлалась виномъ; курунгу зачерпывали въ большія разливательныя деревянные ложки, и отходили къ огню подъ котлами, выливали курунгу на огонь и потомъ возвращались къ сидящимъ семейнымъ; одинъ изъ нихъ, старшій, глава семьи, какъ я замѣтилъ, подставлялъ полу своего кафтана и въ эту полу участвующій въ молитвѣ опускалъ свою ложку, какъ-бы принося тѣмъ изобиліе, о чемъ, конечно, и было совершаемо моленіе. Послѣ этого въ курунгу и тарасунъ

мокають березовыя вѣтки, которыя были воткнуты передъ посудой для мяса. Затѣмъ пьютъ всѣ курунгу и тарасунъ и приступаютъ къ закланію животныхъ. Прежде, чѣмъ колоть животное, ему подносятъ курунгу, и затѣмъ убиваютъ, для чего привязываютъ къ ногамъ веревки и животное опракидываютъ на спину; вскрывъ грудь, вынимаютъ сердце и сжимаютъ его, отчего смерть наступаетъ мгновенно; кровь собираютъ отдѣльно въ сосудъ и ею потомъ наполняютъ очищенныя и вымытыя кишки; снятую кожу съ головой и копытами или вѣшаютъ на березу, какъ описано въ обрядѣ кирика или продаютъ; если въ улусѣ тайлагановъ дѣлаютъ много, то шкуры, снятыя съ жертвенныхъ животныхъ, ставятся рядомъ, одна подлѣ другой.

Пока мясо варится, старики пьютъ тарасунъ, а молодые и дѣти рѣзвятся или борются, бѣгаютъ въ запуски или на лошадяхъ. Сваренное мясо тщательно рѣжется на мелкіе куски и дѣлится поровну между всѣми участвующими семьями; раздѣленное мясо складывается въ корытца и относится на тургэ; эта часть мяса называется *даланга*; также очищается все мясо съ костей и дѣлится поровну; кости отъ каждого животнаго собираются отдѣльно и сжигаются на землѣ впереди тургэ или тутъ устраиваютъ изъ каменныхъ плитъ болѣе или менѣе высокій жертвенникъ, на которомъ производится сожженіе; жертвенники называются *ширэ*—престолъ; каждое животное сжигается на отдѣльномъ жертвенникѣ; жертвенники устраиваются изъ камня только тамъ, гдѣ матерьялъ для нихъ, каменные плиты, находятся поблизости. Недалеко отъ усть-Орды на горѣ Ухыръ-

Манхай въ честь бумаль-бурхана Мала-Убугуна (плѣшиваго старика), хозяина Ухырѣ-Манхая, сложено 14 большихъ каменныхъ жертвенниковъ, двурусныхъ, полуэллиптической формы въ горизонтальномъ сѣченіи и высотой до 1 сажени; чертежъ даетъ понятіе о формѣ жертвенника (на табл. 3, фиг. 6 и 7 изображаютъ два такихъ жертвенника).

Отрѣзанное отъ костей мясо (шуладхан) въ чашкахъ относятъ къ ширѣ и здѣсь съ молитвой часть мяса бросаютъ въ огонь, а остальное мясо съѣдаютъ.

По возвращеніи домой, берутъ съ собой раздѣленное мясо (даланга) и прежде, чѣмъ ѣсть его, кусочки мяса бросаютъ въ огонь, въ жертву хозяину огня (покровителю домашняго очага). Иногда по возвращеніи съ тайлагана устраиваютъ тѣхѣренъ, для котораго каждый домохозяинъ доставляетъ котель тарасуна; совершивъ жертву богамъ, тарасунъ пьютъ, а молодежь, съ удаленіемъ стариковъ и старухъ, предается играмъ во всю ночь, нерѣдко приглашаютъ для этого шамана, вызывающаго «вечернихъ боговъ».

На тайлаганѣ участвуютъ мужчины, дѣти обоюго пола и дѣвушки, которыхъ по костюму нельзя отличить, такъ какъ дѣвушки носятъ мужскіе сапоги, фуражки, кафтанъ; женщины въ тайлаганахъ не участвуютъ.

Число тайлагановъ зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ состоятельности общества; богатое общество дѣлаетъ много тайлагановъ, до 10 и болѣе напр. въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, бѣдныя общества—на островѣ

Ольхонъ—одинъ или два, тогда какъ во времена Георги, когда ольхонскіе буряты были богаты, число тайлагановъ было значительно. Одному и тому-же заяну тайлаганъ бываетъ обыкновенно 1 разъ въ годъ; во многихъ улусахъ есть свои мѣстные боги, которымъ не молятся другіе сосѣдніе улусы, эти божества называются *бумаль-бурханы*, явленные бурханы; иные изъ этихъ бумаль-бурхановъ чтятся очень многими, таковъ Батыкскій бумаль бурханъ на горѣ Батыкъ (Верхоленскаго вѣдомства), гдѣ приносятся до 20 или 30 кобыль и до сотни барановъ для собравшихся нѣсколькихъ тысячъ бурятъ.

Тайлаганъ хозяину огня Сахядай-Ноену; жена Сахала-хатун имѣетъ нѣкоторыя особенности: вокругъ очага въ юртѣ изъ глины съ навозомъ устраиваютъ возвышеніе; къ 4 столбамъ юрты привязываютъ березки; вокругъ 4 столбовъ обматываютъ три раза отъ одного столба къ другому веревку, изъ бѣлаго волоса и въ пространствѣ между столбами на веревкѣ навѣшиваютъ черезъ равныя промежутки коленкоровыя ленты и по одному рисунку, изображающему человѣка, на цвѣтныхъ лоскуткахъ—на право отъ очага на бѣломъ, на лѣво на синемъ, къ сѣверу—на красномъ, къ югу тоже лоскутокъ; у бѣлаго лоскутка съ рисункомъ вѣшаютъ маленькія модели лука и стрѣлы, а у прочихъ палочки.

Жертвоприношеніе (бараномъ или кобылой) совершается въ этомъ случаѣ въ юртѣ (понятно потому, что и пребываніе хозяина огня въ очагѣ) и совершенно такъ-же, какъ и въ другихъ тайлаганахъ, только при этомъ еще посвящаютъ хозяину огня стрѣлу; стрѣла обвязывается цвѣтными коленкоро-

рыми лентами и шелкомъ, и къ ней привязываютъ три мѣдныя пуговицы, при посвященіи стрѣлу опускаютъ однимъ концомъ въ небольшое ведро, которое привѣшивается затѣмъ къ переднему столбу; стрѣла же втыкается въ стѣну юрты въ томъ углу (сѣверо-западномъ), гдѣ размѣщаются нѣкоторые главные онгоны;—въ честь хозяина огня сжигаютъ грудину животнаго; послѣ чего начинается призываніе Сахядай-Ноёна и моленіе о принятіи жертвы; приходящій богъ произноситъ устами шамана: «тэнгэрин тэли хобум, охторгон отхон хѣбум», т. е. «средній сынъ дневнаго неба, младшій сынъ ночнаго неба»; послѣ удаленія гали-эжина является домашній богъ, покровитель семейства; его часто представляетъ собою кто либо изъ простыхъ бурятъ; онъ бѣгаетъ съ ножомъ въ рукѣ между дверью и передними столбами, ударяя ножомъ по столбамъ и произноситъ: «дэгурэ-дибулхэбэд, догура шоргулхабэд, удэрэ урулхабэб», т. е. если вверхъ подниматься—недамъ, внизъ сойдешь—недамъ, въ дверь не пущу».

Послѣ тайлагана хозяину огня до трехъ сутокъ запрещается выносить изъ юрты огонь и молочное. Вѣроятно въ вышеприведенныхъ словахъ, разумѣется, что хозяинъ огня не допуститъ вещественный огонь покинуть юрту и лишить ея обитателей живительной силы огня; этимъ-же объясняется и запрещеніе выносить изъ юрты огонь и молоко въ теченіи 3-хъ дней.

Жертвоприношеніе змѣиному богу или царю Алтан-толи, и женѣ его Алташа-хатун, пестрою овцою имѣетъ неопредѣленный характеръ, то тайлагана, то кирика; послѣднее вѣроятнѣе; отличіе его отъ другихъ жертвоприношеній состоитъ въ томъ, что

часть жертвеннаго мяса обязываютъ цвѣтными шелковыми пшурками въ видѣ змѣи и жгутъ на ширѣ вмѣстѣ съ костями; при процессѣ призванія бога шаманъ указываетъ мѣстопребываніе различныхъ степеней іерархіи змѣинаго царства, сходной съ іерархіей бурятскаго вѣдомства; тайша змѣй живетъ въ Курумчинскомъ родѣ на горѣ Тамири-улан, староста на горѣ Байтакъ (Верхоленскаго вѣд.) или на горѣ Капсалѣ, старшина на горѣ Сайгутъ (Китойской инородной управы).

Отъ талгана нѣсколько отличается жертвоприношеніе, назыв. шургэ; подробности неизвѣстны.

Существуетъ еще видъ жертвоприношенія, называемый «Харбаха»; его дѣлають безъ участія шамана, когда приносятъ барана въ жертву 3 писарямъ Эрлэнъ-хана.

5) *Обрядъ посвященія животныхъ.*

Обрядъ этотъ очень древній; Георги въ свою поѣздку вокругъ Байкала встрѣтилъ посвященнаго коня.

Различнымъ богамъ посвящаютъ различныхъ животныхъ, птицъ и рыбъ, каждый разъ дѣлается строгій выборъ относительно цвѣта животнаго и другихъ признаковъ.

1) *Эрилъ Буга-Ноён Тонхою* посвящаютъ хорька или собственно его шкуру; приготовленную, снятую шкуру обязываютъ шелковой лентой и коноплей (это называется *хушу жлолохо*); богу брызгаютъ тарасуномъ, а шкуру вѣшаютъ въ юртѣ или на улицѣ.

2) *Буха-Ноёну*—посвящаютъ сиваго пороза *).

3) *Ухан-Хату*—краснаго пороза.

4) Шаману Верхоленскому Монхоръ-Унагаеву—
гнѣдаго коня.

5) Шаману Идинскаго вѣдомства Идэрхэн-
Алханзаеву гнѣдо-пѣгаго коня; этому шаману дѣла-
ють кирикъ.

6) Хозяину чернаго коня посвящаютъ гнѣдаго
коня, Ажира-бѣхѣ, жена Альба-Хатунъ; въ жертву ему
приносятъ чернаго коня и чернаго барана; при об-
рядѣ жертвоприношенія требуются шкуры соболя,
лисицы, рыси, выдры; шкуры жертвеннаго живот-
наго укрѣпляются на березѣ головой на востокъ.

Черный воронъ считается сыномъ, а *желтый*—
дочерью Ажира-бохо.

7) Ардайскимъ богамъ (Ардайн-Аханут) посвя-
щаютъ первый разъ трехъ, потомъ шесть и нако-
нецъ девять животныхъ.

(Ихъ имена: сыновей Армаевыхъ—10, сыновей
Тальнѣевыхъ—5, они ѣздятъ на саврасыхъ коняхъ
и имѣютъ черныя бороды; Дахта Мухановъ, Хэрсэ
Морсановъ, Арман Эрдэевъ, Бужухан Эрбэевъ, Ха-
маган Тэнхэевъ, Баго Эмечеевъ, Они Отгоновъ).

8) Сатинскимъ богамъ, пребывающимъ въ Мон-
голіи, принадлежащимъ къ добрымъ западнымъ
заянамъ.

9) Восточнымъ небамъ (богамъ) посвящаютъ
рыжаго коня съ красной коровой.

*) Буха-Ноену ежегодно дѣлаютъ тайлаган 3-мя живот-
ными—1 кобылой, бараномъ и козломъ;—Буха-Ноенъ считается
западнымъ хатомъ; головы жертвенныхъ животныхъ, снятыхъ
со шкурами, укрѣпляютъ такъ, чтобы онѣ обращались на западъ.

10) Хозяикѣ ямана — женщины посвящаютъ ямануху (домашнюю козу). Эту шаманку зовутъ— Хулаго - Хунатыева, она вышла изъ Монголіи въ Балаганскѣ на яманѣ, котораго привязала къ золотому столбу; въ Кудинскѣ вышла въ замужъ за шамана Хула (имя ея—Ямани-эжин Хунатын басаган Хулан Отѣдѣ). Другая большая богиня—Хан-ѣтѣдѣ Башкунина (Башкуни басаган хан ѣтѣдѣ)—ей дѣлаютъ два зурака (рисунка) на бѣломъ шелкѣ.

Посвящаемое животное сначала омываютъ освященною шаманомъ водою при посредствѣ багульника и богородской травы, затѣмъ совершаютъ жертву виномъ тому богу, которому посвящается животное; послѣ того избранное животное обвязывается лентами и отпускается на волю.

11) Хозяину острова Ольхона Ута-Саган-Ноемъ, жена его Уран-Саган-Хатунъ—посвящаютъ голубя, которому на шею привязываютъ бѣлыя и синія ленты.

12) Ухан-хату посвящаютъ рыбу *налима*, но очень рѣдко; но въ жертву рыбу часто приносятъ небеснымъ онгонамъ (онго идэлулхэ) и Омольто залну. Балаганскіе буряты такъ передаютъ случай посвященія налима: однажды нѣкоего балаганскаго шамана Унхе-Хара-Загал'а призвали къ одному больному, у котораго сильно опухла нога; шаманъ приказалъ поймать ему налима, больного принесли къ рѣкѣ; когда налимъ былъ пойманъ, то шаманъ, совершивъ жертву тарасуномъ въ честь Ухан-Хата, освятилъ налима и велѣлъ бросить его живаго въ рѣку; тогда нарывъ на ногѣ прорвался и изъ него выскочила лягушка, ушедшая тотчасъ въ воду, а больной выздоровѣлъ.

6) *Хурай-гараха* исполняется въ честь великихъ боговъ: напр. сатинскихъ боговъ, бога острова Ольхона, Эрлэнхана; восточныхъ и западныхъ небъ по три раза.

1) *Хурай Сатинскимъ богамъ.*

Первый хурай дѣлается на 5-ти звѣриныхъ шкурахъ, доставляемыхъ шаманомъ; это тѣ шкуры, которыя были употреблены при посвященіи шамана на хурай бургахан: 1) заяцъ съ бѣлыми шелковыми нитками; 2) хорекъ съ желтыми; 3) бѣлка съ синими; 4) горностаѣ съ бѣлыми или синими и 5) козуля съ красными. Для обряда готовятъ *шундала*, *дахта* и *тармуръ*, таракъ, саламату, *бомхой*. Шкуры, 5 дахта, 5 корзины, 5 чашекъ, шундалга и 1 тармуръ кладутъ на чистый войлокъ. Тарасунъ при этомъ обрядѣ не употребляется и даже удаляются всѣ люди, пившіе въ этотъ день тарасунъ. Всѣ приготовленныя вещи освящаются. По выполненіи всего необходимаго, выходятъ изъ юрты на избранное мѣсто; предметы устанавливаютъ въ порядкѣ; звѣриныя шкуры привязываютъ къ березамъ, вкопаннымъ въ землю; также укрѣпляютъ и *шундала*, *дахта* и *тармуръ*; послѣ обряда *сасали* съ молокомъ, чаемъ и пр., ѣдятъ таракъ, саламату и уходятъ въ юрту; въ теченіе трехъ сутокъ послѣ хурая ничего не ѣдятъ, по прошествіи этого срока шкуры, тармуръ, шундалга и дахта снимаются съ березъ и отвозятся къ шаману и обычная жизнь вступаетъ въ свои права.

При второмъ и третьемъ хураѣ увеличивается только число шкуръ и прочихъ предметовъ. Во время хурая посвящаютъ сатинскимъ богамъ коня.

2) Хурай хозяину острова Ольхона Хан-Хото-Бабай совершаютъ также на 5 шкурахъ, но употребляютъ также тарасунъ и кромѣ того *три подобія орла*, изъ березовой коры съ жестяными ногами и клювомъ; къ крыльямъ приклѣиваютъ для большаго сходства орлиныя перья.

Совершивъ жертвоприношеніе тарасуномъ, выходятъ на открытый воздухъ; къ 8 березамъ и 1 соснѣ прикрѣпляютъ шкуры, шундалга, дахта, тармуръ и фигуры птицъ. Послѣ молитвъ, ѣдятъ приготовленную пищу, пьютъ вино и уходятъ домой; обрядъ совершается по три раза. Жертву хозяину острова Ольхона приносятъ и домашними животными, какъ и Сатинскимъ богамъ; сначала жертвуютъ матери его бараномъ; потомъ двухъ барановъ закалываютъ въ честь Шобу-ноёна—жена его Шонхоши-Хатун, т. е. въ честь орла, сына хозяина острова Ольхона; или приносятъ жертву птицами: рябчикомъ и тетеркой, потому что эти птицы служили пищей орлу, когда онъ поднимался къ западнымъ небамъ; самому богу острова Ольхона въ жертву приносятъ кобылу и барана.

Г а д а н і я .

Стремленіе заглянуть въ будущее такъ естественно въ каждомъ человѣкѣ, что не покажется удивительнымъ существованіе подобнаго стремленія и у бурятъ; стремленіе такое находитъ свое удовлетвореніе въ различнаго рода гаданіяхъ. Ворожатъ буряты на лукѣ, на лопаткѣ животныхъ, на оловѣ, на водѣ (шабга) и на разныхъ мелкихъ предметахъ въ числѣ 41-го: камешкахъ, деньгахъ, зернахъ; по-

слѣднее гаданіе называется *былэ*, хотя самая распространенная ворожба—такъ называемая скапулимантія—ворожба при посредствѣ трепчинъ на сженной лопаткѣ.

1) Гаданіе при помощи лука производятъ двумя способами, то по характеру звука, издаваемого съ большей или меньшей силой натягиваемой тетивой, причемъ лукъ приближаютъ къ самому уху или-же глядятъ вдоль тетивы на огонь.

2) Во время жертвоприношенія водянымъ царямъ (Ухан-Хату) въ чашку съ водой, въ которую кладутъ конскій волосъ, вливаютъ расплавленное олово и по формѣ застывшаго металла дѣлаютъ предсказанія. Послѣднее гаданіе совершенно тождественно съ святочнымъ гаданьемъ у русскихъ, хотя допустить заимствованіе отъ нихъ нельзя, такъ какъ гаданіе у бурятъ связано съ религіозными вѣрованіями, тогда какъ въ образованныхъ классахъ подобной связи не существуетъ.

3) Также напоминаетъ одно изъ нашихъ святочныхъ гаданій такъ называемое *шабга*, производимое на винѣ или водѣ. Въ сосудъ съ водой кладутъ нѣсколько кусочковъ растительнаго трута, приготовляемого изъ войлочной ткани нижней поверхности листьевъ одного сложноцвѣтнаго растенія изъ рода *Saussurea*; одинъ кусочекъ трута означаетъ хозяина, т. е. собственно лице, для кого гадаютъ, а остальные кусочки трута принимаются за разныхъ шамановъ; того шамана придется приглашать для призваній и брызганья тарасуномъ, съ кусочкомъ котораго соединится хозяйскій труть, во время плаванія по водѣ.

Гаданье по бараньей лопаткѣ очень часто практикуется бурятскими шаманами и состоитъ собственно въ объясненіи трещинъ на лопаткѣ, обожженной на огнѣ; объясненія, даваемые одной и той-же трещинѣ различными шаманами довольно близко сходятся; эти объясненія по собраннымъ нами даннымъ сводятся къ немногимъ слѣдующимъ:

1) Или трещины указываютъ на имена тѣхъ заяновъ или онгоновъ или хатовъ, которымъ необходимо принести жертву; таковы: западные Заяны, Эрлэн-Хан, хозяинъ черного коня, Должин, Эхэ-хан—большой царь, Ухан-Хат, онгонъ Хохшин, небесные заяны, Идерхэн Алхансаевъ, большое восточное небо, хурай этому небу, Таргайскіе Ахануты, западной хат, хозяинъ о. Ольхона, Ганзушины.

2) Или они представляютъ собою языкъ того шамана, который долженъ приносить жертву.

3) Указываютъ на приближеніе, продолженіе или окончаніе болѣзни или на смертельный ея исходъ.

4) Двѣ большія продольныя трещины, идущія параллельно, означаютъ—одна дорогу жизни, другая дорогу мертвыхъ; предсказаніе зависитъ отъ относительной длины линій и ихъ направленій; если длиннѣе дорога живыхъ, то предсказаніе благоприятное, если эта трещина уклонится наружу, то человеку грозитъ неминуемая смерть.

5) Появленіе нѣкоторыхъ трещинъ означаетъ то радость, то небесную благодать, то предстоящую дорогу, то необходимость совершить тотъ или другой обрядъ.

Вообще характеръ предсказаній можетъ измѣняться по требованію случая.

IV. О ШАМАНАХЪ.

Именемъ шамана, по бурятски бѣ (также и по монгольски), въ женскомъ родѣ бѣгѣн, называется лицо, совершающее жертвоприношенія разнаго вида богамъ, призывающее боговъ, исполняющее необходимые обряды въ жизни бурятъ, при рожденіи, смерти, въ случаѣ болѣзни; лицо, облеченное способностью открывать будущее при пособіи боговъ—покровителей; онъ естественный посредникъ въ сношеніяхъ боговъ съ людьми, ходатай послѣднихъ и выразитель воли боговъ.

Появленіе шамановъ. Появленіе на землѣ шамановъ буряты приписываютъ участію боговъ къ судьбѣ людей. Сначала людей не было, а только существовали небесные духи—тэнгриі, главнѣйшіе изъ боговъ; западные тэнгриі, иначе обитатели западныхъ частей небеснаго пространства, боги добрые, и восточные тэнгриі—существа злыя, послѣднія существовали ранѣе. Западные тэнгриі создали людей, которыя въ первое время жили счастливо, не знали ни болѣзни, ни горя; но вотъ люди заслужили немилость злыхъ духовъ, восточныхъ тэнгриевъ и начали заболѣвать и умирать. Западные тэнгриі испугались за участь людей и начали совѣщаться, какъ помочь людямъ; мѣстосовѣщанія было на плеядахъ (мэшэн-дэрэ моргон суглахэ), а потомъ на лунѣ (хара дэрэхайн сугла-хэ); въ помощь людямъ для борьбы съ злыми духами рѣшили дать шамана и выбрали для этого орла. Орелъ былъ богъ, (сынъ Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащаго къ восточнымъ тэнгриямъ). Здѣсь есть нѣкоторая неясность:

какъ могли западные тэнгриі для борьбы съ восточными избрать одного изъ среды своихъ враговъ?

Такимъ образомъ орелъ долженъ былъ сдѣлаться шаманомъ. Хотя орелъ и помогалъ людямъ, отгоняя злыхъ духовъ, но люди ему не довѣряли, видѣли въ немъ простую птицу, орелъ къ тому-же не могъ подавать людямъ совѣты, такъ какъ его языка люди не понимали, и говорить орелъ не могъ. (По мнѣнію бурятъ, птицы также, какъ и всѣ животныя, имѣютъ свой языкъ, понятный только для нихъ; только тотъ человѣкъ, который знаетъ до 70 языковъ, можетъ понимать языкъ животныхъ). Въ такомъ затрудненіи орелъ возвратился на небо и рассказалъ о своей неудачѣ западнымъ тэнгриямъ и просилъ: или шаманомъ сдѣлать бурята же, или дать ему позволеніе говорить по человѣчески. Боги на это не рѣшились и опредѣлили, чтобы орелъ передалъ свое шаманское званіе первому встрѣчному человѣку. Спустившись на землю, орелъ замѣтилъ подъ деревомъ спящую женщину, ушедшую отъ своего мужа: орелъ вступилъ съ ней въ связь и женщина забеременѣла; послѣ этого она вернулась къ мужу и стала съ нимъ жить хорошо. Злые восточные тэнгриі, узнавъ объ этомъ, чтобы повредить женщинѣ подослали злаго духа, шулмуса, который обратился въ красивую женщину и побуждалъ бурята прогнать первую жену; но орелъ явился на помощь; схватилъ шулмуса и бросилъ его за море Халхин-далай (вѣтреное море), а супружеская чета зажила опять мирно; тѣмъ временемъ женщина родила сына (отъ орла), который и сдѣлался первымъ шаманомъ — Моргонъ-Хара (у балаганскихъ бурятъ) или Бохоли-хара.

По другому варианту легенды шаманомъ сдѣлалась сама женщина; при этомъ она стала различать и видѣть злыхъ и добрыхъ духовъ.

—
Одежда и принадлежности шамана.

Въ настоящее время костюмъ шамана, какъ повседневный, такъ и специальный для отправленія шаманскихъ мистерій, ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго бурятскаго; только особенно уважаемые и пожилые шаманы одѣты бываютъ лучше, большинство-же шамановъ часто очень бѣдны.

Но отъ прежняго времени, на мѣстахъ погребенія шамановъ, находятся остатки одежды и ея украшеній, которыя теперешнимъ шаманамъ или недоступны или даже и незнакомы вовсе. Тѣмъ не менѣе для полноты описанія мы остановимся нѣсколько и на тѣхъ принадлежностяхъ шамана или его костюма, которыя теперь не встрѣчаются или употребляются не такъ часто, какъ прежде.

1) Непремѣнной принадлежностью шаманскаго костюма была *шуба или оргой*, который теперь надѣвается только умершему шаману и бываетъ двухъ цвѣтовъ — синяго и бѣлаго; бѣлый оргой получаетъ бѣлый шаманъ, служитель добрыхъ боговъ, и синій оргой — назначается черному шаману, главнѣйшія мистеріи котораго совершаются ночью передъ лицомъ ночнаго неба — «*охторгон*», служителемъ котораго считается черный шаманъ; причемъ синій оргой соотвѣтствуетъ самому темному ночному небу *). Ор-

*) Одинъ, нѣмецкій Воданъ, считается обладателемъ *синяго плаща*, и широкополой шляпы; синій плащъ Водана сравниваютъ съ чернымъ небомъ, въ которомъ скрывается ночью солнце (Воданъ) См. Воеводскій. Введеніе въ мифологію Одиссея. Г. I, стр. 157.

гой шьется изъ шелковой или бумажной ткани, но по покрою ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной шубы; у кудинскихъ шамановъ оргой шьютъ только для похоронъ шамана, балаганскіе шаманы получаютъ оргой и при жизни, но это право пріобрѣтается только послѣ 5-го обряда омовенія тѣла. Особенность оргоя составляютъ привѣшиваемыя къ нему металлическія фигурки человѣка, коня, птицы и др. Кружки, изображенія какого-то животнаго и идолъ въ ромбической рамкѣ, помѣщенные на таблицѣ 2-й (рис. 5, 6, 7 и 8), вѣроятно, относятся къ числу подобныхъ привѣсокъ; въ этомъ убѣдиться можно потому, что всѣ эти вещи, приспособленныя къ привѣшиванію, были найдены на мѣстѣ, гдѣ былъ схороненъ шаманъ; только идолчикъ въ рамкѣ найденъ въ окрестностяхъ Ольхонской думы просто между камнями, но, разумѣется, и онъ могъ служить для той-же цѣли.

Шапка также отличаетъ шамана отъ обыкновеннаго бурята; нынѣ она бываетъ рысья съ кисточкой изъ лентъ на верху (зала) или даже фуражка съ козырькомъ, но все-таки съ кисточкой. Послѣ 5-го посвященія или омовенія шаманъ получаетъ желѣзную шапку и желѣзныя конныя трости. Желѣзная шапка имѣетъ видъ короны и состоитъ изъ желѣзнаго обруча, къ которому придѣланы 2 полуобруча на крестъ; на вершинѣ одного прибита желѣзная пластинка съ отставленными двумя концами въ видѣ 2 рогъ или лучей; у мѣстъ прикрѣпленія полуобручей къ горизонтальному обручу въ трехъ мѣстахъ прикрѣплено по 3 холбохо (привѣски въ

видѣ небольшихъ конусовъ), а сзади цѣпь изъ 4 звѣнцевъ, соединенныхъ колечками, къ которымъ прикрѣплены по 1 холбохо и по 2 маленькія пластинки, замѣняющія холбохо; на концѣ цѣпи, кромѣ 2 пластинокъ, виситъ еще родъ ложки и шила, первая длиною въ $3\frac{1}{2}$ вершка, а второе въ $2\frac{1}{2}$ в. (См. таб. 3, фиг. 3).

Морин-Хорьбо. Конныя трости встрѣчаются у всѣхъ шамановъ прибайкальскихъ бурятъ, но ихъ нѣтъ у балаганскихъ. Конныхъ тростей у шамана бываетъ 2 и готовятся или изъ дерева или изъ желѣза. Желѣзные трости, вмѣстѣ съ шапкой поступаютъ въ распоряженіе шамана только послѣ 5-го омовенія тѣла. Правая трость дѣлается нѣсколько длиннѣе лѣвой.

Конныя трости, деревянные, каждому шаману вырѣзываются наканунѣ перваго посвященія или тѣломытія изъ живой березы, причемъ стараются такъ вырѣзать бруски для тростей, чтобы не повредить ствола, такъ какъ засыханіе дерева послѣ вырѣзыванія бруска считается дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго шамана; береза для конной трости выбирается въ той роцѣ (аяха), въ которой хоронятъ шамановъ. Конная трость похожа на обыкновенную палку, только у ней на верху вырѣзана болѣе или менѣе искусно лошадиная голова, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нижняго конца—родъ колѣна, а на самомъ концѣ—подобіе конскаго копыта; у черныхъ шамановъ, кажется, на тростяхъ головъ не вырѣзаютъ. Къ коннымъ тростямъ привязываютъ колокольчики, по 3 на каждую, или 4—5 на пра-

вую и 3—4 на лѣвую; между колокольчиками одинъ на каждой трости побольше; по присутствію этихъ большихъ колокольчиковъ конныя трости иногда называются хэсэ (бубенъ), въ томъ разчетѣ, что такая трость замѣняетъ и бубенъ. Затѣмъ конныя трости украшаются полыми конусами (холбохо), *тесемками* четырехъ цвѣтовъ (синяго, бѣлаго, желтаго и краснаго) и звѣринными шкурками (горноста, бѣлки, хорька). Для большаго сходства съ конемъ, къ тростямъ привѣшиваются маленькія стремена (въ 1 дюймъ вышиною).

Желѣзныя трости ничѣмъ по своей формѣ отъ описанныхъ деревянныхъ не отличаются, кромѣ положенія головы, которыя у деревянной трости составляетъ верхнюю часть палки, а у желѣзной они отходятъ въ сторону подъ прямымъ угломъ (Рисунокъ желѣзной трости на таб. 3, фиг. 2).

Хэсэ-бубенг. У кудинскихъ шамановъ хэсэ называется большой колокольчикъ, вытѣсненный изъ употребленія бубенъ ради большаго удобства; у ольхонскихъ шамановъ бубны не были встрѣчены мною за исключеніемъ одного случая, когда бубенъ оказался у одного только что посвященнаго шамана, ничего незнавшаго и совершенно неопытнаго; онъ, повидимому, находился подъ руководствомъ пожилаго бурята, который и давалъ за него объясненія; шаманъ этотъ принадлежалъ къ разряду *нэръерутха*, т. е. онъ сдѣлался шаманомъ какъ-бы по волѣ боговъ или самаго неба, такъ какъ какой-то его родственникъ былъ убитъ громомъ; у него оказалось два бубна. Бубенъ имѣетъ размѣры и форму рѣшета, только вмѣсто волосяной сѣтки была натянута кон-

ская кожа, скрѣпленная сзади ремешками; рисунокъ ни снаружи, ни внутри не было, но поверхность была чѣмъ-то забрызгана бѣлымъ*).

Столь-же постояннымъ спутникомъ кудинскаго и ольхонскаго шамана является музыкальный инструментъ *хур*., употребляемый при ворожбѣ и призваніи духовъ. *Хур* дѣлается изъ четырехграннаго стального бруска, перегнутаго пополамъ, причемъ колѣна къ концамъ нѣсколько болѣе сближены; между обоими колѣнами укрѣпляется желѣзная тонкая пластинка, конецъ которой загнуть крючкомъ подъ прямымъ угломъ къ плоскости инструмента (таб. 3, рис. 1). При употребленіи свободные концы инструмента съ кончикомъ желѣзной пластинки, называемой *язычкомъ* (хэлэн), кладутся въ ротъ и зажимаются неподвижно зубами; держа, при открытомъ ртѣ, рукою за язычекъ, можно получить слабый дребезжащій звукъ. *Хур* носится на цѣпочкѣ у пояса въ особомъ футлярѣ, отдѣланномъ серебромъ; цѣнность украшеній пояса и футляра зависятъ отъ богатства шамана. Инструментъ этотъ употребляется у иркутскихъ бурятъ (въ вост. части губерніи) только шаманами; изготовляютъ *хур* также только кузнецы, ведущіе происхожденіе отъ небснаго кузнеца; хорошо сдѣланный *хур* при гаданіи говоритъ всегда правду, почему и обращаютъ вниманіе на тщательность его приготовленія. Замѣчательно широкое географическое распространеніе описаннаго инструмента, такъ, напр.,

*) Бубень и конныя трости имѣютъ одинаковое символическое значеніе: они представляютъ коня, на которомъ шаманъ носится по землѣ, поднимается на небо и спускается въ подземную темницу Эрлэн-Хана.

онъ встрѣчается подъ именемъ *комуз'а* у сойотовъ (См. Мартыановъ. Каталогъ Минусинскаго музея, стр. 100); у кумандинцевъ онъ называется *кобыс-тюниургъ* (см. Ядринцевъ. Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ. Изв. Геогр. Общ. 1881 г., вып. 4.).

Въ Туркестанскомъ краѣ подъ звуки инструмента подобнаго хуру и называемаго *чиль* даже пляшутъ, хотя звуки хура весьма слабы (см. Антропологическая выставка 1879 г. Томъ III, ч. 2-я, описаніе предметовъ выставки, вып. 6—Отдѣлъ Этнографическій, стр. 21). Не смотря на также широкое распространеніе, хур не употребляется у бурятъ балаганскихъ, онъ замѣняется у послѣднихъ другимъ инструментомъ струннымъ, подобнымъ скрипкѣ или балалайкѣ, хотя называемымъ также хур'омъ. Хуръ употребляется также якутами.

Ольхонскіе шаманы имѣли еще одну лишнюю принадлежность—это *шуре*, что значитъ престолъ, жертвенникъ, но въ данномъ случаѣ, такъ называютъ ящикъ до 1¹/₂ арш. длиною и ¹/₂ арш. высотой до крышки, имѣющей видъ двускатной домовой крыши; ящикъ имѣетъ длинныя ножки до 1 арш. длиною; онъ обвѣшивается лентами, колокольчиками, звѣринными шкурками и кромѣ того на одной изъ длинныхъ стѣнокъ ящика нарисованы красной краской или вырѣзаны фигуры людей, животныхъ и разныхъ предметовъ; а именно: по крайямъ изображены солнце (направо отъ зрителя) и луна, солнце имѣетъ видъ колеса, а для отличія луны въ серединѣ помѣщена человѣческая фигура съ рукой, ухватившейся за дерево; середина доски отведена для 3 человѣческихъ фигуръ (одной женщины и 2

мужчинъ): хозяина хэсэ - Хынгер - нойон, —хозяина конной трости—Хорби-нойон и жена его—Дорби-хатун; эти личности считаются заянами, богами низшаго ранга, чѣмъ тэнгэрины; имъ брызгаютъ вино нѣсколько разъ въ годъ; рядомъ съ ними нарисованы 2 колчана (хадак), чехоль для лука (хормого), лукъ и мечъ, а кромѣ того подъ каждой человѣческой фигурой по лошади, такой видъ имѣло *ширэ* шамана 2-го черноруцкаго рода Загалмейскаго улуса Баендая Башенхаева, достигшаго уже почтеннаго 60-ти лѣтняго возраста; портретъ этого шамана, стоящаго рядомъ съ *шире*, съ конными тростями и въ парадномъ костюмѣ прилагается къ настоящей статьѣ; *ширэ* его унаслѣдовано имъ отъ отца. Другой экземпляръ *ширэ* осмотрѣнъ въ улусѣ Ширэтуй—3-го Черноруцкаго рода у шамана Бабай-Бабаева, только что посвященнаго въ шаманы, почему всѣ вещи у него были новенькія; рисунки на *ширэ* такія-же, какъ и вышеописанные, но не вырѣзаны, а нарисованы краской (таб. 3; фиг. 4 и 5). Говорятъ, что *ширэ* увеличивается въ вышину послѣ cadaго новаго омовенія тѣла, возрастая на одинъ этажъ. Въ *ширэ* хранятся конныя трости, кнутъ, бубны, если существуютъ, шкурки животныхъ, деревянные корытца для мяса и другихъ жертвоприношеній; корытца, какъ и конныя трости, готовятся наканунѣ посвященія, причемъ матерьяломъ для всѣхъ 9 корытцевъ служить одно цѣльное березовое дерево, изъ котораго и вырѣзаютъ ихъ съ различной высоты отъ комля, вслѣдствіи чего корытцы не одинаковой ширины, а послѣднія, вырѣзываемыя все ближе къ вершинѣ, становятся все уже и уже.

Георги *) къ принадлежностямъ шамана причисляетъ листовничный сучекъ, на которомъ оставляется зеленая вѣточка и къ нему укрѣпляется въ видѣ флага лоскутокъ матеріи; сучекъ замѣняетъ собою конную трость шамана во время путешествія; въ 1877 году въ аларской думѣ мнѣ пришлось видѣть отнятую отъ шамана березку, обвѣшанную лентами и шкурками; эта березка замѣняла листовничную вѣтвь, и принадлежала шаману, явившемуся для своего служенія въ улусы аларскаго вѣдомства, официально признающаго буддизмъ, почему тамъ шаманы и преслѣдуются ламами и думскими властями.

Ниль, архіепископъ ярославскій, въ числѣ шаманскихъ принадлежностей, въ своей книгѣ «Буддизмъ, разсмотрѣвъ въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири», называетъ (стр. 356, прим. 126) два предмета: «*абалгадей* и толи: абалгадей есть чудовищная личина изъ кожи, дерева или металла; ее расписываютъ и привѣшиваютъ къ ней огромную бороду и тому подобные орнаменты; толи—металлическое зеркало съ изображеніемъ 12 знаковь додекады **); толи носятъ на шеѣ или на груди, или ихъ нашиваютъ на шаманскій плащ ***); при моихъ поѣздкахъ мнѣ не удалось видѣть у шамановъ толи, можно съ увѣренностью сказать, что они у бурятъ составляютъ теперь большую рѣдкость и встрѣчаются только на мѣстахъ, гдѣ были похоронены прежніе шаманы.

*) Merkwürdigkeiten versch. unbekan. Völker d. Rus. Reichs, стр. 177, таб. II, рис. 7.

**) Знаки додекады: тигрь, заяць, драконъ, змѣя, конь, овца, дикій человѣкъ, пѣтухъ, собака, свинья, мышь, корова.

***) Потанина. Очерки Сѣв.—Зап. Монголіи, т. II, стр. 82, 83.

Посвященіе шамана.

Шаманомъ можетъ сдѣлаться всякій бурятъ. Обыкновенно-же шаманомъ дѣлается лицо, у котораго между предками по отцовской или материнской сторонѣ кто-либо былъ уже шаманомъ; такіе люди считаются шаманскаго рода, шаманскаго происхожденія. Такихъ между бурятами много. Но и всякій другой не лишенъ еще возможности быть шаманомъ. Бываютъ два вида шамановъ, которые таковыми дѣлаются случайно, а по убѣжденіямъ бурятъ, волею боговъ: это такъ называемые *нэрѣр-утхатай* и *будал-утхатай*. *Нэрѣр-утха*—называется тотъ, у котораго кто-либо изъ близкихъ былъ убитъ громомъ; убитый человѣкъ считается избранникомъ боговъ, признается шаманомъ и хоронится какъ настоящій шаманъ: его не сжигаютъ, а кладутъ на аранга. Потомокъ такого убитаго громомъ пріобрѣтаетъ черезъ то шаманское происхожденіе и можетъ быть шаманомъ.

Черезъ посредство *бумалъ-шулуновъ*, упавшихъ съ неба камней, можно сдѣлаться шаманомъ; такъ рассказываютъ, что одинъ бурятъ выпилъ тарасунъ, въ которомъ обмывали бумалъ-шулунъ; въ тарасунѣ несомнѣнно таилась особая сила, отдѣлявшаяся въ видѣ синяго пламени. Выпившій этого тарасуна сдѣлался въслѣдствіи шаманомъ; такіе шаманы называются—*будал-утхатай*.

Въ этихъ случаяхъ шаманами дѣлаются часто уже пожилые люди; такъ какъ между ними бываютъ и люди малоспособные, съ слабой памятью, которымъ не легко запоминать молитвы, обряды и

призыванія, то почти всегда изъ нихъ выходятъ плохіе, малоопытные шаманы; одного нэрээр-утхамнѣ пришлось видѣть въ улусѣ Ольхонскаго вѣдомства: онъ не зналъ даже именъ тѣхъ боговъ, которые были нарисованы на его собственномъ ширѣ.

Къ такимъ шаманамъ приглашаются для ихъ обученія старики, знакомые съ обрядами; у видѣннаго мною шамана былъ такой учитель, о которомъ шла слава по всему вѣдомству, что онъ всякія молитвы и преданія знаетъ лучше шамановъ.

Но при обыкновенныхъ условіяхъ къ шаманскому званію избираются съ очень раннихъ лѣтъ; вѣрующіе буряты утверждаютъ, что къ этому ихъ назначаютъ или ихъ покойные предки шаманы или даже сами боги. Покойные предки избираютъ изъ своей семьи мальчика и передаютъ ему свое знаніе. Такой избранникъ отличается внѣшними признаками: онъ часто бываетъ задумчивъ, уединяется, видитъ вѣщіе сны, иногда подвергается припадкамъ, во время которыхъ находится въ безчувственномъ состояніи; такъ продолжается до 20-ти лѣтняго возраста. Въ это время душа ребенка отсутствуетъ; она находится въ обученіи у западныхъ или восточныхъ тэнгриевъ, въ ихъ дворцахъ, подъ руководствомъ прежнихъ шамановъ; тамъ-то душа будущаго шамана узнаетъ имена боговъ, ихъ мѣстопробываніе, обряды для ихъ чествованія и имена подчиненныхъ духовъ этимъ великимъ богамъ. Душа готовящагося сдѣлаться чернымъ шаманомъ обучается у Эрлэнь-Хана въ *Албани-сулан*. При окончаніи обученія душа подвергается испытанію и только по удовлетворительномъ окончаніи его получаетъ право воз-

вратиться къ тѣлу будущаго шамана (она получаетъ указъ и шпагу; одинъ балаганскій шаманъ говорилъ, что кромѣ испытанія, душа даетъ клятву сдѣлаться шаманомъ и цѣлуетъ какой-то черный камень(?)).

Съ годами у молодого человѣка начинается особое настроеніе, онъ часто приходитъ въ экстазъ, видитъ будто-бы духовъ, сны случаются чаще, чаще становятся обмороки. Тогда юноша отправляется странствовать по улусамъ, гдѣ совершаются разные обряды; участвуетъ въ нихъ, пытается шаманить, предсказываетъ будущее; объявляетъ, что былъ въ странѣ мертвыхъ, что ему приказано сдѣлаться шаманомъ; онъ призываетъ какъ небесныхъ заяновъ, (тэнгэрин-онгон), такъ и своихъ предковъ.

Затѣмъ молодой человѣкъ удаляется въ лѣсъ, на гору, и тамъ начинаетъ у разведеннаго костра шаманить, призывать боговъ громкимъ неестественнымъ голосомъ и нерѣдко падаетъ въ обморокъ; когда онъ находится въ этомъ состояніи, то кто-нибудь его сопровождаетъ издали, чтобы не причинилъ себѣ вреда.

Такое уединеніе отчасти полезно, потому что неофитъ здѣсь упражняется въ тѣлодвиженіяхъ, интонаціи голоса, мимикѣ лица, чтобы начать свою будущую карьеру вполне подготовленнымъ, искуснымъ, ловкимъ и находчивымъ; такой-же подготовкой служатъ и посѣщенія обрядовъ, но тамъ онъ больше зритель, чѣмъ дѣйствующее лицо, а въ уединеніи онъ упражняетъ свои силы, чтобы во всеоружіи явиться передъ вѣрующими бурятами. Пока

упражняется неофитъ, родители или родственники приглашаютъ искуснаго шамана, призываютъ боговъ, приносятъ жертвы, чтобы боги помогли ихъ родственнику счастливо пройти искусь и сдѣлаться шаманомъ; если родители или родственники бѣдны, то помогаетъ цѣлое общество въ приобрѣтеніи животныхъ и другихъ предметовъ для исполненія необходимыхъ обрядовъ. Подготовительный періодъ продолжается нѣсколько лѣтъ, года три, четыре, смотря по развитію и способностямъ молодаго человѣка.

Говорятъ, что шаманами иные дѣлались прежде лѣтъ съ 10, но нынѣ рѣдко раньше 20, но бывають и 50-ти лѣтніе старики молодыми шаманами. Прежде готовящійся въ шаманы (дулашный, отъ дулаху-пѣтъ) не исполнялъ никакихъ обрядовъ, не шаманилъ, не будучи посвященъ, но нынѣ это не строго соблюдается.

Подготавливающийся обязанъ строго блюсти себя, не прикасаться къ нечистымъ людямъ, нечистымъ животнымъ (свинья), нечистымъ предметамъ. Въ противномъ случаѣ провинившійся строго наказывается; онъ сильно заболѣваетъ и помираетъ, если не будетъ спасенъ заступничествомъ другаго шамана.

Смотря потому, какимъ богамъ служить шаманъ, добрымъ или злымъ, шаманы дѣлятся на два класса: бѣлыхъ и черныхъ шамановъ.

Бѣлый шаманъ—*сагани-бѣ*, служащій добрымъ богамъ (Западнымъ тэнгріямъ, западнымъ хатамъ, сатинскимъ богамъ), никогда недѣлающимъ людямъ зла, самъ является добрымъ хадатаемъ за людей и совершаетъ обряды и призванія только покрови-

тельствующимъ людямъ божествамъ, дающимъ добро и счастье людямъ, а потому такіе шаманы уважаются народомъ. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ во 2-мъ Олзоевомъ родѣ былъ знаменитый бѣлый шаманъ *Барлакъ* (Хогнуевъ); онъ носилъ бѣлую шелковую одежду и имѣлъ бѣлаго коня; на мѣстѣ его сожженія и теперь еще сохранились желѣзныя вещи на деревьяхъ горы «*Сур*» и родные шамана, его потомки, и теперь еще приносятъ ему жертвы.

Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ былъ свой бѣлый шаманъ, столь же извѣстный, какъ и Барлакъ; его звали Маланахъ Хабалзаевъ изъ 2-го Бабаева рода (Худан-Голи-эхэ саган-бѣ Хабалзан-хобун Маланах.), онъ сожженъ на горѣ Мухур-Булак. 2. Боб. р.

Черный шаманъ—*Харайн-бѣ*, какъ служитель злыхъ духовъ, причиняетъ людямъ только зло, болѣзнь и смерть; нѣкоторые изъ нихъ, увѣряютъ буряты и, конечно, сами шаманы, могутъ убивать людей, съѣдая ихъ души или отдавая ихъ злымъ духамъ; но главная сила въ тѣхъ богахъ, которые имъ покровительствуютъ; когда шаманъ захочетъ такъ убить человѣка, то онъ приготовляетъ трость, одну половину которой чернить углемъ, лѣвую половину своего лица также чернить углемъ, котелъ въ юртѣ поворачиваетъ вверхъ дномъ, и когда наступитъ ночь, то призываетъ злыхъ боговъ, наносящихъ вредъ тому лицу, которое называетъ шаманъ; черные же шаманы дѣлаютъ зя.

Жертвы приносятся черными шаманами только злымъ богамъ: восточнымъ тэнгриямъ, восточнымъ хатамъ, хозяину о. Ольхона, Эрлэн-хану, хозяину черного коня.

Изъ числа черныхъ шамановъ извѣстны Обосойскіе и Торсойскіе шаманы (Идинскаго вѣдомства).

Но у кудинскихъ бурятъ, кромѣ бѣлыхъ и черныхъ шамановъ, существуютъ такіе шаманы, которые служатъ и добру и злу, западнымъ и восточнымъ тэнгріямъ и подчиненнымъ имъ богамъ.

Всякій приготовляющійся къ шаманской профессіи обязанъ подвергнуться обряду посвященія или тѣломытія; посвященій бываетъ у кудинскихъ бурятъ три, у балаганскихъ шесть.

Но иногда посвященій не дѣлается изъ опасенія смерти, такъ какъ къ посвященному шаману боги, которымъ онъ служитъ, гораздо требовательнѣе и наказываютъ смертью за каждую важную ошибку; поэтому черные шаманы обосойскіе и тарсойскіе и нѣкоторые балаганскіе не подвергаются обряду посвященія.

Посвященіе шамана въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно обязательно, просвѣтляетъ разумъ шамана, открываетъ ему тайны загробной жизни и жизни духовъ; онъ пріобрѣтаетъ познаніе боговъ, ихъ мѣсто-пребываніе, подчиненныхъ ихъ, черезъ кого и какъ къ нимъ должно обращаться.

Обряду перваго посвященія предшествуетъ такъ называемое *водяное очищеніе*; для того выбираютъ опытнаго шамана, который служитъ руководителемъ при выполненіи обряда и называется поэтому *отцомъ шаманомъ*; выбираютъ также 9 молодыхъ людей, помощниковъ шамана, называемыхъ *сыновьями шамана*.

Вода для омовенія должна быть ключевая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее берутъ изъ трехъ ключей; за водой отправляются утромъ въ день обряда; съ собою берутъ тарасунъ, который приносятъ въ жертву хозяину ключа *Баракши-Ноёну*, женѣ его *Хэрмэши - Хатунъ*; богу достаются, разумѣется, капли, а весь запасъ выпиваютъ пріѣхавшіе за водой; хозяина ключа называютъ иногда иначе, а потому предполагаю, что такихъ эжиновъ, хозяевъ, много; если, не столько, сколько извѣстныхъ ключей, то покрайней мѣрѣ по одному для нѣсколькихъ ключей или по одному для каждого улуса или рода.

Послѣ жертвы тарасуномъ, когда весь тарасунъ выльютъ, наполняютъ взятые изъ дому сосуды водою и возвращаются въ улусъ; по дорогѣ въ лѣсу вырываютъ съ корнями молодые березовые вышедшіе изъ сѣмянъ (*хухурхун*) побѣги, связываютъ въ вѣники и отвозятъ въ юрту посвящаемаго.

Привезенную воду нагрѣваютъ въ котлѣ на очагѣ, для ускорѣнія нагрѣванія бросаютъ въ котелъ накаленные камни. Въ воду бросаютъ вересъ, богородскую траву и пихтовую кору для очищенія. Заранѣе готовятъ козла. У козла срѣзываютъ не много шерсти съ ушей, по кусочку отъ копыта съ каждой ноги и отъ роговъ; все бросаютъ въ воду. Затѣмъ козла колютъ, ударяя ножомъ въ сердце; капли крови стекаютъ въ котелъ и вода дѣлается пригодною для обряда. Козла отдаютъ женщинамъ, которыя его варятъ и ѣдятъ.

Отецъ-шаманъ сначала гадаетъ на лопаткѣ барана, потомъ призываетъ боговъ покровителей вновь

посвящаемого шамана, т. е. его предковъ шамановъ, и жертвуетъ вино и тарасунъ; потомъ связки березовыхъ побѣговъ (хухурхун) погружаетъ въ освященную воду и бьетъ по обнаженной спинѣ посвященнаго, тоже дѣлаютъ и 9 сыновей шамана; при этомъ приговариваютъ:

«Когда бѣдный человѣкъ будетъ звать тебя, то иди къ нему пѣшкомъ, не требуй отъ него много за труды, и берите, что дадутъ».

«Всегда долженъ заботиться о бѣдныхъ, помогать имъ и умаливать боговъ о заступничествѣ отъ злыхъ духовъ и ихъ власти».

«Если позоветъ тебя богатый человѣкъ, то поѣзжай къ нему на быкѣ, и не требуй много за трудъ».

«Если позовутъ вмѣстѣ богатый и бѣдный, то иди сперва къ бѣдному, а потомъ къ богатому».

Посвящаемый обязывается исполнять предписание. Затѣмъ посвящаемый повторяетъ за шаманомъ слова молитвы. По окончаніи омовенія опять брызгаютъ тарасунъ богамъ покровителямъ, и обрядъ заканчивается.

Болѣе обыкновенно, должно быть, обрядъ водянаго посвященія совершается безъ крови козла, такъ какъ кровавое посвященіе и составляетъ главную сущность перваго посвященія, описаніе котораго ниже слѣдуетъ.

По бурятской обрядности для освященія воды достаточно однихъ священныхъ травъ, безъ крови.

Вмѣсто березовыхъ побѣговъ употребляютъ пучки соломы.

Обрядъ водянаго очищенія совершается каждымъ шаманомъ ежегодно или даже ежемѣсячно въ новолуніе; кромѣ того онъ совершается всякій разъ, какъ шаманъ чувствуетъ себя оскверненнымъ чѣмъ либо, напр. прикосновеніемъ къ нечистымъ предметамъ; водяное очищеніе замѣняется очищеніемъ кровянымъ, если оскверненіе очень важно; а также по случаю смерти чьей-либо въ улусѣ, гдѣ живетъ шаманъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ обрядъ совершается на четвертый день, первые три дня шаманъ проводитъ въ покоѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ описаннаго обряда очищенія совершается *первое посвященіе*, *хэрэнэ-хулхэ*; посвящаемому выгодно, чтобы скорѣе наступилъ моментъ, когда онъ воспользуется всею или большей частью правъ шамана; число посвященій различно, отъ трехъ до 9, но только богатые общества дѣлаютъ своему шаману второе и третье посвященія, чаще же обходятся однимъ; обыкновенно участіе общества, въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ его, очень значительно; почти все нужное для обряда: животныя, вино, тарасунъ, деньги, въ большей части получается изъ сборовъ отъ частныхъ лицъ, повидимому, въ видѣ добровольныхъ жертвъ въ такомъ размѣрѣ, какой желателенъ каждому жертвователю; бываетъ-ли складчина, устраиваемая заранее, неизвѣстно, вѣроятно же первый способъ; я лично видѣлъ, какъ пріѣзжіе давали деньги самому посвящаемому въ самый день обряда, и деньги эти передавались будущимъ шаманомъ своей женѣ; такимъ образомъ было собрано болѣе 20 рублей, но шаманъ не пользовался уваженіемъ. Размѣръ по-

жертвованій находится въ прямой зависимости отъ степени опытности, а слѣдовательно и отъ извѣстности шамана.

Не задолго до срока выбираютъ *отца шамана* и 9 сыновей, которые требуются обрядомъ въ воспоминаніи 9 сыновей неба (тэнгэрин 9 хобун) или 9 сыновей западнаго хата (хахи 9 хобуд); тѣже 9 сыновей выбираютъ при совершеніи *хурая* небу въ случаѣ пораженія громомъ кого-либо. Роль сыновей — помогать при обрядѣ; такъ какъ при многочисленности собравшагося народа и большомъ числѣ жертвенныхъ животныхъ помощь этихъ 9 лицъ весьма полезна, то это обыкновеніе и удержалось.

Посвящаемый въ сопровожденіи шамана и 9 сыновей (послѣдніе у балаганскихъ бурятъ имѣютъ въ рукахъ березовыя вѣтви съ звѣриными шкурами), или только 9 сыновей или даже съ однимъ изъ стариковъ своего улуса, верхами, отправляется по знакомымъ для сбора пожертвованій; передъ каждой юртой пріѣзжіе кричатъ призыванія, ихъ угощаютъ молокомъ или курунгой, а жертвуемые платки и ленты привѣшиваютъ къ березѣ въ рукахъ молодаго шамана; даютъ также деньги.

Нужныя для обряда вещи отбираются, а остальное идетъ въ пользу шамана или раздаривается участникамъ въ торжествѣ.

Посылаютъ также купить 9 деревянныхъ чашекъ, колокольчики къ коннымъ тростямъ и другимъ предметамъ, шелкъ, вино и проч.

Наканунѣ торжества посылаютъ въ лѣсъ срубить нужное количество толстыхъ березъ; рубятъ

молодые люди подъ руководствомъ старика; тутъ-же выбираютъ прямую здоровую березу и изнутри ствола вырѣзаютъ осторожно два бруска для приготовления конныхъ тростей (морин-хорьбѣ).

Срубаютъ еще одну сосну, ее называютъ *сэриэ*, для столба, къ которому будутъ привязывать коней покровители шамана, его умершіе родственники шаманы; также называются (*сэриэ*) тѣ березы, на которыя будетъ взлѣзать шаманъ.

Березы и сосну всегда рубятъ въ погребальной роцѣ своего улуса, называемой «Аха», («Аяха»), по-русски *шаманкой*, такъ какъ она служитъ мѣстомъ сожженія шамановъ и погребенія другихъ лицъ. Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, въ шаманкѣ Булусинскаго улуса, мы нашли много могилъ, кромѣ слѣдовъ сожженія и погребенія шамановъ.

Какъ добываніе воды изъ ключей для очищенія сопровождается молитвой и брызганьемъ вина эжину ключа, такъ и добываніе березъ не обходится безъ жертвы: съ собой привозятъ 9 котловъ тарасуна и одного барана, то и другое предназначая въ жертву эжину рощи, существующему у каждой Аяха; мясо и вино въ полномъ количествѣ истребляется приносителями, по обыкновенію, и богу оставляютъ молитву и кое-какія крошки.

Потомъ привозятъ ключевую воду, хухурхунъ и 9 камней, поступая такъ, какъ вышеописано при обрядѣ очищенія.

Въ это-же время готовятъ конныя трости, хуръ, ширэ, плеть, 9 корытцевъ разной величины, у балаганскихъ бурятъ отецъ шаманъ, 9 сыновей

и посвящаемый держутъ 9 дневный постъ, употребляютъ только муку, вареную въ водѣ; вино и чай; всѣ 9 дней живутъ въ особомъ шалашѣ, вокругъ котораго 3 раза обтянуты «зэли» — веревки изъ волоса, на которыхъ привѣшены маленькія деревянныя колотушки и холбогол, въ родѣ ложки изъ дерева; также звѣриныя шкуры и цвѣтныя нитки.

Наканунѣ отецъ шаманъ и другіе пріѣзжіе шаманы шаманятъ и призываютъ боговъ, покровителей. Утромъ въ день самаго обряда устанавливаютъ въ надлежащихъ мѣстахъ сосну и привезенныя березы, смотря по ихъ назначенію.

Прежде всего устанавливаютъ въ юртѣ большую толстую березу съ корнями такимъ образомъ, что корни зарываютъ въ правомъ, юго-западномъ углу, на томъ пространствѣ, гдѣ вокругъ очага остается земляной полъ, а верхушку просовываютъ наружу черезъ дымовое отверстіе *орхѳ* — эта береза символически изображаетъ бога двери (*Удэши-бурхан*), открывающаго шаману доступъ на небо и къ разнымъ богамъ; береза остается и послѣ совершенія обряда посвященія, не рубится; по этой березѣ легко узнать въ улусѣ юрту шамана. Иногда, почему-то, нѣкоторые шаманы не имѣютъ этой березы. При посвященіи остальные привезенныя березы разставляютъ передъ юртой въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ совершаться обрядъ; разставляютъ въ такомъ порядкѣ, начиная съ востока:

2) *Турнэ* — береза, за которой потомъ на войлокѣ раскладываютъ тарасунъ, таракъ, жидо и пр.

къ ней привязываютъ цвѣтныя тесемки: красныя и желтыя—у чернаго шамана, бѣлыя и синія—у бѣлаго шамана, и всѣхъ четырехъ цвѣтовъ, если шаманъ вмѣстѣ и черный и бѣлый.

3) *Азарга-сэргэ*—береза вырываемая съ корнями, къ ней привязываютъ большой колокольчикъ (хэсэ?) и жертвеннаго коня.

(Азарга—жеребецъ, сэргэ—столбъ).

4) *Эхэ-шара-модон*—береза съ корнями, достаточно толстая, чтобы выдержать человѣка, такъ какъ на нее влѣзаетъ шаманъ во время обряда.

Три березы, выкапываемыя съ корнями (впрочемъ въ иныхъ улусахъ ихъ просто срубаютъ)—*Удэши-бурхан*, *Азарга-сэргэ* и *Эхэ-шара-модон*—называются общимъ именемъ сэргэ—столбы, также какъ и сосна, изъ которой готовятъ столбъ—*сэргэ*, къ которому шаманъ будетъ привязывать коня.

5) *Хурай-бургахан* (сухія березы!!!)—березы, числомъ 9, врытыя группами по три, ихъ обвязываютъ бѣлой волосяной (изъ конскаго волоса) бичевкой (*шундали*) и къ той уже прикрѣпляютъ ленты, бѣлую, синюю, красную и желтую, потомъ опять бѣлую, синюю и т. д.; волосяная веревка съ лентами нѣсколько разъ обводится вокругъ хурай-бургахан; на нихъ же навѣшиваютъ 9 звѣриныхъ шкурокъ и дакта (по-русски *сколотень*, т. е. туясь изъ бересты), въ него накладываютъ таракъ.

6) *Адухани-сэргэ* (столбы для животныхъ)—ихъ 9 и къ нимъ привязываютъ или держатъ только подлѣ нихъ 9 жертвенныхъ барановъ. Вмѣсто 9 барановъ бываетъ, справа начиная, баранъ, кобыла, 6

барановъ, козелъ, баранъ; послѣдняго барана закалываютъ въ честь *Нагурдай*.

7) Тутъ-же приготовлены и въ порядкѣ разложены толстыя березы, къ которымъ потомъ привяжутъ въ соломѣ кости жертвенныхъ животныхъ.

Это такъ называемыя—*Гур-баргахан*; ихъ потомъ устанавливаютъ въ промежуткѣ между *адухани-сэргэ*; на посвященіи въ Курумчинскомъ улусѣ Кудинскаго вѣдомства, которое я видѣлъ, эти березы были, но въ тѣхъ случаяхъ, когда кости сжигаютъ на 9 жертвенникахъ или кострахъ, гур-бургахан являются уже лишними.

Отъ Удэши-бурханъ—березы, уставленной въ юртѣ, протягиваютъ тесьмы красную и синюю къ Азарга-сэргэ, потомъ къ Эхе-шара-модонъ и такъ до послѣдней березы—это *дугу*—мостикъ, изображающій символически путь шамана къ тэнгріямъ. Двухъ цвѣтныя ленты дугу отсутствуютъ, если отъ юрты шамана къ *тургэ* проложена дорожка изъ кусковъ дерна; значеніе дорожки такое-же символическое. Сзади, т. е. на сѣверѣ отъ ряда березъ—противъ хурай и адухани-сэргэ—разставляютъ 9 большихъ котловъ, по числу жертвенныхъ животныхъ, для варенія мяса; ихъ наполняютъ водою и припасаютъ дрова.

Посвящаемый шаманъ и участники обряда—принаряжаются, надѣваютъ новыя рубашки, если такія можетъ подарить посвящаемый отцу—шаману, сыновьямъ, тому, кто дѣлалъ конныя трости, кто будетъ держать хэсэ,—и хурь. Дѣти шамана привязываютъ къ воротамъ рубахъ синія ленты; а посвящаемый заплетаетъ на затылкѣ косу и привязываетъ цвѣтныя тесемки.

Прежде посвященія шамана совершаютъ освященіе его орудій—конныхъ тростей, хэсэ, хура и пр. Освященіе конныхъ тростей называется *амиха*—дать жизнь, превратить ихъ въ живыхъ коней, которые будутъ служить шаману средствомъ сообщенія съ духовнымъ невидимымъ міромъ. При освященіи конныхъ тростей колятъ барана и брызгаютъ тарасунъ хозяину конной трости—*Хёрбоши-Ноён*, женъ его *Дорьбоши-хатун*; нижніе концы трости смазываютъ иногда кровью барана; также освящаютъ хэсэ, призывая хозяина хэсэ—*Хэнэр-Саган-Ноён*, и хуръ, призывая хозяина хура—*Хурши-Ноён* и то западное небо, которое считается создателемъ кузнечнаго ремесла, одному изъ 55 западныхъ тэнгріевъ, создавшему 99 кузнецовъ (баруни 55 тэнгэрин 99 дархад), западныхъ бѣлыхъ кузнецовъ; потомъ ставятъ на очагъ котелъ съ молокомъ для добыванія тарасуна, положивъ *хур* въ кувшинъ, въ которомъ сгущается перегоняемый тарасунъ (кувшинъ называется танха), падающій на лежащій въ кувшинѣ хур; нужно, чтобы тарасунъ капалъ прямо на язычекъ хура, только при этомъ условіи инструментъ будетъ безошибочно предсказывать и всегда будетъ слышанъ богами.

Вслѣдъ за симъ готовятъ 9 жидо—т. е. березовыхъ палочекъ, въ верхній надколотый конецъ которыхъ втыкаютъ по кусочку пихтовой коры, нижній конецъ заостряютъ, по срединѣ, подлѣ оставленной вѣточки съ листьями, привязываютъ тесемку, шелковую или нитяную; ее называютъ хол (нога).

Посуда, нужная для обряда, обмывается въ освященной водѣ (вода съ богородской травой) и за-

тѣмъ освящается; при обрядѣ употребляется 9 дахта, 9 корытцовъ изъ одной березы, 9 чашекъ; ихъ ставятъ на чистый войлокъ налѣво отъ входа и очага; кромѣ посуды на немъ лежатъ и 9 звѣриныхъ шкуръ, которыя развѣсятъ послѣ на хурай-бургахан.

Съ утра въ юртѣ собравшіеся шаманы все время шаманятъ, призывая боговъ и брызгая тарасунъ, большая часть котораго выпивается присутствующими. Первому брызгаютъ хозяину хорька Эргил-буга-ноин-Тонхой, который первый сдѣлалъ обрядъ своего посвященія и посвящалъ другихъ шамановъ; во время призыванія, шаманъ упоминаетъ: «ты 90 шамановъ сдѣлалъ шаманами, 90 шамановъ сдѣлалъ шаманками, 90 хэсэ (бубновъ) держалъ за *тайборъ*, надѣлъ на себя 90 оргоевъ». Потомъ льютъ вино въ честь западнаго хата и 9 сыновей его; послѣднимъ шаманъ говоритъ: «Вы спустились на землю и сдѣлались царями 9 странъ и покровителями бурятъ, имѣете серебряные пояса и сабли изъ чистаго серебра»; остальнымъ божествамъ жертвуютъ вино въ такомъ порядкѣ: предкамъ шамана, мѣстнымъ богамъ, покровительствующимъ новому шаману, далѣе—всѣмъ извѣстнымъ умершимъ шаманамъ своего и другихъ вѣдомствъ, каждому отдѣльно; большимъ богамъ — *Паланта-бурхад*, и другимъ могущественнымъ богамъ; чтобы дѣло шло скорѣе, нѣсколько шамановъ раздѣляютъ между собою трудъ и брызгаютъ одновременно разнымъ богамъ.

За обрядомъ возліянія вина старикъ—шаманъ призываетъ боговъ покровителей, а молодой повторяетъ за нимъ слова молитвы. Иногда посвящаемый

держитъ шпагу, которую онъ получаетъ отъ неба вмѣстѣ съ указомъ объ утвержденіи шаманомъ. Въ это-же время посвящаемый иногда вылѣзаетъ изъ юрты по березѣ—Удэши-бурхан и на самомъ верху, уже на крышѣ юрты, громко призываетъ заяновъ.

Теперь приближается время выходить на улицу: войлокъ четыре сына шамана поднимаютъ за углы, вещи снимаются, при этомъ поютъ: хэжи байхан хэрэк мана хэбэрэ бөтөхө, Хэлгэн саган Заян мана элгэдэ тэхэрхэ, и кричатъ протяжно: хѳ—у—а.; зажигаютъ 9 жидо, 1 даютъ отцу шаману, а 8 молодому (атхар-дурэн жидо, арар дурэн зала); у дверей юрты на улицѣ раскладываютъ огонь и бросаютъ въ него богородскую траву, чтобы при выходѣ изъ юрты очистить всѣ предметы, переносимые черезъ огонь.

Во время пребыванія въ юртѣ всѣ люди и предметы также очищались: въ жаровню или ковшикъ клали горячіе угли и сыпали богородскую траву; этимъ куреніемъ три раза окуривали надъ головами всѣхъ присутствующихъ, съ крикомъ: *шик, шик, шик, ширик....*

При выходѣ на улицу соблюдается такой порядокъ: впереди идетъ отецъ-шаманъ, за нимъ молодой шаманъ и 9 сыновей, потомъ родня и гости; всѣ идутъ по описаннымъ уже кочкамъ къ тому мѣсту, гдѣ разставлены березы. Нѣсколько сзади березъ Азарга-сэргэ, къ С., втыкаютъ въ землю «тургэ» т. е. березовую вѣтвь съ листьями, позади кладутъ войлокъ и на немъ посуду для мяса, сосуды съ тараконъ и тарасуномъ; а шкурки, шундалга и

дахта развѣшиваютъ по березамъ, какъ описано; участвующие—шаманы и 9 сыновей разсаживаются полукругомъ около тургэ, а остальные около своихъ котловъ. Къ востоку, за послѣдней березой раскладываютъ костеръ и на немъ подогрѣваютъ ключевую воду, въ которую бросаютъ накаленные камни и богородскую траву. Приводятъ козленка, отъ рога и копытъ отрѣзываютъ по кусочку и вмѣстѣ съ пучкомъ шерсти отъ ушей и тѣла бросаютъ въ ту-же воду. Козленка ударяютъ затѣмъ ножомъ въ сердце и капающей кровью посвящаемый, сидящій безъ рубашки, быстро смазываетъ голову, глаза и уши, въ то время какой-либо шаманъ играетъ на хурѣ, а 9 сыновей обмачиваютъ хахурхан въ горячую ключевую воду и бьютъ посвящаемого по голой спинѣ, громко шаманятъ и задаютъ тѣ-же вопросы, какъ при очистительномъ омовеніи. Вода, употреблявшаяся для обряда, выливается на крышу юрты, а не на землю, козленка-же отдають женщинамъ.

Этимъ обрядомъ освященія кровью и кончается собственно существенная часть посвященія, далѣе все исполняется почти такъ какъ при тайлаганахъ: совершаютъ обрядъ *сасали барьха*, т. е. три раза жертвуютъ богамъ вино, таракъ, чай и потомъ бросаютъ чашки: если чашка упадетъ дномъ внизъ, то это предвѣщаетъ добро шаману. При подниманіи съ земли чашекъ, 9 сыновей вырываютъ пучки травы и втыкаютъ себѣ за поясъ.

Наконецъ колятъ 9 жертвенныхъ животныхъ, какъ всегда, и кромѣ того много другихъ животныхъ, иногда до 60, смотря по числу собравшагося

народа и привезенныхъ барановъ; лѣтомъ 1881 года было посвященіе одного капсальскаго шамана, при которомъ закололи именно около 60 барановъ и нѣсколько кобылъ, какъ мнѣ рассказывали въ Кудинской думѣ. Передъ закланіемъ каждому животному даютъ попробовать курунги или тарасуну.

Тѣмъ временемъ шаманы шаманятъ: вновь посвященный шаманъ также имѣетъ право призывать боговъ и шаманить, какъ настоящій шаманъ; шаманить онъ, имѣя въ рукахъ конныя трости или его держать на войлокѣ, потомъ онъ бѣжитъ къ Эхэ-шара-модонъ, и, залѣзши на самый верхъ, призываетъ боговъ: сперва холонгонъ-эжина (хозяина хорька (Эргиль - буга - ноин - Тонхай), потомъ своихъ умершихъ родственниковъ шамановъ; сверху шаманъ иногда велитъ брызгать тарасунъ кому нибудь и это исполняется собравшимися шаманами; пока шаманъ находится на деревѣ, сыновья внизу держать войлокъ, чтобы, въ случаѣ паденія, шаманъ не ушибся; слѣзаетъ съ березы шаманъ внизъ головой, если онъ молодъ, или просто.

У балаганскихъ бурятъ шамана сперва носятъ на войлокѣ вокругъ березъ по солнцу 9 разъ, послѣ чего шаманъ залѣзаетъ на первую березу справа, потомъ на 8 остальныхъ березъ, на каждой дѣлая 9 круговъ, подымаясь все выше и выше; на самомъ верху онъ шаманить вмѣстѣ съ отцемъ шаманомъ, стоящимъ внизу и также дѣлающимъ круги около березъ; все это время 9 сыновей держать войлокъ.

За молодымъ шаманомъ забираются на дерево другіе шаманы и даже готовящіеся къ шаманству.

Когда мясо животных сварилось, а каждое животное варится въ отдѣльномъ котлѣ, послѣ того, какъ съ него снимутъ шкуру; то мягкое мясо отдѣляютъ и кладутъ въ корытца для каждаго животнаго отдѣльно и относятъ на тургэ; это мясо называется *даланга*; мясо, остающееся на костяхъ, также тщательно срѣзывается и собирается, его называютъ *шуладхан*; и оно кладется на тургэ. Очищенные кости отъ каждаго изъ 9 животныхъ отдѣльно собираются, обертываются въ солому и привязываются къ 9 березамъ—*гур-бургахан*, послѣ чего эти березы уже втыкаются въ землю, такъ какъ до этого они лежали подлѣ вырытыхъ для нихъ ямъ; березы съ костями, гур-бургахан, чередуются съ тѣми, у которыхъ стояли жертвенныя животныя.

Теперь шаманъ и 9 сыновей кладутъ въ суповую ложку мясо, зачерпываютъ бульона и отходятъ къ очагамъ, гдѣ варилось мясо; здѣсь, послѣ краткой молитвы къ хозяину огня, котораго называютъ *сыномъ неба Тэми*, мясо и бульонъ выбрасываютъ на огонь въ жертву Сагадай-Ноёну.

Затѣмъ шаманъ, 9 сыновей и прочіе шаманы становятся въ рядъ, имѣя въ рукахъ чашки съ бульономъ, а въ другой по кусочку мяса, и умоляютъ боговъ принять жертву отъ новаго шамана; мясо и бульонъ или подбрасываютъ вверхъ или выливаютъ и бросаютъ въ огонь; послѣ этого шаманъ попробуетъ немного мяса отъ всѣхъ животныхъ и тѣмъ разрѣшаетъ приступить къ пищѣ; съѣдаютъ только мясо отъ костей—*шуладхан*. Мягкое мясо, *даланга*, раздѣляютъ по семьямъ и послѣ молитвы съѣдаютъ;

тарасунъ пьютъ постоянно. Этимъ обрядъ оканчивается; шаманъ и 9 сыновей уходятъ въ юрту, а собравшійся народъ предается играмъ. Вечернія игры, вечерки, имѣютъ религіозный характеръ, на нихъ призываются разные онгоны молодымъ шаманомъ или другимъ болѣе опытнымъ шаманомъ. Вечерки дѣлаются три вечера подрядъ и продолжаются до утра. На слѣдующее утро дѣлаютъ жертвоприношеніе бараномъ *Дѣбѣдою*, небесному божеству, исполняющему обязанность кучера у Эсэгэ-Малан-Тэнгэри. Шкуру животного снимаютъ и вѣшаютъ на березу *зухэли* позади тургэ; въ ноздри втыкаютъ березовыя вѣточки, а на головѣ укрѣпляютъ жидо; справа отъ *зухэли* устанавливается березка, обвѣшанная лентами. Кости барана, по снятіи мяса, сжигаются на кострѣ, назыв. *ширэ* или *мухур-шире* (у балаганскихъ). По совершеніи жертвоприношенія шаманъ призываетъ заяна, заянъ является и устами шамана объявляетъ объ этомъ, рассказываетъ свое происхожденіе и уходитъ, послѣ чего ѣдятъ мясо; кусочки мяса бросаютъ въ огонь.

Второго барана колятъ въ честь 9 сыновей *Буха-Ноина*—*Западнаго Хата*: 1) хозяину усть(?) Ангары Буга-Саган-Ноеву, 2) хозяину Мѡхѡна (въ Тункѣ) Монгѡто-Зарину и др.

Въ тотъ-же день, или нѣсколько времени спустя, посвящаютъ 2-хъ или 3-хъ лѣтняго сиваго бычка (пороза) *Западному Хату* (Буха-Ноину); сначала брызгаютъ тарасунъ *Западному Хату*, затѣмъ обмываютъ освященною водою бычка, украшаютъ его лентами, на шею привязываютъ маленькое ярмо,

льютъ на него немного тарасуну и послѣ краткой молитвы отпускаютъ на волю, а шаманы брызгаютъ тарасунѣ разнымъ богамъ, упранивая ихъ покровительствовать избранному ими новому шаману. Черезъ три дня отца шамана съ почетомъ отправляютъ домой, вознаградивъ его, смотря по состоянію молодаго шамана: новой рубахой, шубой, конемъ, баранами или деньгами; шамана сопровождаетъ вновь посвященный или другія лица и по пріѣздѣ въ улусъ отца шамана угощаютъ стариковъ тарасуномъ, жертвеннымъ мясомъ и раздаютъ подарки (ленты).

На 9-й день снимаются съ березъ ленты, звѣриныя шкурки, колокольчики и укладываютъ все въ ящикъ шамана—его *ширэ*.

Число описанныхъ посвященій бываетъ различное отъ 1 до 9. 9 посвященій дѣлается у кудинскихъ бурятъ очень рѣдко нынѣ, чаще бываетъ три или два и обыкновенно одно. Если посвященій три, то при первомъ въ жертву приносится 9 животныхъ, а шаманъ получаетъ конныя трости, хуръ, хэсэ; при второмъ—животныхъ 18, а шаману привязываютъ новыхъ 9 колокольчиковъ къ коннымъ тростямъ, 5 на правую, 4 на лѣвую; при третьемъ посвященіи—животныхъ 27 и привязываютъ еще 9 колокольчиковъ, такъ что послѣ третьяго посвященія должно быть всего 27 колокольчиковъ на обѣихъ тростяхъ; вмѣсто 9 колокольчиковъ привязываютъ по 3 или даже по 1 на каждую трость. Въ случаѣ 9 посвященій—на 1-мъ, 4 и 7-мъ посвященіи колется по 9 животныхъ, на 2, 5 и 8-мъ по 18 и на 3, 6 и 9 посвященіи по 27; а на всѣхъ 9 не менѣе

162 головь; послѣ каждого посвященія къ каждой конной трости привѣшиваютъ по одному колокольчику. У балаганскихъ бурятъ число посвященій обыкновенно 6, но прежде дѣлали и 9. Къ числу 9 посвященій относится и очистительное омовеніе, выпадающее на три обряда: 1) водяное посвященіе—*ухан-убала*; 2) сухое хурай-убалга и 3) третье сопровождается принесеніемъ въ жертву животныхъ. Четвертое посвященіе—*коровое*—*шухан-убала*; это посвященіе разрѣшаетъ шаману употребленіе деревянныхъ *морин-хорбо*, конныхъ тростей. У кудинскихъ бурятъ первыя четыре посвященія соединяются въ два:—предварительный очистительный обрядъ и первое посвященіе; у балаганскихъ бурятъ *коровое* посвященіе отличается тѣмъ, что тутъ шаманъ пьетъ кровь, тогда какъ у кудинцевъ кровью смазываются глаза, уши и голова. Пятое посвященіе самое важное: шаманъ получаетъ шаманскую шубу-оргой, желѣзные конныя трости, желѣзную шапку и 3 хэсэ—бубна. На остальныхъ посвященіяхъ получаетъ другіе 6 хэсэ. Въ настоящее время, однако, у шамановъ балаганскихъ не бываетъ всѣхъ 9 хэсэ и даже 3 рѣдко, тогда какъ въ Идинскомъ вѣдомствѣ такіе шаманы не рѣдкость.

Похороны шамана (Ондөрлөхө) и похоронные обряды бурятъ вообще.

Шаманъ какъ и простой бурятъ подвергается болѣзни и смерти; больной шаманъ, какъ и простой бурятъ, въ случаѣ болѣзни прибѣгаетъ къ заступничеству боговъ, призываетъ шамана, брызгаетъ разнымъ богамъ тарасунъ, и проч.; но если замѣчаетъ, что

эти обычные средства не помогают, то начинает предсказывать свою смерть и послѣдующую судьбу: когда и отъ какой болѣзни и за что помретъ, гдѣ будетъ имѣть посмерти мѣстопробываніе; объявляетъ, что онъ сдѣлается также богомъ. Провинившійся чѣмъ-нибудь передъ богами шаманъ, однако, не всегда успѣваетъ избавиться отъ возмездія и попадаетъ послѣ смерти въ темницу *Эрлэн-Тама* подъ власть *Эрю-Хара-ноёна*, гдѣ и томится въ тяжелыхъ цѣпяхъ. Болѣе простоватый или очень больной шаманъ только указываетъ, какого коня ему приготовить, гдѣ совершить похоронный обрядъ, и послѣ смерти, уже устами другаго шамана, передаетъ о себѣ дальнѣйшія подробности. Послѣ смерти шамана, тѣло его старики и одноулусники обмываютъ только водой, освященной вересомъ и богородскою травою, а потомъ одѣваютъ—внизъ халатъ, а сверху шубу, то и другое иногда изъ шелка; поверхъ шубы одѣваютъ еще *оргой*, родъ халата или савана; чаще всего оргой дѣлаютъ изъ *синяго шелку*, обязательнаго для *чернаго шамана*, служителя злыхъ восточныхъ небъ; бѣлому шаману оргой долженъ дѣлаться изъ бѣлаго коленкору, замѣняемаго порой бѣлымъ шелкомъ; оргой подпоясываютъ краснымъ шелковымъ поясомъ; шитье оргоя, какъ священной одежды, поручается всѣмъ мужчинамъ улуса, женщины же не допускаются. Одѣтаго шамана или кладутъ на столъ; а рядомъ всѣ знаки его власти: конныя трости, бубенъ, плетъ и пр.; въ ногахъ и по сторонамъ головы ставятъ три свѣчи; или же шамана сажаютъ съ поджатыми ногами и передъ нимъ 1 свѣчу, въ такомъ видѣ покойникъ остается трое

сутокъ. Все это время выбранные 9 молодыхъ бурятъ старше 25 лѣтъ, опытные и знакомые съ обрядомъ, такъ называемые 9 *сыновей* шаманы поютъ похоронную пѣснь, описывая жизнь покойнаго и восхваляя его; въ этихъ пѣсняхъ импровизація играетъ видную роль и предоставляется на волю запѣвалы.

Къ похоронамъ шамана съѣзжается много народу, шамановъ и всѣ *нажии* его, такъ сказать его духовныя дѣти, у которыхъ онъ приносилъ жертвы, брызгалъ вино, защищалъ дѣтей отъ вліянія злыхъ духовъ, давая имъ такъ называемые *хихюхан* т. е., колокольчики, холбого, шкурки животныхъ, которыя были привязаны къ коннымъ тростямъ шамана; теперь, со смертью шамана, вещи эти ему возвращаются и привязываются къ коннымъ тростямъ; эти же *нажии* привозятъ барановъ, тарасунъ, вино и деньги, изъ которыхъ покрываютъ расходы по похоронамъ; недостатокъ покрывается сборомъ съ общества.

Съѣхавшіеся шаманы призываютъ боговъ и, имѣя въ рукахъ конныя трости покойнаго, объявляютъ его волю о мѣстѣ погребенія и называютъ того коня, который долженъ быть приготовленъ для шамана. Трое сутокъ, пока умершій въ улусѣ, его окуриваютъ дымомъ богульника, богородской травы и пихтовой коры, а старики улуса по очереди звонятъ въ колокольчики съ конныхъ тростей и бьютъ въ бубенъ. Къ концу третьихъ сутокъ заготавливаютъ тарасунъ, колятъ барановъ; мясо ихъ варятъ и потомъ складываютъ въ мѣшки и отвозятъ на мѣсто сожженія шамана, назыв. хѳнгѳлхѳ.

Коня, на которомъ повезутъ покойника, по возможности украшаютъ, узда и сѣдло нерѣдко быва-

ютъ высеребренны, на шею привѣшиваютъ колокольчики и всего коня покрываютъ четырехъугольнымъ кускомъ ткани, называемымъ *оргой* и спитымъ тѣми же стариками, которые шили оргой шамана; оргой покрываетъ почти все тѣло коня; къ концамъ его пришиты колокольчики; у черныхъ шамановъ онъ также изъ синяго шелку, а у бѣлыхъ изъ бѣлаго коленкора.

Когда истекутъ трое сутокъ, то шамана выносятъ изъ юрты и сажаютъ на подведеннаго и приготовленнаго коня; сзади покойника садится какой-либо старикъ, а другой ведетъ въ поводу коня. Все это время 9 сыновей поютъ, старики и шаманы звенятъ колокольчиками и бьютъ въ бубенъ.

Прежде, чѣмъ выѣхать изъ улуса, покойника обвозятъ три раза по солнцу вокругъ собравшагося народа, готоваго пуститься въ путь вслѣдъ за шаманомъ.

Кортежъ открываетъ бурятъ, у котораго въ рукахъ березка съ привѣшанными звѣриными шкурками, за нимъ везутъ покойника, окруженнаго 9 сыновьями, и наконецъ многочисленная конная толпа провожатыхъ. Во время пути поѣздъ останавливается столько разъ, сколько встрѣтится *барьса* умершихъ шамановъ *).

*) Такъ называютъ тѣ мѣста, гдѣ умершіе шаманы или ихъ души останавливаются во время пути (барьса всегда бываетъ по дорогѣ) привязываютъ ко вкопаннымъ въ землю столбамъ числомъ 3, своихъ коней; курятъ приготовленный имъ табакъ и отдыхаютъ, всякій проѣзжіи бурятъ на этомъ мѣстѣ набьетъ трубку табакомъ и выброситъ табакъ въ даръ шаману, и затѣмъ уже самъ выкуритъ другую трубку; если съ собой имѣетъ вино, то немного выльетъ на землю для умершаго шамана.

У каждой барьса брызгаютъ вино, пьютъ его и ѣдятъ мясо одного барана, а къ столбу привязываютъ звѣриныя шкурки. Потомъ подѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ нужно устроить *барьса* для только что умершаго покойника: тогда ставятъ приготовленный сосновый столбъ и къ нему привязываютъ шкурки и колокольчики(?), брызгаютъ виномъ и ѣдятъ мясо барана.

Наконецъ достигаютъ назначенной роци, гдѣ будетъ совершенъ обрядъ сожженія.

Покойника снимаютъ и сажаютъ на войлокъ, чтобы не сдѣлать его нечистымъ отъ прикосновенія къ землѣ; (лицо обращаютъ къ югу); вокругъ шамана становятся 9 сыновей и поютъ, обходя вокругъ; все привезенное устанавливаютъ на тургѣ. Дорогой еще пускаютъ стрѣлу по направленію къ дому и на обратномъ пути стрѣлу подымаютъ и кладутъ въ *ширѣ*.

Между тѣмъ готовятъ костеръ изъ свѣжихъ срубленныхъ сосновыхъ бревенъ—это *отг* или *хорѣ*; сверху кладутъ сосновыя вѣтви, ихъ прикрываютъ потникомъ, затѣмъ оргой коня, наконецъ покойника, въ голову кладутъ узду, колчанъ съ 8 стрѣлами и лукъ, а подъ голову сѣдло; наконецъ сверху покойника придавливаютъ нѣсколькими бревнами и *костеръ зажигаютъ*. Стрѣлы и лукъ кладутся шаману затѣмъ, чтобы онъ могъ избавить отъ смерти 8 хорошихъ людей, по мнѣнію кудинцевъ тѣмъ, что вмѣсто обреченнаго на смерть человѣка, шаманъ въ удовлетвореніе гнѣва заяновъ будетъ ломать стрѣлу; балаганскіе буряты думаютъ, что этими стрѣлами шаманъ будетъ поражать угрожающихъ людямъ злыхъ духовъ.

Знаки шаманскаго достоинства покойника и нѣкоторые другіе предметы развѣшиваютъ по окружающимъ деревьямъ: на одно дерево на вершинѣ привязываютъ мѣдный чайникъ съ виномъ (на кострищахъ послѣ сожженія шамана я находилъ носки отъ мѣдныхъ чайниковъ, остальные части которыхъ перегорѣли, слѣдовательно чайникъ часто кладутъ на костеръ, и не вѣшаютъ на дерево; можетъ быть чайникъ замѣняется ковшикомъ, который я видѣлъ висѣвшимъ въ одной рошѣ, гдѣ былъ сожженъ шаманъ); на другомъ сосѣднемъ деревѣ вѣшаютъ бутылку съ виномъ; на третьемъ деревѣ вѣшаютъ хэсэ; а конныя трости, хур, плетъ, домбо съ виномъ, шапку, и деревянную чашку кладутъ въ небольшой деревянный ящикъ, длиною до 1 фута; ящикъ дѣлаютъ послѣ смерти шамана вмѣстѣ съ одеждой; ящикъ также укрѣпляется высоко на деревѣ при посредствѣ желѣзныхъ обручей; звѣриныя шкуры (я встрѣчалъ только заячьи шкурки), привязанныя по одной или по нѣсколько къ молодымъ березкамъ, длиною до 1 сажени, приставляютъ къ разнымъ деревьямъ, или къ одному дереву по нѣсколько. (3?); по этимъ шкуркамъ легко найти, гдѣ былъ сожженъ шаманъ и гдѣ находятся его вещи; обыкновенно вещи бывають размѣщены на многихъ деревьяхъ на пространствѣ десяти и болѣе квадратныхъ сажень.

Когда все это выполнено, то приносятъ жертву виномъ и мясомъ, вино и тарасунъ пьютъ и ѣдятъ мясо; затѣмъ у коня, привезшаго покойника, дѣлають надрѣзы на головѣ и спинѣ и затѣмъ убивають его ножомъ между нижними шейными позвон-

ками, распарывая также брюхо; убитого коня или сжигаютъ отдѣльно отъ шамана или оставляютъ лежащимъ.

Теперь всѣ собираются къ отъѣзду: поджигаютъ костеръ и затѣмъ торопятся уѣхать; по дорогѣ не оглядываются, чтобы шаманъ не взялъ любопытнаго съ собой на небо.

По пути поднимаютъ пущенную 9-ю стрѣлу и отвозятъ въ юрту шамана, гдѣ 9 сыновей остаются трое сутокъ и все поютъ по очереди похоронныя пѣсни, совершая хожденіе вокругъ стола, на которомъ горитъ одна свѣча, до истеченія трехъ сутокъ.

На третьи сутки опять собираются всѣ нашіи шамана, его родные и одноулусники; нашіи привозятъ съ собой барановъ, вина, тарасуна и березки со шкурками. Барановъ и большую кобылу колятъ, и сваривъ мясо, отправляются на мѣсто сожженія шамана. Чѣмъ большимъ уваженіемъ и вліяніемъ пользовался шаманъ при жизни, тѣмъ больше собирается народу для исполненія послѣдняго обряда по умершемъ.

По пути, какъ прежде, останавливаются на *барьса* этого шамана, брызгаютъ виномъ, бросаютъ табакъ, ѣдятъ мясо и ѣдутъ до мѣста. По прибытіи, устанавливаютъ тарасунъ и мясо на тургѣ, затѣмъ между двумя деревьями устраиваютъ дали*), т. е. протягиваютъ веревку и на нее вѣшаютъ звѣриныя шкурки, — и призываютъ боговъ и наконецъ самаго умершаго шамана, который послѣ обряда сожженія самъ дѣлается богомъ.

*) Дали, — по Кастрену, крыло. См. Словарь его, стр. 153.

Ближайшіе родные шамана собираютъ потомъ кости, начиная съ костей черепа; кости кладутъ въ нарочно спитый мѣшокъ изъ синяго шелка, если умершій принадлежалъ къ чернымъ шаманамъ, чернаго шамана назыв. хутуна-бѣ или изъ бѣлаго коленкора, когда онъ былъ бѣлый шаманъ; изъ того же матерьяла надѣваютъ рукавицы всѣ собирающіе кости. Кости шамана называются шандархал; мѣшокъ съ костями укладываютъ въ выдолбленное въ видѣ ящика углубленіе въ стволѣ толстой сосны; для этого сначала осторожно снимаютъ четыреугольный кусокъ коры, до 1 фута по сторонѣ, а потомъ уже выдалбливаютъ углубленіе для мѣшка; положивъ кости, а иногда домбо съ виномъ и ковши, отверстіе снова закрываютъ деревянной крышкой и корой, и плотно забиваютъ гвоздями, такъ что незнающій и не отличить такое дерево отъ другихъ. Дерево, выбранное для помѣщенія обгорѣвшихъ костей шамана считается его мѣстопробываніемъ и называется *бѣи-нархан* *) (шаманская сосна); она должна оставаться неприкосновенной; всякій, срубившій такую сосну, по мнѣнію бурятъ, подвергается немедленной смерти со всей своей семьей.

Во время церемоніи замѣчаютъ нѣкоторые примѣты, по которымъ опредѣляется въ будущемъ степень уваженія къ памяти шамана; хорошимъ признакомъ считается, напр., если увидятъ, что оставленная убитая лошадь съѣдена.

Присутствующіе шаманы призываютъ боговъ, а 9 сыновей поютъ приличные случаю пѣсни, послѣ

*) У Кастрена, сосна — нарахан.

чего, совершивъ еще разъ возліянія виномъ, приступаютъ къ мясу и вину, нѣкоторую часть изъ остатка сжигаютъ на кострахъ; развѣшанное *дали* снимаютъ или оставляютъ на мѣстѣ и развѣзжаются.

Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ остаются въ юртѣ шамана до истеченія 9 сутокъ послѣ смерти.

Шаманскія рощи, служація мѣстомъ погребенія шамановъ легко отличимы въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ бурятами; посреди совершенно безлѣснаго пространства возвышаются отдѣльныя группы деревьевъ, замѣтныя издали, рощи эти бываютъ или на ровныхъ мѣстахъ или чаще на горахъ: ихъ въ одномъ вѣдомствѣ по нѣскольку, каждый родъ или даже улусъ имѣетъ свою рощу; они имѣютъ особое названіе *айха*, мѣсто неприкосновенное, гдѣ нельзя рубить деревья въ подѣ опасеніемъ серьезнаго возмездія или даже смерти; эта *айха* соотвѣтствуетъ полинезійскому табу. Какъ будто-бы каждая роща служить кладбищемъ только одному шаману, но въ одной такой рощѣ въ Кудинскомъ вѣдомствѣ были погребены и не шаманы, простые буряты; могилы ихъ легко узнать.

По убѣжденіямъ бурятъ, душа шамана или онъ самъ въ дыму костра поднимается на небо и тамъ начинаетъ вести пріятную жизнь, какъ боги, но по внѣшности совершенно сходную съ земной жизнью, т. е. онъ можетъ на небѣ имѣть жену и отъ нея дѣтей, принимаетъ пищу и вино, приносимое родными и почитателями на землѣ, ѣздитъ на убитомъ при похоронахъ конѣ, носитъ одежду, никогда не изнашивающуюся, въ которую онъ былъ одѣтъ послѣ

смерти. Умершій шаманъ на небѣ заботится объ оставшихся на землѣ родныхъ, защищаетъ ихъ отъ злыхъ духовъ, назначаетъ кого-либо изъ мальчиковъ въ обученіе шаманскому искусству, и всячески покровительствуетъ имъ. Но иногда, какъ будто, шаманъ забываетъ своихъ близкихъ, и тогда только усиленными жертвами семья старается вернуть себѣ благорасположеніе своего естественнаго покровителя. Такое забвеніе семейныхъ интересовъ одни приписываютъ грѣхамъ шамана, совершеннымъ при жизни, вслѣдствіи чего его заступничество за своихъ не имѣетъ силы, и въ наказаніе никто изъ его родичей не удостоивается шаманнаго ранга; но другіе приписываютъ это просто разсѣянности, увлеченію прелестями жизни съ богами.

Интересно, что всѣ вещи и предметы, которые нужны будутъ шаману послѣ смерти должны быть или сожжены или убиты (лошадь) или сломаны, вообще какъ-либо должна быть нарушена физическая цѣлость и надлежащее соотвѣтствіе частей, т. е. тоже, что сдѣлалось съ шаманомъ, когда связь души съ тѣломъ въ актѣ смерти исчезла. И вотъ послѣ такой перемѣны, видимаго истребленія, они, всѣ эти вещи начинаютъ новую жизнь, жизнь неизмѣнную, вѣчную; отъ земной жизни отличающуюся только тѣмъ, что они уже больше не измѣняются, не изнашиваются. Изъ этого видно, что буряты вѣрятъ не только въ загробную жизнь, не только признають существованіе души у людей, но и признають душу вещей.

По другимъ показаніямъ мѣстопребываніе шамановъ послѣ смерти бываетъ опредѣлено: шаманы

поступаютъ въ подчиненіе великимъ богамъ; бѣлые шаманы подчиняются Сатинскимъ богамъ и живутъ въ ихъ помѣщеніяхъ (*Сатани-бурхахи - Сулан*), которыя находятся за Байкаломъ у озера *Садамтын-Саган* и представляются воображенію бурятъ великолѣпными дворцами. Сатинскіе боги—добрые, покровительствуютъ людямъ; къ нимъ принадлежитъ Хоредой-ноён и его жена Хобоши-Хатун, дочь неба Шара-Хасар, превращавшаяся въ лебедя, почему буряты чтутъ лебедей и никогда не убиваютъ; жалобный голосъ лебедя буряты приписываютъ тому, что лебедь, Хобоши-Хатунъ, покинувшая своего мужа Хоредоя, тоскуетъ по своимъ дѣтямъ, оставшимся на землѣ.

Бѣлые шаманы могутъ поступать, хотя и рѣдко, въ дворцы западныхъ хатъ (небъ).

Черные шаманы, служители злыхъ боговъ, отходятъ по смерти или къ *Эрлэнъ-Хану*, если они происходятъ отъ чернаго кузнечнаго неба (*Бохо-Тэли?*) или отъ Хутунскихъ боговъ, къ которымъ принадлежитъ самъ Эрлэнъ-Ханъ; или къ хозяину острова Ольхона, Хан-Хѣшо-Бабай, въ такъ называемое Ноехи-Сулган, т. е. чиновное собраніе, куда главнымъ образомъ направляются тайши, родовые старосты и нѣкоторые простые буряты; или также къ хозяину чернаго коня *Ажири-Бохо*, называемому еще Зулхэн-Ноён, такъ какъ его мѣстопробываніе въ Зулхэ, по рѣкѣ Ленѣ, въ верхоленскомъ округѣ, гдѣ существуютъ роскошные дворцы.

Кромѣ обряда сожженія и погребенія костей въ живомъ деревѣ у бурятъ практикуются и другіе

обряды. Такъ въ Балаганскомъ и Идинскомъ вѣдомствахъ умершихъ шамановъ, а также и людей убитыхъ громомъ, не сжигаютъ, а выставляютъ въ лѣсу на *аранга*. Пораженный громомъ, какъ объяснено выше, считается шаманомъ, а родные его приобрѣтаютъ шаманское происхожденіе; поэтому и обрядъ похоронъ по отношенію къ убитому громомъ совершается такъ, какъ будто-бы покойникъ былъ шаманъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась катастрофа прежде всего устраиваютъ шалашъ, а пораженнаго громомъ кладутъ на доски и обливаютъ водой съ цѣлью привести его къ жизни, но если попытка не удастся и смерть несомнѣнна, то приступаютъ къ обряду, назыв. *нервер деидехэ*. Убитаго одѣваютъ какъ шамана въ оргой, также при немъ 9 сыновей поютъ похоронныя пѣсни въ теченіи 3-хъ дней, пока покойника не увезутъ въ лѣсъ; домой-же его везти нельзя; все время его окуриваютъ богородской травой и вересомъ, и на третій день сажаютъ на коня и отвозятъ въ шаманскую рощу, гдѣ и оставляютъ на особо устроенномъ ложѣ: для этого выбираютъ толстыя деревья, стоящія поближе другъ къ другу, на нихъ укрѣпляютъ бревна и наконецъ доски, такъ что образуется помость на высотѣ 2, 3 или 4 сажень отъ земли; на этотъ помость и кладется покойникъ, заключенный въ гробу; такъ-же кладутъ пищу и вино; помость носитъ названіе *аранга*; такъ-же на *аранга*, но не въ шаманской рощѣ, а на мѣстѣ происшествія, кладутъ и всякое убитое громомъ животное.

Прекрасной иллюстраціей обряда погребенія шамана на *аранга* могутъ служить рисунки къ статьѣ

Yatlow «о похоронныхъ обычаяхъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ *)»; особенное же сходство съ бурятскимъ обыкновениемъ положенія покойника на деревѣ представляетъ рис. 18 съ тою разницей, что шаманъ кладется въ гробу; рисунки-же 15, 16 и 17 объясняютъ расположеніе на аранга убитыхъ громаомъ животныхъ.

Обрядъ сожженія, употребляемый теперь только при похоронахъ шамановъ, нѣкогда составлялъ общераспространенный обычай и тогда сожигались и простые буряты. Покойника одѣвали въ лучшую одежду, снабжали ножомъ, лукомъ, стрѣлами и сѣстными припасами. На мѣстѣ сожженія устраивали четырехугольникомъ костеръ, а на немъ на потникъ клали тѣло и всѣ предметы, подлежащіе сожженію вмѣстѣ съ трупомъ; голова трупа покоилась на сѣдлѣ. Иногда вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали и его коня. Зажегши костеръ, уѣзжали домой и возвращались только на 3-й день; тогда собирали сохранившіяся и обгорѣвшія кости и, положивъ въ берестяное лукошко, зарывали въ землю. Погребальныя урны бурятъ слѣдовательно не были очень роскошны, но предпочтеніе, оказанное въ этомъ случаѣ березовой корѣ передъ другими матерьялами объясняется отчасти уваженіемъ, питаемымъ къ березѣ, какъ священному дереву, а съ другой стороны и неумѣніемъ готовить глиняную посуду. Встрѣчающіяся среди бурятскихъ поселеній различныя могильныя сооруженія, въ которыхъ находятся въ

*) См. First annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution 1879 -80. sed by J. W. Powell.

глиняныхъ урночкахъ сженыя кости, принадлежать не бурятамъ, а другому народу, стоявшему на болѣе высокой культурной стадіи развитія, чѣмъ современные буряты; этихъ древнихъ посельниковъ называютъ различно, мунгалами (у русскихъ), то китайцами или хара-монголами (у бурятъ); при этомъ чело-вѣкъ каменнаго вѣка не принимается во вниманіе, онъ древнѣе вышеупомянутыхъ обитателей Иркутской губерніи.

Въ настоящее время по настоянію земскихъ властей покойниковъ буряты погребаютъ, не сжигая. Покойника обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду, въ карманъ кладутъ серебряныя монеты, а запазуху трубку и кисеть съ табакомъ; рядомъ на столѣ ставятся и съѣстные припасы, кромѣ хлѣба и молока класть которые для покойника считается грѣхомъ, также запрещается класть и огниво; иногда кладутъ ножикъ, лукъ и стрѣлы (у кудинцевъ). Затѣмъ устраиваютъ гробъ, въ которомъ и кладутъ покойника; но часто обходятся и безъ гроба; въ послѣднемъ случаѣ подъ покойника, при положеніи его въ могильную яму, подстилаютъ потникъ, а въ голову сѣдло; если-же покойникъ въ гробу, то сѣдло, узда и потникъ сжигаются на костръ вмѣстѣ съ убитымъ конемъ.

На зарытой ямѣ оставляютъ обыкновенно арбу (телѣгу) покойника, но разбитую, съ сломанными колесами; она предоставляется вмѣстѣ съ другими положенными въ могилу и сожженными вещами и конемъ покойнику, который все это будетъ употреблять послѣ смерти; для того, чтобы предметы эти

были пригодны для употребленія въ посмертной жизни, они сами должны быть разбиты, сломаны, сожжены или убиты, словомъ испытать тоже, что случилось съ умершимъ человѣкомъ.

По торчащимъ изъ земли разбитымъ колесамъ на могилахъ бурятъ легко отличить бурятскія кладбища, располагающіяся обыкновенно въ небольшихъ лощинахъ или на склонахъ возвышенностей по близости шаманскихъ рощъ.

Послѣ похоронъ трое сутокъ родные умершаго не начинаютъ никакого дѣла, не отправляются въ дорогу, эти дни траурные, печальные, черные дни, какъ говорятъ буряты—Хаура-боро; въ эти дни душа покойника блуждаетъ около дома, посѣщаетъ родныхъ. На третьи сутки родные покойника устраиваютъ поминки, родъ тризны: колятъ барановъ, приготавливаютъ тарасунъ и угощаютъ знакомыхъ.

V. ИДЕИ БУРЯТЪ О ДУШѢ И ЗАГРОВНОЙ ЖИЗНИ.

Вѣрованія бурята шаманиста находятся въ неразрывной связи съ его воззрѣніями на окружающую природу, жизнь и свойства его собственной души, поэтому его идеи о душѣ получаютъ особенное значеніе. Душа представляется буряту совершенно отдѣльнымъ отъ его тѣла существомъ, могущимъ покидать тѣло временно или навсегда, и въ послѣднемъ случаѣ наступаетъ смерть; болѣзнь и сонъ отличаются отъ смерти, такъ сказать, количественно; иначе, сонъ и болѣзнь суть временное разставаніе души съ тѣломъ. Видѣніе сновъ бурятъ

объясняетъ тѣмъ, что въ это время душа покидаетъ тѣло и странствуетъ по землѣ или посѣщаетъ духовъ; все, что душа встрѣчаетъ во время этихъ странствованій, она сохраняетъ въ памяти, и по возвращеніи къ тѣлу; воспоминаніе всего случившагося съ душой и есть сонъ; понятно, что снамъ буряты придаютъ реальное значеніе. Но и самая душа не только реальна, но и вещественна; она можетъ быть видима и слышима другимъ человѣкомъ; обыкновенно она принимаетъ видъ пчелы; представленіе души въ видѣ пчелы есть національная идея монголовъ, подобно тому, какъ славяне и русскіе представляли ее въ видѣ бабочки (душичка въ Ярославской губерніи)*); такъ, напр., въ извѣстной монгольской легендѣ о подвигахъ Богдо-Гесеръ-хана**) душа Чоридонгъ-ламы принимала видъ осы, по волѣ ламы, чтобы умертвить Еро (Гесеръ-Хана), но когда была поймана имъ, то всякій разъ, какъ Гесеръ-ханъ сжималъ ее рукой—Лама впадалъ въ безпамятство, и когда переставалъ давить его душу осу Гесеръ-ханъ, то лама приходилъ въ чувство. Слѣдующій разсказъ пояснить воззрѣнія бурятъ на соотношеніе странствованій души со снами:

«Два бурята жили въ одной юртѣ; разъ одинъ изъ нихъ заснулъ днемъ, другой-же не спалъ; вотъ онъ видитъ, какъ изъ носа спящаго товарища выползаетъ пчела (или оса) и начинаетъ летать въ юртѣ, а потомъ вылетѣла на улицу. Заинтересован-

*) Буслаева. Миѣнческія преданія о чловѣкѣ и природѣ, стр. 142.

**) Die Thaten Bogda—Gesserchan's, стр. 53.

ный этимъ явленіемъ буряты также вышли на улицу, чтобы слѣдить, что будетъ дѣлать пчела. Пчела летала около юрты, а потомъ полетѣла далѣе и наконецъ залетѣла въ какую-то нору, гдѣ и оставалась нѣкоторое время; затѣмъ выползла изъ отверстія и полетѣла обратно въ юрту, здѣсь она стала ползать по краю корыта съ водой и какъ-то упала въ воду; выползши съ трудомъ изъ воды, она возвратилась въ носъ спящаго товарища.

Проснувшійся товарищъ рассказалъ, что онъ видѣлъ сонъ: «будто я выхожу на улицу и нахожу большую яму, въ которой много серебра, а потомъ пошелъ по берегу моря и обрвавшись съ крутого берега, чуть не утонулъ, съ трудомъ выбравшись на берегъ; съ тѣмъ я и проснулся», такъ говорилъ спавшій товарищъ. Между тѣмъ его товарищъ, замѣтившій нору, въ которую входила душа спавшаго (въ видѣ пчелы), отыскалъ нору и нашелъ тамъ много серебра. Представленіе души въ видѣ пчелы (или осы) объясняетъ, почему буряты не убиваютъ пчелъ, залетающихъ въ юрту; очевидно, изъ страха убить душу.

Вслѣдствіе такихъ возрѣній на причины сна, буряты видятъ въ снахъ дѣйствительные факты, которые и толкуютъ то въ прямомъ, то въ иносказательномъ смыслѣ. Хорошими снами считаются: видѣть себя катающимся на быкѣ или купающимся, потому что быкъ есть символъ Буха-ноина, а вода указываетъ на Уханъ-хатъ, божества добрыя; напротивъ, видѣть себя запертымъ въ какомъ нибудь помѣщеніи или видѣть, какъ изъ калчана унесена стрѣла, предвѣщаетъ бѣду и смерть; *стрѣла означаетъ душу мужчины.*

Какъ сонъ, такъ и болѣзнь есть временное отдѣленіе души отъ тѣла, но во время болѣзни душа не произвольно удаляется, а увлекается насильно, похищается по волѣ какого-либо божества, всего чаще за непринесеніе жертвы. Чтобы узнать, кѣмъ причинена болѣзнь, кто похитилъ душу и какое божество требуетъ жертвы, призывается шаманъ, обязанный по трещинамъ на обожженной бараньей лопаткѣ открыть имя божества. Если шаманъ не узнаетъ имени божества или божество не хочетъ преклониться на милость, то больной умираетъ. И такъ смерть наступаетъ только тогда, когда душа похищена и заключена въ темницу Эрлен-Хана.

Но человѣкъ еще можетъ избѣжать смерти, если душѣ его удастся укрыться подъ покровительство другихъ божествъ; этими божествами бываютъ: 1) Западный хатъ; 2) Ухан-Хатъ; 3) огонь очага, т. е. хозяинъ огня, который бросаетъ въ преслѣдователей огненные искры; 4) онгоны; 5) кузнечные заяны, которымъ буряты приносятъ жертвы, прося защиты отъ злыхъ духовъ; кузнечные заяны отгоняютъ преслѣдователей души раскаленными желѣзными брызгами; 6) предки, сдѣлавшіеся заянами. Но укрыться душа можетъ не только у боговъ, но и въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстахъ, напр.: 7) въ гривѣ посвященнаго коня; 8) въ шерсти порога, посвященнаго Буха-Ноину; 9) въ слѣдахъ домашнихъ животныхъ; 10) въ домахъ сосѣдей или даже 11) у хорошей собаки.

Во время преслѣдованій посланцами злыхъ духовъ душа принимаетъ видъ животныхъ и птицъ, такъ, душа женщины становится сорокой.

Пойманная душа начинает плакать, и этот плачь часто слышать люди.

Посланники Эрлен-Хана или других заяновъ, по своей природѣ, однако, тождественные съ душами умершихъ людей, для захвата души живаго человѣка употребляютъ разныя средства: такъ, напр., во время сна заставляютъ человѣка чихнуть, при чемъ душа спящаго выскакиваетъ, и если не успѣетъ спрятаться, то достается въ руки похитителей; другой приѣмъ болѣе рѣшительный: духъ подѣзжаетъ къ юртѣ больного въ черной каретѣ; у него засучены рукава и руки до локтей покрыты кровью; онъ у больного въ груди прорѣзываетъ отверстіе, всовываетъ въ грудь руку и сжимаетъ аорту, отчего наступаетъ смерть (балаг. бур.); тотъ-же приѣмъ практикуется во всѣхъ случаяхъ при умерщвленіи жертвенныхъ животныхъ. Поимка души человѣка облегчается, если прежде захватить душу его коня; иначе душа человѣка на конѣ легче можетъ избѣжать преслѣдованія. Поймать душу коня можно только при помощи души живаго человѣка, но и это дается не безъ труда, такъ какъ и душа коня можетъ укрываться у Хатовъ.

Душа больного человѣка захваченная даже Эрленъ-Ханомъ можетъ быть возвращена къ тѣлу при содѣйствіи хорошаго шамана.

Одного хорошаго шамана пригласили къ больному, но шаманъ отказался ѣхать, зная, что душа больного заключена въ темницу Эрлен-Хана; но затемъ послали второй разъ, шаманъ отказался, и поѣхалъ только по третьему зову; отказаться на

третье приглашеніе невозможно, ибо за это шаманъ подвергается отвѣтственности. По прїѣздѣ къ больному, послѣ призываній заяновъ, шаманъ объявилъ, что душа больного можетъ быть освобождена изъ заключенія только цѣной собственной души шамана; шаманъ соглашался умереть, если больной обѣщаетъ для его похоронъ дать коня и хорошую одежду. Получивъ согласіе больного, шаманъ во время мистеріи побывалъ у Эрленъ-Хана и получилъ разрѣшеніе оставить свою душу вмѣсто души больного, которую нашель шаманъ въ тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ. Тѣже цѣпи наложены были и на душу шамана, влѣдствіи чего, по возвращеніи шамана домой, онъ захворалъ. Чувствуя неизбежность смерти, шаманъ послалъ къ своему спасенному пациенту за обѣщаннымъ конемъ и одеждой, но получилъ отказъ и посланные шаманы подверглись оскорбленіямъ. Тогда шаманъ приказывалъ роднымъ не хоронить его до 9 сутокъ, обѣщая ожить къ концу этого срока. Но шамана похоронили на горѣ Тарятын Ондор, положивъ его тѣло въ гробу на аранга.

По жалобѣ шамана на вѣроломство обманувшаго его бурята, душа послѣдняго была снова схвачена, заключена въ цѣпи, а бурятъ умеръ. Шаманская душа имѣла право возвратиться, но она нашла свое тѣло уже сгнивающимъ, наполненнымъ червями, съ выпавшими глазами и отвалившимся носомъ. Съ трудомъ душа проникла, однако, въ тѣло, и шаманъ всталъ, вытряхнулъ всѣхъ червей, глаза и носъ приставилъ куда слѣдуетъ. Въ такомъ видѣ отправился шаманъ, но дорогой раздумалъ, вернулся на

прежнее мѣсто и померъ вторично, а душа направилась въ страну духовъ. Впослѣдствіи шаманъ этотъ сдѣлался заяномъ; его часто призываютъ во время мистерій и онъ рассказываетъ свои походы.

Не всѣ души попадаютъ въ темницу Эрлен-Хана; души хорошихъ ремесленниковъ попадаютъ въ особыя мастерскія, гдѣ они продолжаютъ заниматься своимъ ремесломъ; души грамотныхъ занимаются письмоводствомъ, а души хорошо шьющихъ женщинъ помѣщаются въ зданіе, называемое Улении, гдѣ занимаются шитьемъ.

Буряты полагаютъ, что умные люди, хорошіе мастера и грамотыи долговѣчны, потому что въ нихъ нуждаются и Эрлен-ханъ и другія божества и похищаютъ ихъ души.

Загробная жизнь душъ, по мнѣнію большинства, заключается не въ мученіяхъ въ темницѣ или непрестанной работѣ, а въ полнѣйшей праздности. Идеи возмездія для шаманиста вообще чужды и если такія идеи въ разсказахъ и находятъ мѣсто, то ихъ слѣдуетъ считать заимствованными отъ буддистовъ, быть можетъ черезъ посредство общихъ сказокъ; для шаманиста свойственнѣе представленіе о жизни душъ послѣ смерти, какъ о продолженіи существованія ихъ на землѣ. Души также употребляютъ пищу, ѣздятъ на свадьбы, на вечерки; носятъ хорошую или дурную одежду, смотря потому, какъ были одѣты при похоронахъ; ходятъ пѣшкомъ, ѣздятъ въ телѣгѣ или верхомъ, смотря потому, были ли снабжены конемъ, экипажемъ или нѣтъ. Эти воззрѣнія на загробную жизнь отражаются весьма ярко въ похоронныхъ обрядахъ.

Не смотря на эти сходныя черты съ жизнью до смерти, душа, слѣлавшись духомъ, пріобрѣтаетъ и нѣкоторыя новыя свойства, среди которыхъ какъ то странно переплетаются эфирныя, невещественныя свойства съ свойствами чисто физическими и притомъ характеризующими живую душу или живаго человѣка. Такъ, души умершихъ могутъ быть видимы людьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляютъ слѣда на пеплѣ очага; при ходьбѣ не ломаютъ старыхъ сучьевъ и не шелестятъ опавшими листьями; души умершихъ, для краткости будемъ говорить, духи—могутъ быть убиты и снова оживать или не оживать, и превращаться въ голую тазовую кость; духи испытываютъ боль и потому боятся боярышника и шиповника; отсюда обыкновеніе держать въ юртахъ шиповникъ и боярышникъ, особенно въ случаѣ присутствія новорожденнаго. Характерныя особенности душъ будутъ видны изъ слѣдующихъ данныхъ. Души не оставляютъ слѣдовъ и боятся боярышника и шиповника. Однажды ночью шелъ человѣкъ, имѣвшій способность видѣть духовъ и говорить съ ними. Онъ встрѣтилъ трехъ духовъ и присоединился къ нимъ. По пути, онъ узнаетъ отъ нихъ, что они идутъ за душой сына богача. Бурятъ просилъ, чтобы и его допустили они принять участіе въ охотѣ за душой; духи согласились. Дорогой духи спрашиваютъ, *«отчего ихъ спутникъ (живой человѣкъ) такъ ходитъ, что мнется трава и шелестятъ подъ ногами сухіе листья»*. Бурятъ говоритъ, что это оттого, что онъ недавно померъ и не умѣетъ ходить. Духи повѣрили. Вотъ пришли они къ богатому человѣку: одинъ всталъ у двери, другой у дымоваго

отверстія, а третій вошелъ въ юрту и заставилъ больного сына чихнуть; въ это время его душа выскочила и хотѣла убѣжать, но стоявшій у двери духъ ее поймалъ и не выпустилъ, не смотря на плачь души, а понесъ на рукахъ. На обратномъ пути живой человѣкъ спрашиваетъ духовъ: «чего они всего больше боятся на свѣтѣ»? Духи отвѣчали, что они всего болѣе на свѣтѣ боятся шиповника и боярки. «А ты чего болѣе боялся, когда былъ живой»? спрашиваютъ духи. «Я больше всего при жизни боялся жирнаго мяса», отвѣчаетъ находчивый бурятъ. Духи повѣрили и на этотъ разъ. Идутъ дальше. Только бурятъ и говоритъ духамъ: «дайте мнѣ душу, я понесу, вы устали». Духи дали ему пойманную душу. Встрѣтивъ по дорогѣ боярку и шиповникъ, бурятъ бросился туда вмѣстѣ съ душой и залегъ среди колючихъ кустовъ. Духи не могли даже близко подходить къ боярышнику и шиповнику и тщетно пытались выгнать бурята изъ кустовъ; наконецъ догадались и стали бросать въ кусты жирное мясо. Бурятъ сталъ кричать: «боюсь, боюсь», а самъ поѣдалъ мясо. Видя неудачу, духи ушли, а бурятъ вышелъ изъ кустовъ и возвратилъ душу больному, за что получилъ вознагражденіе.

Когда умираетъ человѣкъ, то его душа трое сутокъ блуждаетъ около дома. Между тѣмъ умершіе ранѣе родственники и сосѣди встрѣчаютъ новаго пришельца въ страну духовъ съ радостью и устраиваютъ пирушку, но душа не сознаетъ еще себя оторванною отъ тѣла и держится подлѣ тѣла. На третьи сутки духи убѣждаютъ душу въ смерти,

дѣлая ей испытаніе, а именно заставляють ступить на пепель очага у него въ домѣ и въ юртахъ его родственниковъ и знакомыхъ, но нигдѣ слѣдовъ не остается, что и убѣждаетъ душу въ смерти.

Первый рассказъ свидѣтельствуешь, между прочимъ, какого невысокаго мнѣнія буряты о своихъ духахъ, т. е. душахъ; эти души, какъ чертъ русскихъ сказокъ, глупѣе глупца.

Духовъ можно убивать и они имѣютъ начальника одноголазаго. У одного человѣка, имѣвшаго способность видѣть духовъ, былъ одинъ сынъ и два бѣгунца, изъ которыхъ одинъ былъ быстрѣе другаго. Когда сынъ померъ, то лучшій бѣгунецъ былъ ему отданъ, т. е. убитъ на похоронахъ. Въ одной пустой юртѣ постоянно собирались духи и устраивали вечерку. Человѣкъ захотѣлъ подсмотрѣть и послушать, и сталъ караулить. Духи начали собираться, а потомъ пришелъ и начальникъ, котораго выбѣжали встрѣтить на улицу и подъ руки ввели въ юрту; начальникъ былъ большой, толстый и имѣлъ на лбу одинъ глазъ. Начальникъ, сидя на почетномъ мѣстѣ, сталъ раздавать приказаніе привести душу такого-то, и такого-то, и всякій разъ нѣсколько духовъ выходили исполнять приказаніе. Человѣкъ, между тѣмъ, прицѣлился и выстрѣлилъ прямо въ лобъ начальника, который упалъ, закричавъ убили и превратился въ голую тазовую кость. Духи погнались за человѣкомъ, ускакавшимъ на своемъ бѣгунцѣ; всѣ духи отстали, за исключеніемъ сына, у котораго конь былъ лучше отцовскаго; когда сынъ узналъ отца, то обѣщалъ сказать, что онъ не успѣлъ захватить человѣка, такъ какъ онъ убѣжалъ въ хатъ.

Убитый духъ, превратившійся въ тазовую кость, снова дѣлается черезъ три дня духомъ, но чтобы этого превращенія не случилось, достаточно тазовую кость обжечь на огнѣ. По другимъ указаніямъ духъ не превращается въ тазовую кость, а, будучи убитъ, исчезаетъ безъ слѣда.

На вечеркахъ духи разводятъ въ пустыхъ юртахъ огни, но эти огни блѣдны и синеваты; огонь духовъ можно украсть, и укравшій дѣлается богатымъ (существуетъ легенда у балаганцевъ). Около огня духи сидятъ или пляшутъ, но при этомъ никогда не образуютъ цѣльнаго круга, какъ люди. Духовъ, какъ сказано, можно видѣть, и если чловѣкъ увидитъ духовъ прежде, то они его уже не замѣтятъ; встрѣчая чловѣка, души пугаются. Духи поютъ въ дорогѣ пѣсни и эти пѣсни слышатъ люди.

(Извлечено отдѣльно изъ № 1—2, т. XIV Извѣстій Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. Общ.).

Иркутскъ, 1883. Типографія Н. Н. Синицына, Харл. ул. д. № 92.

Объясненіе рисунковъ къ статьѣ „Шаманство у бурятъ Иркутской губерніи“.

ТАБЛИЦА I.

Фиг. 1-я. Сэжэн-Бар,—Тымыршея сынъ, въ естественную величину; А—деревянный обручъ. Б—вырѣзанная изъ краснаго сукна фигура человѣка, а, шейное украшеніе; б, б,.. миткалевые ленты бѣлыя и розовыя, въ каждомъ пучкѣ по 2 розовыхъ и 2 бѣлыхъ; в, в, в,... привѣски, изъ жести, изображающія колокольчики, холбохо. В—вертикальная перекладина, деревянная; иногда имѣетъ форму человѣка; Д—поперечная перекладина изъ проволоки. Сэжэнъ-баръ встрѣчается въ юртахъ Кудинскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ бурятъ.

Фиг. 2. Дабай-хан; а—мѣхъ выдры; б, бѣлыя миткальные ленты.

Фиг. 3. Рикъ.

Онгоны Дабай-хан—и Рикъ встрѣчены только у Ольхонскихъ бурятъ; на фиг. 2 и 3 изображены въ естественную величину, но онгонъ Рикъ дѣлаютъ и вдвое длиннѣе.

ТАБЛИЦА II.

Фиг. 1-я. Горные онгоны Ольхонскихъ бурятъ. На голубомъ шелковомъ лоскуткѣ нарисовано красной краской 5 человѣческихъ фигуръ; на высотѣ груди у каждаго изображенія привязано по жестяной человѣческой фигуркѣ, у № 1, 4 и 5 желтой латуни, и у № 2 и 3—бѣлой жести; надъ головой у каждаго изображенія по кусочку мѣха выдры и по перышку филина; вмѣсто глазъ бисеръ; поверхъ голубаго лоскутка нашта бѣлая шелковая ленточка такой ширины, что головы фигуръ съ частью шеи удобно на ней помѣщаются; къ той же ленточкѣ по бокамъ приклеиваются 4 голубыя тесемочки. (Уменьшено въ 2 раза)

Фиг. 2-я. Онгонъ Ухан-Хата, Закулейскаго улуса Балаганскаго вѣдомства. На лоскуткѣ синей дабы, пришитому къ веревкѣ, изъ бѣлаго конскаго волоса, длиною въ 4 аршина, съ вплетенными въ нее бѣлыми и синими ленточками, нарисовано 9 человѣческихъ фигуръ красною краской, 6 вверху, 3 внизу поменьше, рядомъ съ послѣдними изображены 4 фигуры животныхъ: лошади, верблюда, пчелы и змѣи; надъ верхними фигу-

рами проведено три горизонтальныя черты, изображающія небо, а по краймъ ихъ солнце и луна. (Уменьшено въ 2 раза).

Фиг. 3. Онгонъ жены хозяина огня (Гал-Голыхэн, Гулихатун, Онгонъ сдѣланъ изъ дерева, но обшитъ краснымъ сукномъ, обложеннымъ на головѣ, рукавахъ и внизу—черной Мерлушкой; сукно съ шерстью изображаютъ шубу и шапку; глаза и груди — изъ крупныхъ металлическихъ бусинъ; посрединѣ груди—оловянное украшеніе.

Фиг. 4. Онгонъ Бѣртѣ, Хангинскаго рода Балаганскаго вѣдомства. Онгонъ состоитъ изъ одной деревянной головы со стороны лица; волосы на головѣ, бровяхъ, бакенбардахъ и большой бородѣ представлены черной овечьей шерстью; во рту кусокъ свѣжаго бараньяго курдюка; по бокамъ головы привѣшено по 3 привѣски изъ жести (а, а,...). Уменьшено въ 3 раза.

Фиг. 5 и 6—мѣдные кружки, найденные на мѣстѣ погребенія шамана, употреблялись для привѣшиванія къ шаманской шубѣ.

Фиг. 7. Изображеніе какого-то животнаго изъ мѣди.

Фиг. 8. Въ ромбической рамкѣ уродливая человѣческая фигура съ бородой и большими ушами на верху головы; по тремъ угламъ рамки по диску съ человѣческимъ лицомъ; ясно сохранилось только на одномъ углу; рамка имѣетъ петлю и вѣроятно также была привѣшена къ древней шаманской одеждѣ; найдено близъ Ольхонской думы, въ камняхъ.

ТАБЛИЦА III.

Фиг. 1. Музык. инструментъ—Хур.

Фиг. 2. Конная желѣзная трость шамана.

Фиг. 3. Шаманская корона или шапка.

Фиг. 4 и 5. Рисунки на шаманскихъ ящичкахъ—ширэ.

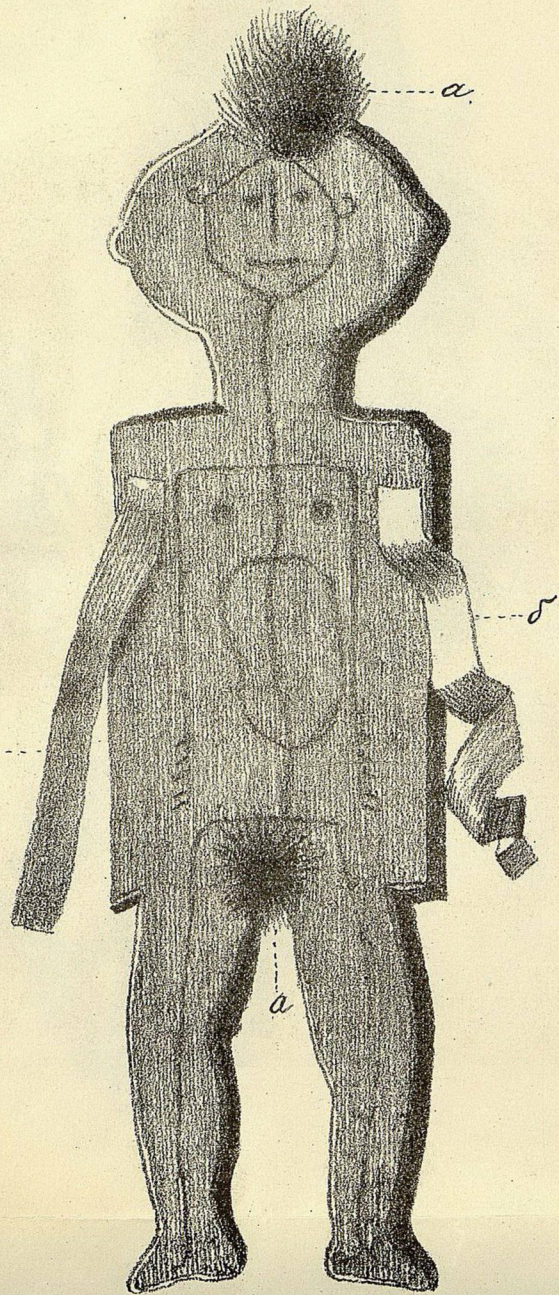
Фиг. 6 и 7. Виды постоянныхъ жертвенниковъ (ширэ) сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ на горѣ. Манхай.

Фиг. 8. Уменьшенный рисунокъ красной краской на скальномъ берегу р. Бѣлой у с. Мальты въ Иркутской губерніи.

ТАБЛИЦА IV.

Фотографія шамана Ольхонскаго вѣдомства Баендя Ба-шенхаева съ его деревянными конными тростями и шаманскимъ ящикомъ (ширэ).

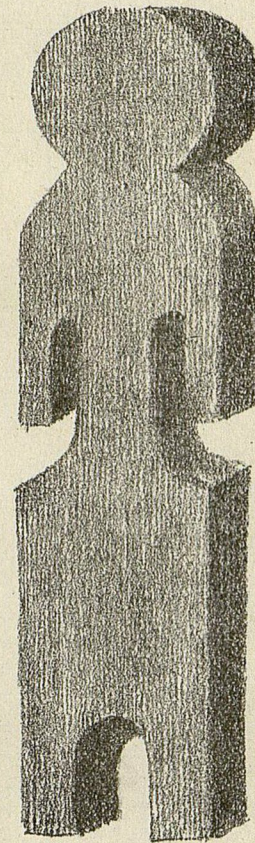
Фиг. 2.

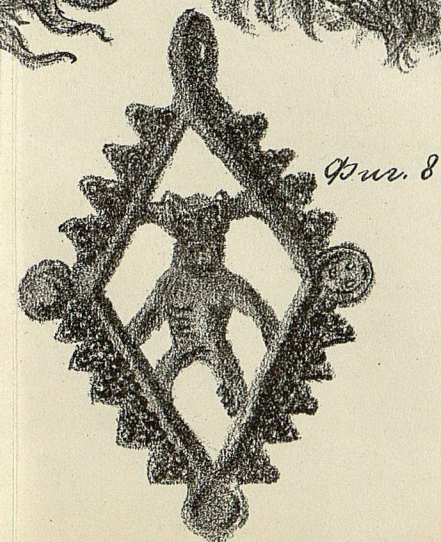
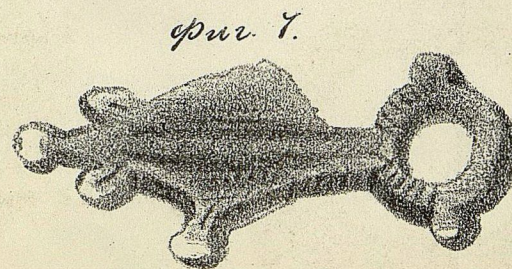
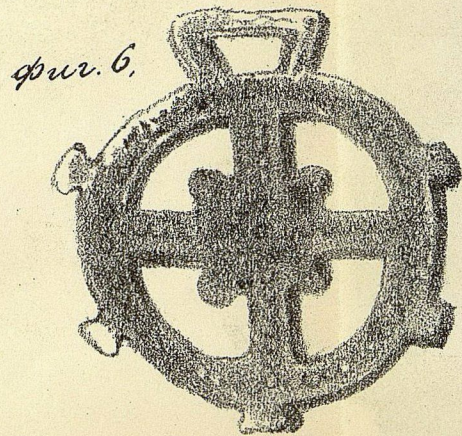
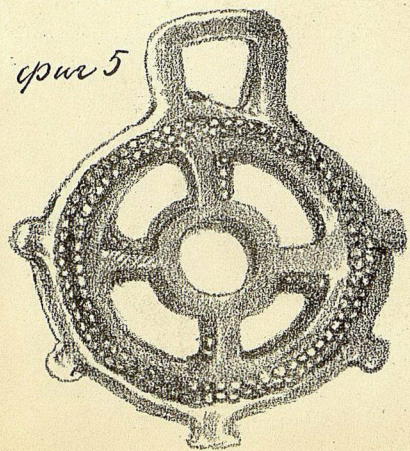
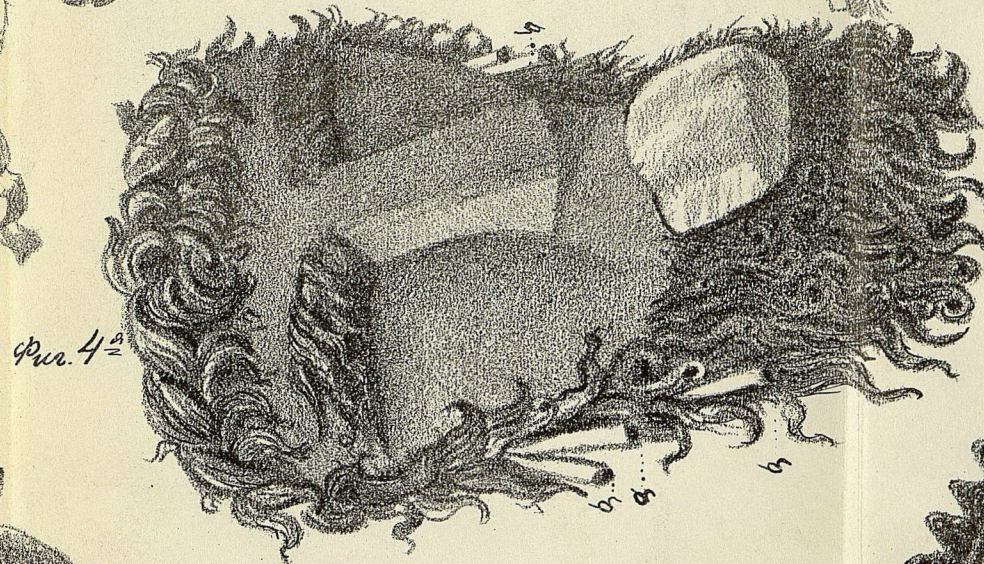
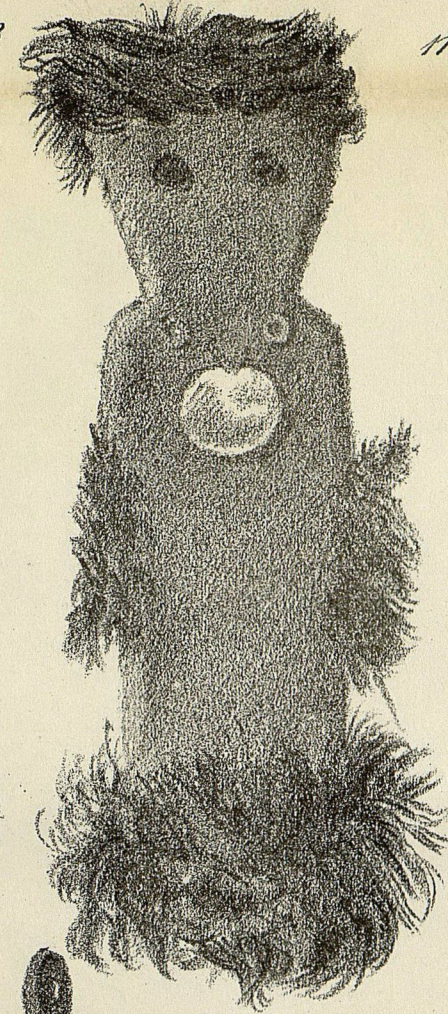
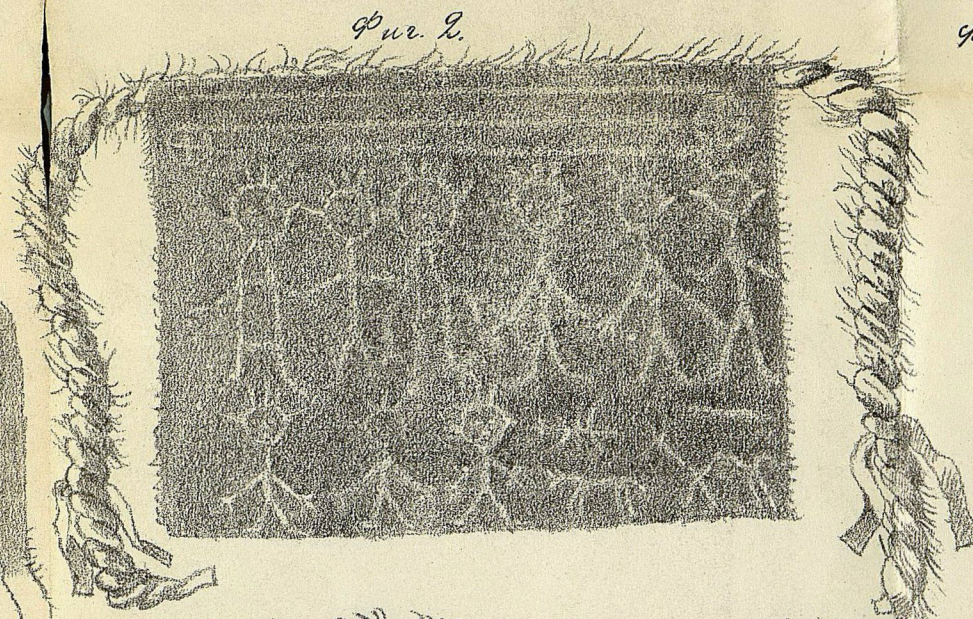
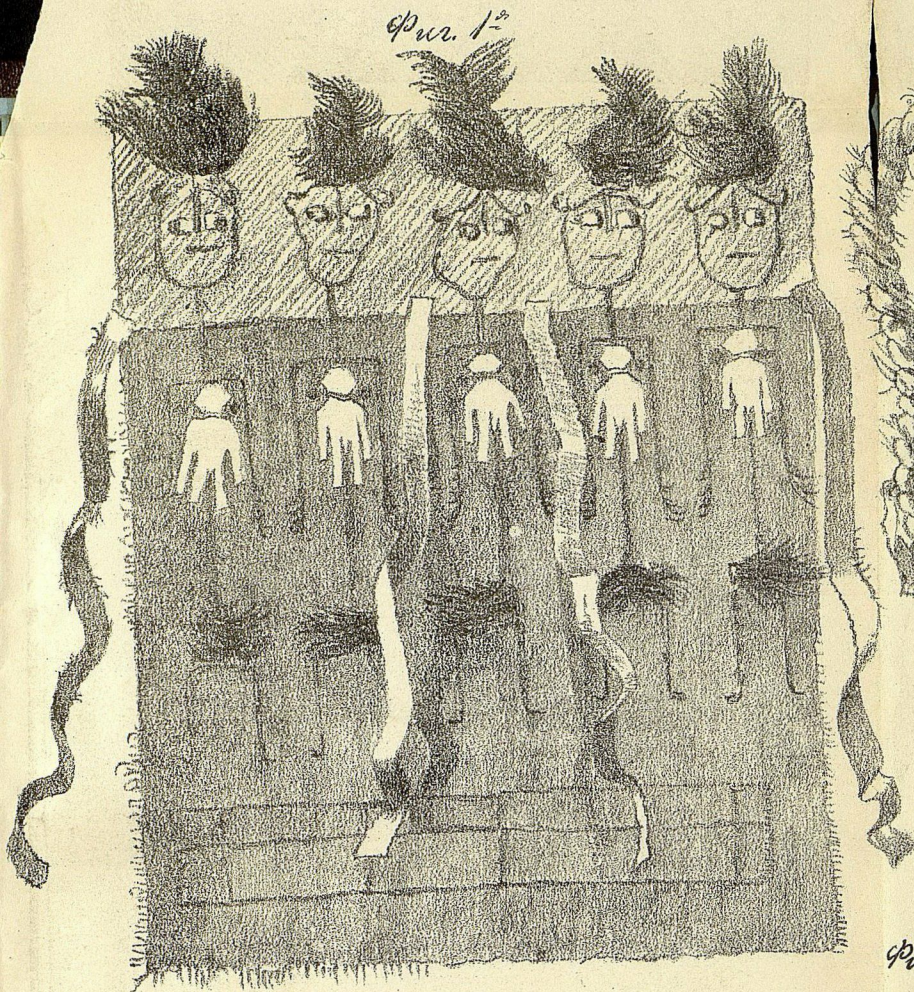

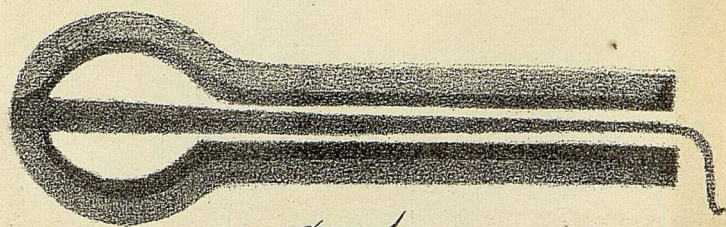
Фиг. 1.

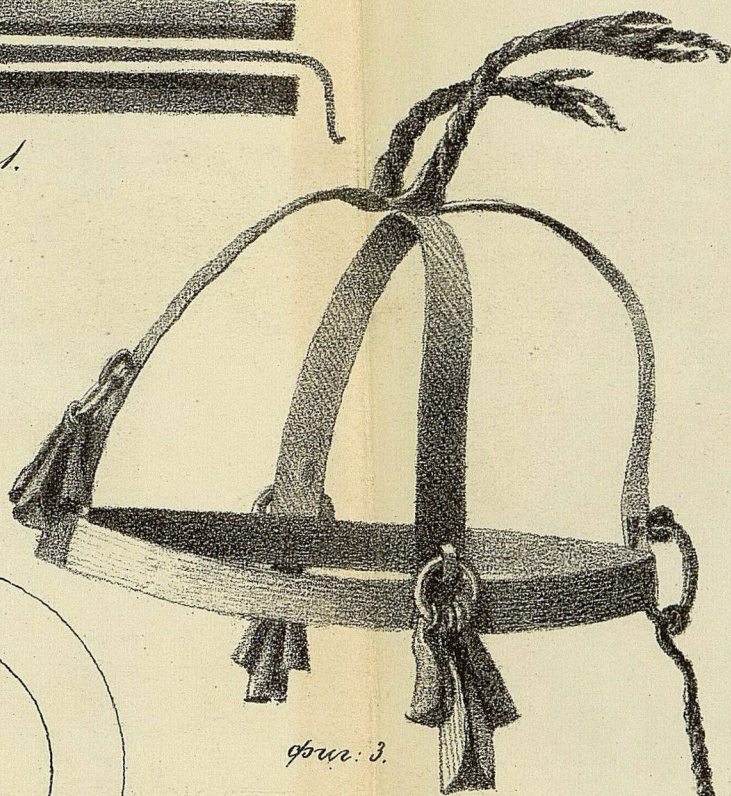
Фиг. 3^a

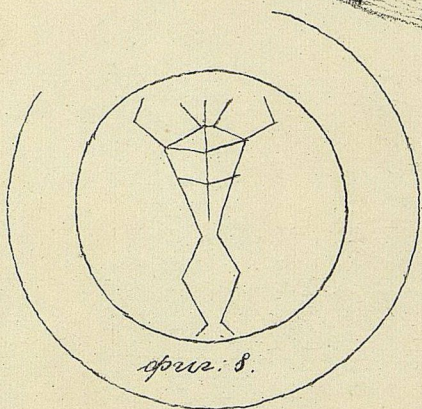

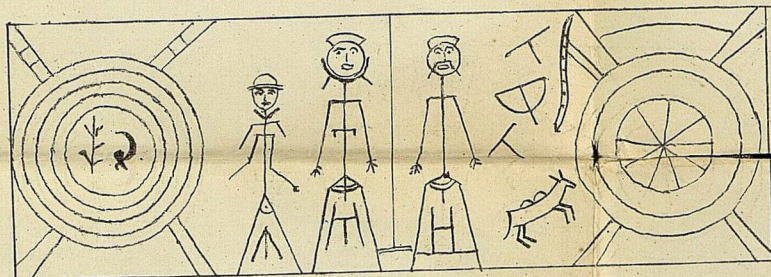
фиг. 1.

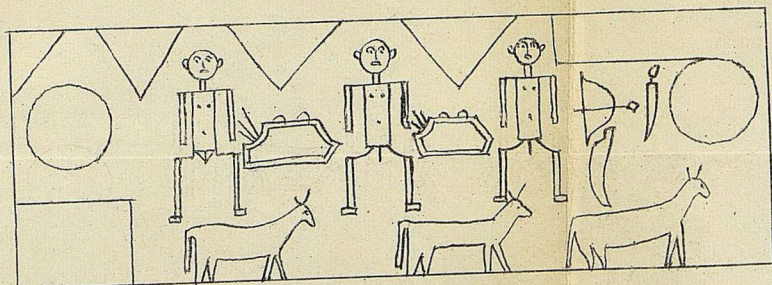
фиг. 3.

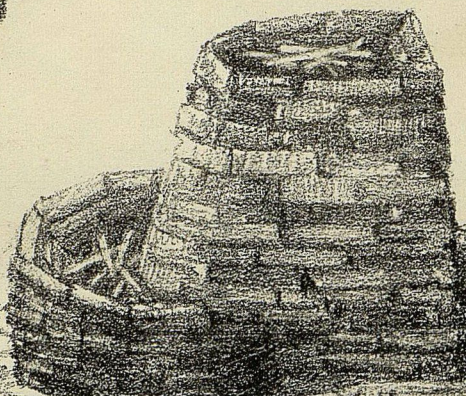
фиг. 8.

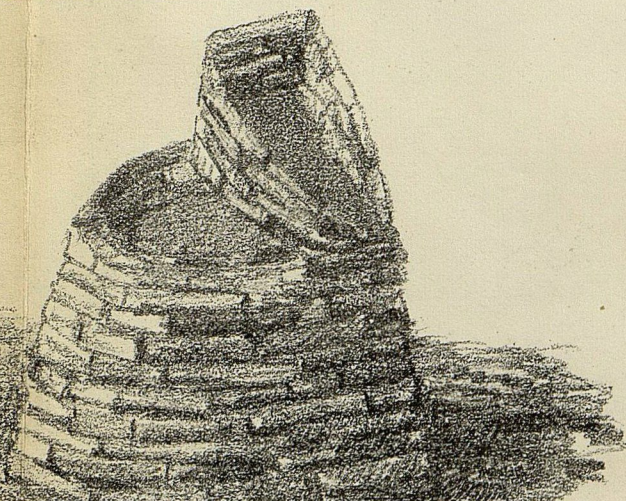
фиг. 4.

фиг. 5.

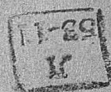
фиг. 6.

фиг. 7.

3

3426/11.2

2007337959